

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

2025 Том 12 № 3

**УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ**

Приглашенный редактор Т.К. Ростовская

DOI 10.22363/2312-8313-2025-12-3

Научный журнал

Издается с 2014 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61271 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Иванов В.Г.,

доктор политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры государственного и муниципального управления ГУУ, Москва, Российская Федерация

E-mail: ivanov_vg@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Белоконев С.Ю.,

кандидат политических наук, научный руководитель факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ

СЕКРЕТАРЬ

Минасян Г.С.,

кандидат политических наук, ассистент кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: minasyan_gs@pfur.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Барабашев А.Г. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственной службы, декан факультета государственного и муниципального управления НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Велиева Д.С. — доктор юридических наук, профессор Поволжского института управления РАНХиГС, г. Саратов, Россия

Вертинский И. — доктор философии, профессор, директор Центра международных исследований корпоративного и общественного управления, Университет Британской Колумбии, г. Ванкувер, Канада

Вольмани Х. — PhD, профессор публичного администрирования и общественной политики Берлинского университета имени Гумбольдта, г. Берлин, Германия

Ворончук И. — доктор экономических наук, профессор, глава департамента публичного администрирования факультета экономики и менеджмента Латвийского университета, г. Рига, Латвия

Кочегура А.П. — доктор философии (PhD), член Европейской Ассоциации специалистов в области государственного управления (EGPA), г. Москва, Россия

Ма Ф. — доктор наук, профессор института политологии и государственного управления, заведующий центром исследования России и Центральной Азии, вице-директор института исследования ШОС Шаньдунского университета, г. Циндао, КНР

Марголин А.М. — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, проректор РАНХиГС, г. Москва, Россия

Масленникова Е.В. — кандидат социологических наук, руководитель отдела аналитических исследований Дирекции научно-технических программ, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления РАНХиГС, г. Москва, Россия

Прокофьев С.Е. — доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Ропрет М. — PhD, профессор кафедры государственного управления Университета Любляны, г. Любляна, Словения

Стриелковский В. — PhD, профессор, управляющий директор Пражского института повышения квалификации, г. Прага, Чехия, почетный профессор Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия

Хоппе Р. — PhD, почетный профессор Школы менеджмента и государственного управления Университета Твенте, сотрудник Института науки о государственном управлении, сотрудник Нидерландского института управления, г. Энсхеде, Нидерланды

Чуев С.В. — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления и советник ректора Государственного университета управления, г. Москва, Россия

Шедлер К. — PhD, профессор, директор Института менеджмента и государственного управления, Университет Санкт-Галлена, г. Санкт-Галлен, Швейцария

Шульц Д. — PhD, профессор кафедры политических наук Университета Хэмли, г. Сент-Пол, США

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ**

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.2.1, 5.5.2, 5.5.3, 5.5.4 с 01.02.2022.

Материалы журнала индексируются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки, Научная электронная библиотека «КиберЛенинка», Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions, DOAJ.

Цели и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление» — рецензируемое научное периодическое издание, учрежденное в конце 2013 года.

Цель издания: содействие развитию науки о государственном управлении и местном самоуправлении, ее популяризации в Российской Федерации, а также создание площадки для обсуждения междисциплинарной и практико-ориентированной проблематики государственного и муниципального управления.

На страницах журнала авторам статей, ученым и практикам, представляется возможность обсуждения основных идей и проблем государственного и муниципального управления, публикация результатов анализа актуальных вопросов государственного управления в России, теоретического осмысления тенденций и перспектив развития местного самоуправления, обобщения зарубежной практики и опыта публичного администрирования и менеджмента, освещения современных тенденций развития высшего профессионального образования в области государственного и муниципального управления и т.д.

Основные рубрики журнала: государственное управление: теория и практика, зарубежный опыт управления, становление и развитие местного самоуправления в России, культура управленческой деятельности, антология государственного управления и другие.

Читательская аудитория журнала: ученые и исследователи, практики государственного и муниципального управления, а также широкий круг читателей, интересующийся проблемами государственного и муниципального управления в Российской Федерации и других странах мира.

В редакционную коллегию журнала входят ведущие ученые и эксперты международного и национального уровня в сфере государственного и муниципального управления.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству ученых, научных работников, аспирантов, работающих в сфере государственного и муниципального управления.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/public-administration>

Электронный адрес: pubadmj@rudn.ru

**Литературный редактор *О.В. Горячева*
Редактор англоязычных текстов *В.Г. Иванов*
Компьютерная верстка: *И.А. Чернова***

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Подписано в печать 25.09.2025. Выход в свет 30.09.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 9.98. Тираж 500 экз. Заказ № 1274. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 2025

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION

2025 Volume 12 Issue 3

MANAGEMENT OF THE STATE FAMILY AND DEMOGRAPHIC POLICY

Guest Editor T.K. Rostovskaya

DOI 10.22363/2312-8313-2025-12-3

Scientific journal

Founded in 2014

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir G. Ivanov,
Doctor of Political Sciences,
Associate Professor of the
Department of State and
Municipal Management, RUDN
University; Full Professor of The
State University of Management,
Moscow, Russian Federation
E-mail: ivanov_vg@rudn.ru

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergey Y. Belokonev,
PhD in Political Science,
Scientific Supervisor of the
Faculty of Social Sciences
and Mass Communications,
Financial University under the
Government of the Russian
Federation; Associate Professor
of the Department of State and
Municipal Administration, The
State University of Management,
Moscow, Russian Federation
E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Garush S. Minasyan,
PhD in Political Science,
Assistant at the Department of
State and Municipal Management,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation
E-mail: minasyan_gs@pfur.ru

EDITORIAL BOARD

Aleksey G. Barabashev — Doctor of Economics, Professor and Head of the Civil Service Department, Dean of the Public Administration Department, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chuev — PhD in History, Head of the Department of State and Municipal Administration, The State University of Management, Moscow, Russian Federation

Robert Hoppe — PhD, Honorary Professor, University of Twente, Enschede, Netherlands

Aleksandr P. Kochegura — PhD in Philosophy, European Association of Professionals in Public Administration (EGPA), Moscow, Russian Federation

Fenshu Ma — PhD, Professor, Institute of Political Science and Public Administration, Head of the Center for Russian and Central Asian Studies, Vice Director of the SCO Research Institute, Shandong University, Qingdao, People's Republic of China

Andrey M. Margolin — Doctor of Economics, Full Professor, Honored Economist of Russia, Pro-Rector of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Elena V. Maslennikova — PhD in Sociology, Head of Analytical Research Department; Leading Researcher of the Center of State Management Technologies, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Stanislav E. Prokof'ev — Doctor of Economics, Rector of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Marko Ropret — PhD, Professor of the Department of Public Administration, University of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Kuno Schedler — PhD, Professor and Director of the Institute of Management and Public Administration, University of St. Gallen, St. Gallen, Switzerland

David Schultz — PhD, Professor of The Political Science Department, Education University of Hamlin, Saint Paul, United States

Wadim Strielkowski — PhD, Professor, Managing Director of Prague Institute for Qualification Enhancement, Prague, Czech Republic; Emeritus professor of Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

Dzhamilya S. Velieva — Doctor of Law, Professor and Head of the Department of Constitutional and International Law, Povolzhsky Institute of Management RANEPa, Saratov, Russian Federation

Ilan Vertinsky — PhD, Professor and Director of Center for International Studies, Corporate and Public Administration, University of British Columbia, Vancouver, Canada

Inesa Voronchuk — Doctor of Economics, Professor and Head of Public Administration Department of Economics and Management Faculty, Latvian University, Riga, Latvia

Hellmut Wollmann — Doctor of Law, Professor of Public Administration and Public Policy Department, Berlin Humboldt University, Berlin, Germany

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University), Moscow, Russia

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Russian Index of Science Citation, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, Dimensions, DOAJ.

Aim and Scope

"RUDN Journal of Public Administration" is a specialized peer-reviewed scientific journal established in 2013, and a quarterly publication. The Editorial Board of the journal includes renowned researchers from Russia, Canada, Germany, Poland, Latvia, Slovenia, Czech Republic, Netherlands, Switzerland and the USA.

The mission of the journal is boosting research efficiency in the field of public administration on theoretical and applied levels, as well as creation of an international platform to discuss interdisciplinary and practice-oriented perspectives and best practices of public administration.

The journal encourages the authors to discuss current concepts, ideas and problems of public administration, analyze contemporary issues of public administration, the trends and prospects of local government development, evaluate and conceptualize international practices and experience of public administration and management.

The main journal sections are: "Current Problems of Public Administration", "Theory and Practice of Public Administration", "International Experience of Public Administration", "Formation and Development of Local Government", "Academic Life" and others.

The journal is designed for publishing the results of independent and original research works by researchers, officials in the sphere of public administration, professors of Universities and other scientific centers in the form of articles, review materials, scientific reports, and bibliographical reviews on certain subjects and within selected scientific areas.

The target international audience of the journal are researchers, practitioners and postgraduate students who are interested in problems and perspectives of public administration. The Journal can be useful for decision-making experts, information and analytical departments of governments, political and public organizations and commercial institutions.

The journal editorial board includes leading scientists and experts on international and national levels. Further information regarding notes for contributors, editorial policies, subscription and archive is available at <http://journals.rudn.ru/public-administration>

E-mail: pubadmj@rudn.ru

Review Editor *O.V. Goryacheva*

English Text Editor *V.G. Ivanov*

Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Public Administration:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ростовская Т.К., Ситковский А.М. Государственная семейно-демографическая политика: обзор актуальных исследований и практик 319

Бедулева М.А. Факторы формирования прокреативной установки в условиях демографического перехода 328

Танатова Д.К., Королев И.В. Культура бережливого отношения мужчин к своему здоровью в контексте управления демографическими процессами 341

Королев М.А. Естественное воспроизводство населения и влияние духовно-нравственного воспитания и традиционных ценностей: междисциплинарный анализ 350

Хурамшина А.З., Хайруллина Ю.Р., Талибова Ф.Т. Особенности демографической политики — региональный аспект: опыт Республики Татарстан 359

Дождиков А.В. Совершенствование процедур государственного политического управления в сфере демографии и миграции с помощью мультиагентного Deep Reinforcement Learning на примере алгоритма MADDPG 366

Ситковский А.М. Влияние государственной политики агломерирования на долгосрочные тенденции изменения численности населения России 375

Alhameedyeen H. Gender equality in Jordan: a quantitative analysis of Jordanians' attitudes (Гендерное равенство в Иордании: количественный анализ общественного мнения)..... 386

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Нуриев Б.Д. Искусственный интеллект в системе государственного управления России и стран Европейского союза: сравнительно-правовой анализ. Часть I 404

Блохин К.В. Либерализм и фашизм в оценках политологов: проблема генезиса неофашизма 417

CONTENTS

MANAGEMENT OF THE STATE FAMILY AND DEMOGRAPHIC POLICY

Rostovkaya T.K., Sitkovskiy A.M. State demographic and family policy: an overview of current research and practices 319

Beduleva M.A. The factors of formation of a procreative attitude in the context of demographic transition 328

Tanatova D.K., Korolev I.V. The culture of men’s mindful attitude toward their health in the context of managing demographic processes 341

Korolev M.A. Natural reproduction of the population and the influence of spiritual and moral education and traditional values: an interdisciplinary analysis 350

Khuramshina A.Z., Khayrullina Yu.R., Talibova F.T. Specifics of demographic policy at the regional level: the case of the Republic of Tatarstan 359

Dozhdikov A.V. Enhancing governmental policy-making in demographics and migration through multi-agent Deep Reinforcement Learning: A case study with the MADDPG algorithm 366

Sitkovskiy A.M. The impact of state agglomeration policy on long-term trends of population changes in Russia 375

Alhameedyeen H. Gender equality in Jordan: a quantitative analysis of Jordanians’ attitudes 386

CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

Nuriev B.D. Artificial intelligence in the public administration system of Russia and the European Union: comparative legal analysis. Part I 404

Blokhin K.V. Liberalism and fascism in political scientists’ assessments: the problem of the genesis of neo-fascism .. 417

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

MANAGEMENT OF THE STATE FAMILY AND DEMOGRAPHIC POLICY

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-3-319-327
EDN: BZFBVHQ

Редакционная статья / Editorial article

Государственная семейно-демографическая политика: обзор актуальных исследований и практик

Т.К. Ростовская^{1,2} , А.М. Ситковский^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

²Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
 rostovskaya.tamara@mail.ru

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 20.04.2025; принята к публикации 30.05.2025.

Для цитирования:

Ростовская Т.К., Ситковский А.М. Государственная семейно-демографическая политика: обзор актуальных исследований и практик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 3. С. 319–327. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-319-327>

State demographic and family policy: an overview of current research and practices

Tamara R. Rostovskaya^{1,2} , Arseniy M. Sitkovskiy^{1,2}

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Institute for Demographic Research, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (FRC RAS), Moscow, Russian Federation
 rostovskaya.tamara@mail.ru

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.04.2025. The article was accepted on 30.05.2025.

© Ростовская Т.К., Ситковский А.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Rostovskaya TK, Sitkovskiy AM. State demographic and family policy: an overview of current research and practices. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(3):319–327. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-319-327>

Представляем вашему вниманию специальный тематический выпуск журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление», посвященный **актуальным вопросам государственной семейно-демографической политики России**. В современных условиях, характеризующихся глубокими социокультурными трансформациями и демографическими вызовами, особенно значимо комплексное осмысление и совершенствование государственной политики, направленной на укрепление семьи и повышение рождаемости. В связи с этим, в контексте реализации «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года», утвержденной Правительством России в марте 2025 г., центральными вопросами выпуска стали различные аспекты, влияющие на демографические процессы в Российской Федерации.

Современная демографическая ситуация в России характеризуется сочетанием низкой рождаемости, старения населения и сохраняющейся повышенной смертности, особенно среди мужчин трудоспособного возраста. По данным Росстата, с 2018 г. наблюдается устойчивое снижение коэффициента рождаемости: с 1,62 ребенка на одну женщину в 2017 г. до 1,32 в 2024 г. Демографический кризис ставит под угрозу социально-экономическое развитие страны и требует активных мер со стороны государства. В ответ на эти вызовы в России реализуется серия стратегических инициатив: принят ряд документов демографической политики, запущены национальные проекты «Здравоохранение», «Демография», «Образование», «Культура», а недавно начата реализация нового национального проекта «Семья», нацеленного на всестороннюю поддержку семей с детьми, снижение бедности и формирование позитивного образа многодетности. При этом очевидно, что демографические процессы определяются комплексом взаимосвязанных факторов — экономических, социальных, культурных. Ни один из них не действует изолированно: материальные условия жизни взаимодействуют с духовно-нравственными ориентирами общества, формируя траектории демографического поведения. Эффективная государственная демографическая и семейная политика должна учитывать эту многомерность. Необходимо одновременно совершенствовать меры социальной поддержки семей, стимулировать рождаемость, укреплять институт семьи и ценность родительства, а также использовать новые управленческие технологии. В тематическом выпуске журнала представлены исследования, посвященные различным аспектам данной проблематики. В настоящем редакционном обзоре суммируются основные положения этих работ и анализируются выявленные тенденции и предложения.

Репродуктивные установки молодежи

Исследование М.А. Бедулевой посвящено анализу факторов, влияющих на формирование установки женщин на деторождение в контексте современного демографического перехода. Один из ключевых выводов состоит в том, что нынешний этап демографического перехода выступает объективным ограничителем рождаемости: его влияние доминирует и не зависит от воли отдельной женщины. Тем не менее, субъективные факторы — возраст, состояние в браке, ценностные ориентации и жизненные приоритеты — способны в определенных пределах скорректировать прокреативные установки даже в условиях демографического сдвига. Бедулева отмечает смещение репродуктивного поведения на более поздний возраст (тенденция откладывать рождение первого ребенка до достижения материальной и социальной стабильности) и влияние стабильности брака на рождаемость. Проведенное социологическое исследование свидетельствует: подавляющее большинство молодых людей заявляют о желании иметь детей, но планируют реализовать это желание «через несколько лет», после того как «встанут на ноги». Лишь к 26–30 годам многие приступают к реализации родительских планов: в этой группе значительно выше доля уже ожидающих ребенка или планирующих рождение в ближайшее время. При этом ценность семьи сохраняется высокой во всех возрастных категориях. Согласно данным опросов, «семья» стабильно входит в число ведущих жизненных ценностей российской молодежи (3-е место), что говорит об устойчивой ориентации на создание семьи и рождение детей, несмотря на более поздние сроки их наступления. Таким образом, проблема низкой рождаемости среди молодежи заключается не в утрате семейных ценностей, а в затягивании наступления родительства до наступления благоприятных условий. Бедулева подчеркивает, что демографический переход как особенность современного этапа развития общества имеет глобальное значение, определяющее специфику потребностей людей и функционирования семьи. В этой связи необходимы меры, позволяющие молодым людям совмещать образовательные и карьерные устремления с воспитанием детей, чтобы установка на рождение детей могла реализоваться без чрезмерно длительного откладывания.

Здоровье мужчин как фактор демографической политики

Существенный вклад в демографические диспропорции вносит гендерный разрыв в состоянии здоровья и продолжительности жизни. Д.К. Танатова и И.В. Королёв в своем исследовании акцентировали внимание на сверхсмертности мужчин трудоспособного возраста как одном из факторов устойчивого превышения смертности над рождаемостью в России. Авторы отмечают, что биологические различия лишь частично объясняют эту ситуацию; во многом проблема связана с недостаточно сформированной у мужчин культурой бережного отношения к своему здоровью. На основе социологического опроса 6280 мужчин выявлены типичные нездоровые практики

в образе жизни российских мужчин. Многие респонденты пренебрегают физической активностью, склонны к несбалансированному питанию, избегают регулярных медицинских осмотров, не соблюдают предписания врачей, демонстрируя пассивную позицию в вопросах сохранения здоровья. Выделено три доминирующих модели отношения мужчин к здоровью: ориентация на государственную систему здравоохранения; упование на внешние (экологические) факторы и собственную психологическую устойчивость; фокус на личной ответственности. При этом преобладает пассивная установка, когда ответственность за здоровье фактически перекладывается на медицину, что снижает эффективность профилактики.

Танатова и Королёв делают вывод о необходимости целенаправленного воздействия на мужскую аудиторию в рамках управления демографическими процессами. Они обосновывают применение специальных «здоровьеформирующих» и здоровьеукрепляющих технологий, ориентированных на мужчин. Особое значение придается информационно-коммуникационным стратегиям, направленным на преодоление вредных стереотипов и формирование у мужчин мотивации к здоровому образу жизни. Авторы подчеркивают, что в России уже предпринимаются меры для улучшения мужского здоровья (развитие первичной медико-санитарной помощи, борьба с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями, развивается детское здравоохранение, популяризируются занятия физкультурой и т.д.), однако без повышения сознательного отношения мужчин к собственному здоровью сократить гендерный разрыв в продолжительности жизни не удастся. Следовательно, повышение культуры здорового образа жизни мужчин должно стать неотъемлемой частью государственной демографической политики, направленной на увеличение продолжительности активной жизни и укрепление института семьи.

Духовно-нравственные ценности и репродуктивное поведение

Важность духовно-нравственных факторов для демографической безопасности России подчеркнута в исследовании М.А. Королева. В условиях «аксиологического кризиса» и размывания традиционных ценностей именно духовно-нравственное воспитание способно сыграть центральную роль в преодолении демографического кризиса, оживляя семейные ориентиры в обществе. По мнению автора, эрозия моральных императивов негативно сказывается на институте семьи и репродуктивных стратегиях населения. Российская патриархальная культурная традиция с ее ценностями многопоколенной семьи и взаимопомощи исторически обеспечивала высокую рождаемость, тогда как отход от этих ценностей сопряжен с риском депопуляции. В своей работе Королев обосновывает необходимость возвращения к ценностям ответственного родительства и семейных традиций как ключевого условия стабилизации рождаемости. Духовно-нравственное воспитание молодежи рассматривается как фактор формирования просемейного поведения

на долгосрочную перспективу. Автор предлагает ряд практических мер, направленных на укрепление духовно-нравственной основы семейной жизни:

- внедрение специальных модулей в образовательные программы, формирующих ценность семьи и ответственное родительство;
- поддержка государственных и общественных инициатив по популяризации традиционных семейных устоев через СМИ и культурные проекты;
- создание системы психолого-педагогического сопровождения молодых семей для укрепления их морально-нравственного фундамента.

Реализация этих шагов, по мнению Королева, потребует интеграции усилий государства, институтов гражданского общества и самих семей. Только совместными действиями можно возродить и поддержать ценностную парадигму, способствующую повышению рождаемости и устойчивому демографическому развитию.

Региональная демографическая политика: пример Татарстана

Опыт комплексной демографической политики на региональном уровне проанализирован в работе А.З. Хурамшиной, Ю.Р. Хайруллиной и Ф.Т. Талибовой на примере Республики Татарстан. Авторы рассматривают эволюцию российских подходов к управлению демографическими процессами и специфику современной демографической политики, опираясь на статистические данные и нормативные документы. Отмечается расширение спектра социально-психологических и культурных мотивов, влияющих на репродуктивное поведение. Государственная демографическая политика рассматривается как ответ на вызовы общественного развития страны, при этом подчеркивается ключевая роль ряда документов и национальных проектов. На федеральном уровне решающее значение имели проекты «Здравоохранение», «Демография», «Образование», «Культура», нацеленные на преодоление кризиса рождаемости. Большинство мер по поддержке семей с детьми и стимулированию рождаемости предусматривалось в нацпроекте «Демография». Обращается внимание на начало реализации нового национального проекта «Семья» в 2023 г., продолжающего лучший опыт проекта «Демография» и предусматривающего всестороннюю поддержку семей, сокращение уровня бедности, формирование положительного образа многодетной семьи.

Авторами систематизированы меры демографической политики федерального и регионального уровня, выявлена их специфика в Татарстане. В республике реализован комплекс мер поддержки семей с детьми и многодетных семей (льготы, выплаты, обеспечение жильем и др.), включая специальные программы, направленные на повышение рождаемости в сельской местности. Статистический анализ демонстрирует, что в период реализации этих мер демографическое состояние Татарстана было более благополучным по сравнению с другими регионами Приволжского федерального округа и Россией в целом: в 2022 г. общий коэффициент рождаемости по Татарстану

составил 9,2 % (против 8,9 % в среднем по стране), ожидаемая продолжительность жизни также превышала среднероссийский уровень.

В качестве дальнейших шагов для нейтрализации тенденций снижения рождаемости авторы предлагают одновременно усиливать экономическую поддержку семей и продвигать ценности семьи. Как отмечается в статье, необходимо «не только поддержание текущей благоприятной социально-экономической ситуации, повышение качества жизни семьи, усиление экономических мер поддержки семей с детьми ... но и мобилизация и лоббирование социокультурной составляющей престижа семейного образа жизни, родительства, рождения детей, многодетности, возрождения многоколенной семьи».

Таким образом, региональный опыт Татарстана подтверждает эффективность комплексного подхода, сочетающего материальные меры стимулирования рождаемости с укреплением института семьи и семейных ценностей.

Инновационные методы управления демографическими процессами

Завершает специальный тематический раздел выпуска журнала исследование А.В. Дождикова, предлагающее новаторский подход к решению демографических задач на основе методов искусственного интеллекта. Автор моделирует процедуры государственного управления демографической сферой с помощью мультиагентного обучения с подкреплением (алгоритм MADDPG). В рамках эксперимента имитируется взаимодействие нескольких регионов страны при различных сценариях социально-экономического развития. Обученные интеллектуальные агенты показали способность координированно вырабатывать сбалансированную демографическую, экономическую и ресурсную политику в нестабильной среде. В результате моделирования наблюдались одновременный рост численности населения, экономический рост регионов и рациональное использование ресурсов без их истощения. Это свидетельствует о перспективах применения гибридных человеко-машинных систем поддержки принятия решений для разработки демографической политики. Иными словами, современные алгоритмы машинного обучения могут стать эффективным инструментом для оптимизации управленческих «гиперпараметров» демографической политики с целью достижения комплексных положительных результатов. Дождилов указывает, что дальнейшие исследования в этом направлении будут включать учет факторов внешней миграции и социальной структуры общества. Таким образом, цифровые технологии и искусственный интеллект открывают новые горизонты для разработки научно обоснованных мер демографической и семейной политики.

Урбанизация, агломерации и рождаемость

Статистические географические аспекты демографического развития рассмотрены в статье А.М. Ситковского, посвященной влиянию политики агломерирования на долгосрочные тенденции численности населения. Исследование

опирается на сравнительный анализ демографических показателей в городских и сельских территориях и включает сценарное моделирование динамики населения до 2100 г. Ситковский оценил три сценария: дальнейшая урбанизация (рост доли городского населения), сохранение статус-кво и дезурбанизация (рост доли сельского населения). Результаты прогноза показывают, что при сохраняющихся низких показателях рождаемости (суммарный коэффициент меньше 2,1) и без учета иммиграции численность населения будет неуклонно сокращаться во всех вариантах. Даже радикальное перераспределение населения между городом и селом не способно предотвратить депопуляцию: по расчетам, разница между самым «городским» и самым «сельским» сценарием составляет лишь около 5 млн человек к 2100 г., тогда как общее сокращение населения превысит 70 млн. Особенно остро проявляется снижение рождаемости в крупных городах, что усугубляется политикой укрупнения агломераций. В заключение сделан вывод: простая дезурбанизация не решит проблему депопуляции, а продолжение курса на укрупнение городских агломераций лишь усилит демографический кризис. Для стабилизации численности необходимы существенный рост рождаемости и приток населения извне; при этом оптимизация пространственного распределения населения способна лишь частично замедлить темпы сокращения. Данные выводы подчеркивают первостепенную важность мер по стимулированию рождаемости, особенно в урбанизированных регионах, в комплексе мер демографической политики.

Общественное мнение о гендерном равенстве: опыт Иордании

Тематический выпуск включает также международный аспект семейно-демографической проблематики. В статье Х. Аль-Хамидийн исследуется отношение населения Иордании к идеям гендерного равенства. Достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин и девочек является пятой Целью устойчивого развития ООН на 2030 г., однако, по данным исследования, значительная часть иорданского общества сохраняет настороженное отношение к данной идее. Анализ данных опроса (Arab Barometer 2021–2022) показал, что мужчины в Иордании существенно менее склонны поддерживать принципы равноправия полов, чем женщины, а уровень образования положительно коррелирует с большей поддержкой гендерного равенства. В то же время степень религиозности не обнаружила статистически значимого влияния на отношение населения к равенству полов. На основании этих результатов автор делает вывод о необходимости сосредоточить усилия на повышении уровня образования и информированности населения, чтобы продвижение гендерного равенства стало более эффективным. Опыт Иордании служит иллюстрацией того, что социально-культурные установки могут существенно влиять на реализацию целей демографической и семейной политики: повышение образовательного уровня и изменение стереотипов способны создать более благоприятные условия для расширения участия женщин в общественной жизни и, косвенно, для укрепления семьи.

Заключение

Современная государственная демографическая и семейная политика должна базироваться на комплексном учете множества факторов и междисциплинарных подходов, что убедительно продемонстрировано в рассматриваемых исследованиях. Общий вывод, вытекающий из анализа статей, образующих специальную тему номера журнала, состоит в необходимости сочетания мер материальной поддержки семьи с воздействием на ценностно-культурные установки и использованием научно-технических инноваций в управлении. Такой интегрированный подход позволит достичь главной цели — улучшения демографических показателей при одновременном повышении качества жизни семей. Опираясь на выводы коллег и собственное видение проблемы, выделим следующие приоритетные направления развития государственной демографической и семейной политики:

- *Укрепление института семьи и семейных ценностей*: внедрение программ духовно-нравственного воспитания и просвещения в системе образования и СМИ, формирование в обществе уважения к родительству, многодетности и семейным традициям.
- *Адресная поддержка разных категорий семей*: разработка специальных мер поддержки студенческих семей (например, обеспечение жильем и стипендиями молодых супругов-студентов), расширение программ для молодых семей (льготная ипотека, доступные детские сады, пособия при рождении детей), всесторонняя помощь многодетным семьям, а также стимулирование возрождения многопоколенных семей (льготы для семей, совместно проживающих с пожилыми родителями).
- *Повышение благосостояния благополучных семей среднего класса*: создание условий, при которых материально обеспеченные семьи были бы заинтересованы иметь больше детей (налоговые льготы, поддержка работающих родителей, гибкий рабочий график), чтобы преодолеть тенденцию ограничения потомства двумя детьми по экономическим соображениям.
- *Сохранение и укрепление здоровья населения*: реализация профилактических программ, ориентированных в том числе на мужскую аудиторию (пропаганда здорового образа жизни, регулярные медосмотры, ответственность отцов за свое здоровье), что будет способствовать снижению смертности и продлению активного периода жизни граждан.
- *Интеграция данных и технологий в демографическое управление*: использование современных информационных технологий, систем мониторинга и прогнозирования (Big Data, технологии искусственного интеллекта) для отслеживания демографических трендов, оценки эффективности мер и поддержки принятия решений на всех уровнях управления.

Реализация перечисленных мер потребует согласованных действий органов власти, научного сообщества и институтов гражданского общества. Материалы тематического выпуска журнала свидетельствуют о высоком научном потенциале авторов в сфере демографических исследований. Их практическое внедрение способно обеспечить переход к более устойчивой

демографической ситуации и укреплению семейных ценностей в российском обществе. Только синергия усилий в экономической, социальной и культурной плоскости позволит достичь стратегических целей демографической и семейной политики Российской Федерации. Уверены, что представленные в данном выпуске статьи послужат важным вкладом в развитие научного понимания механизмов и инструментов реализации эффективной демографической политики России.

Информация об авторах:

Ростовская Тамары Керимовна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2; заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Россия, 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1 (ORCID: 0000-0002-1629-7780) (SPIN-код: 1129-8400) (e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru).

Ситковский Арсений Михайлович — ассистент кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2; младший научный сотрудник отдела геоурбанистики и пространственной демографии, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Россия, 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1 (ORCID: 0000-0002-8725-6580) (SPIN-код: 9559-1803) (e-mail: omnistat@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-3-328-340

EDN: BXQCYQ

Научная статья / Research article

Факторы формирования прокреативной установки в условиях демографического перехода

М.А. Бедулева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

 mar-beduleva@yandex.ru

Аннотация. Предпринята попытка определения приоритетности факторов, влияющих на рождаемость. Обосновано первостепенное значение этапа демографического перехода как объективного фактора, на который не может повлиять женщина при формировании прокреативной установки. Этим фактором является современный этап демографического перехода. Кроме объективного фактора, показано влияние на формирование прокреативной установки факторов субъективного характера, к которым относятся возраст, брачность, интересы и ценности женщины. Обосновано, что субъективные факторы могут оказать корректирующее значение на прокреативную установку женщины в условиях конкретного этапа демографического перехода. Подробно рассмотрены процесс сдвига рождаемости в старшую возрастную группу молодежи и влияние стабильности брака на рождаемость. Отмечено значение демографического перехода не только как объективной предпосылки формирования прокреативной установки, но также как предпосылки формирования человеческого ресурса в сфере трудовой активности. Показано определяющее влияние этапа демографического перехода на современное состояние института семьи, специфику материальных и духовных потребностей современного человека. Таким образом, подчеркнуто, что демографический переход как современная особенность соотношения потоков смертности и рождаемости имеет глобальное значение, оказывающие влияние на формирование всей системы жизнедеятельности современного общества.

Ключевые слова: демографическая трансформация, текущий этап демографической эволюции, материалистический метод, установка на деторождение, норма деторождения, поздние браки, стабильность брака, духовно-нравственные потребности

Финансирование. Статья подготовлена в рамках научных исследований, проводимых кафедрой организации работы с молодежью Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Благодарности. Автор выражает искреннюю благодарность Тамаре Керимовне Ростовской за организацию и поддержку научных исследований в области демографических процессов в Российской Федерации.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 30.04.2025; принята к публикации 29.05.2025.

© Бедулева М.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Бедулева М.А. Факторы формирования прокреативной установки в условиях демографического перехода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 3. С. 328–340. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-328-340>

The factors of formation of a procreative attitude in the context of demographic transition

Marina A. Beduleva

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, *Yekaterinburg, Russian Federation*

 mar-beduleva@yandex.ru

Abstract. The study tries to determine the priority of factors affecting the birth rate. The author emphasizes the paramount importance of the stage of the demographic transition in the formation of the procreative attitude as an objective factor, which a woman cannot alter. In addition to the objective factor the research shows the impact of a subjective nature on the formation of the procreative factors, which include age, marriage, interests and values of a woman. It is substantiated that subjective factors can provide a corrective value for the procreative attitude of a woman in the conditions of a specific stage of the demographic transition. The author analyses the process of shift of the birth rate in the older age group of youth, the effect of the stability of marriage on the birth rate. The values of the demographic transition are emphasized not only as an objective prerequisite for the formation of the procreative attitude, but also as a prerequisite for the formation of a human resource in the field of labor activity. The author shows the decisive influence of the stage of the demographic transition on the current state of the institution of the family, on the specifics of the material and spiritual needs of a modern human. Thus, it is emphasized that the demographic transition, as a modern feature of the mortality and fertility rates, is of global importance, influencing the formation of the entire system of vital activity of modern society.

Keywords: demographic transformation, current stage of demographic evolution, materialist approach, pronatalist orientation, fertility norm, late marriage, marital stability, spiritual and moral values

Funding. The article was prepared within the framework of scientific research conducted by the Department of Youth Affairs at the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (UrFU).

Acknowledgements. The author expresses sincere gratitude to Tamara Kerimovna Rostovskaya for organizing and supporting scientific research in the field of demographic processes in the Russian Federation.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 30.03.2025. The article was accepted on 29.05.2025.

For citation:

Beduleva MA. The factors of formation of a procreative attitude in the context of demographic transition. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(3):328–340. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-328-340>

Введение

В современных геополитических условиях особую актуальность приобретает вопрос о росте рождаемости в семьях российских граждан. Правительство Российской Федерации предпринимает программные меры, которые могут оказать влияние на мотивацию семей иметь детей, стимулируя рост прокреативной (или прокреационной) активности [1]¹. Демографическая ситуация в России все актуальнее формирует задачу поиска предпосылок и факторов, которые могут благоприятно сказаться на росте рождаемости. Одно из направлений поиска демографических ресурсов, которое актуализировалось в настоящее время, — изучение процесса переноса рождения первых детей из группы 18–24 на возрастную группу 29–39 лет. Возникают вопросы и в связи с трансформацией самого института семьи и брака, так как семья является важнейшим условием рождения детей. К числу актуальных демографических проблем относится проблема формирования прокреативной установки у молодежи разных возрастных групп.

Цель исследования — рассмотрение влияния на российское общество факторов формирования прокреационной активности женщины, в т.ч. фактора глобального демографического перехода, и локальных факторов, связанных с изменением возрастной структуры родителей и трансформацией самого института семьи.

Методы исследования

В качестве материала для выводов и обобщений использованы данные социологических исследований, проводившиеся в Свердловской области в 2022 и 2023 гг. среди молодежи всех трех возрастных групп, а также теоретические выводы и статистические материалы, представленные в работах российских социологов и демографов.

Понятие «прокреативная установка» определяет личностный уровень потребности в детях и готовности иметь определенное число детей. «Установка является фундаментальным механизмом целесообразности любого поведения» [1. С. 15]. Прокреативная установка предусматривает активацию деятельности, связанную с желанием женщины родить ребенка и ее готовностью направить имеющиеся ресурсы и возможности для достижения результата — реализации потребности в детях в том количестве, которое изначально планировалось. Понятие «прокреативная установка» отражает не столько потребность в детях, сколько сформированные в сознании женщины внутренние обязательства, которые она планирует осуществить. Тожественным по содержанию выступает понятие «репродуктивная установка», которое также определяется как «готовность индивида к определенной активности и действиям по отношению к рождению определенного числа детей»².

¹ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://www.consultant.ru/document/consdocLAW71673/7a46cb13de731db3333cd77a4f7887e468287e3/> (дата обращения: 18.06.2024).

² Качагина О.В. Основы демографии: основы теории и практические задания : учебное пособие. Ульяновск : УлГУ, 2016. 129 с.

Формирование прокреативной установки имеет свои особенности, определяемые рядом факторов и условий. Именно эти факторы и предпосылки приводят к сформированности желания родить ребенка либо отложить сроки рождения, и потому есть необходимость рассмотреть их более детально.

Среди всех факторов есть такие, которые имеют объективный характер и достаточно определенно детерминируют прокреационное поведение женщины. Другие факторы более гибкие, имеют субъективные, трансформируемые характеристики и являются дополнительными мотиваторами, формирующими прокреативную установку в данный исторический период с учетом социальных и возрастных особенностей.

К фактору, имеющему объективный характер, обусловленному историческим этапом развития конкретного региона нашей планеты, можно отнести демографический переход, который характерен для исторического периода и географического места, в котором проживает женщина. Демографический переход определяется как «исторический процесс перехода от экстенсивного типа воспроизводства населения с высокими уровнями смертности и рождаемости к интенсивному типу воспроизводства населения с низкими уровнями смертности и рождаемости»³. Глобальное влияние демографического перехода на различные аспекты общественной жизни рассматривалось целым рядом исследователей демографических процессов. Отмечалось влияние демографического перехода на численность населения планеты и кардинальное «изменение репродуктивной стратегии вида „*Homo Sapiens*“» [2. С. 6], рассматривались особенности развития демографического перехода в разных регионах планеты в связи с территориальной неоднородностью демографического развития [3. С. 7], выявлялись разные этапы этого демографического перехода [4; 6], выделялись различные факторы, способствующие демографическому переходу: уровень контрацепции [6], миграция из стран с высоким уровнем рождаемости в страны с низким уровнем рождаемости [2].

Демографический переход оказывает влияние на все сферы общества — экономическую, социальную, политическую, духовную. Вместе с тем, существует определенная недооценка значения демографического перехода как глобального процесса. По мнению А. Вишневого, демографический переход целесообразно рассматривать не как следствие социально-экономических изменений, а как причину, которая оказывает влияние на социум во все его аспектах [2]. Рассматривая причины различных изменений в обществе как правило обращаются к социально-экономическим и политическим факторам, влияющим на эти изменения. Вероятно, выделение на первый план предпосылок социально-экономического характера связано с традициями материалистической методологии, предусматривающей детерминирующее значение экономических изменений, связанных с развитием производительных сил, и на этой основе изменений социальных и политических. Кроме того, адресация к материалистическому

³ Качагина О.В. Основы демографии: основы теории и практические задания : учебное пособие. Ульяновск : УлГУ, 2016.. С. 63.

методу в анализе социумов связана и с тем, что мы можем наблюдать происходящие социальные и экономические процессы в каждый конкретный момент времени и учитывать их как факторы влияния. Эта методология дает объяснение изменениям, происходящим в социуме, социальной группе, жизнедеятельности отдельного индивида здесь и сейчас и позволяет реально ощутить и увидеть предпосылки изменений. Однако если мы начинаем внимательно рассматривать глобальную динамику общественных процессов, то в них непременно обнаруживается демографический компонент, связанный с демографическим переходом в конкретный исторический период.

Формируя основания материалистического метода, Ф. Энгельс подчеркивал значение воспроизводства человека в экономическом воспроизводстве [7]. Способ производства рассматривается в единстве производства людей и средств производства. Ф. Энгельс особое значение придает производству человека и рассматривает его как важнейший элемент производительных сил. Производительные силы включают разные элементы, в т.ч. науку, самого человека как субъекта труда, имеющего опыт и компетенции, технологии. Все эти компоненты являются результатом человеческой активности. Не умаляя значение материальных ресурсов в составе средств труда, представляется, что человеческий фактор наиважнейший в этом перечне. Соответственно это означает, что когда мы выводим основания общественного развития из экономических и социальных предпосылок, то мы должны понимать значение в этих предпосылках человеческого фактора, который в свою очередь сформировался в результате определенной демографической истории.

Влияние воспроизводства человека и демографического перехода заключается, во-первых, в определяющей роли человеческого фактора в экономической системе. При этом мы всегда говорим не об абстрактном индивиде, а о том, который рожден в конкретных исторических условиях, в соответствии с определенным типом прокреативных отношений, характерных для данного периода и конкретного региона и обладающем определенным производственным ресурсом.

Во-вторых, глобальное определяющее значение демографических процессов в целом и демографического перехода в частности заключается в детерминирующем воздействии на формирование прокреативной установки индивида. Демографический переход предопределяет тип демографического поведения.

В-третьих, только опираясь на методологию демографического развития, можно увидеть основания трансформации института семьи. Динамика и особенности развития этого института, изменяющегося вместе с демографической революцией, не оставляют шанса для недооценки этого влияния. Практически все аспекты и виды трансформации семьи связаны с демографическими процессами. Представители демографической науки периодически встают в тупик при очередной трансформации семьи, и готовы вынести вердикт о крахе семьи, так как слишком глобальными кажутся изменения в этом институте. Тем не менее и в XIX, и в XX, и в XXI в.

демографы, пересматривая особенности трансформации института семьи, приходят к выводу о том, что семья не исчезает, а меняется, приобретая новые формы и очертания. Правда, не всегда подчеркивают роль демографического перехода в этом процессе.

В-четвертых, интересны закономерности влияния демографического перехода на духовную сферу жизни человека. Как всегда, в этом вопросе делается упор на социально-экономические основания развития как условие для жизнедеятельности и творчества индивидов. «Люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии делать историю. Но для жизни нужны, прежде всего, пища и питье жилище одежда и еще кое-что» [8. С. 20]. При этом, рассматривая духовные и материальные притязания человека, практически не берут во внимание демографическое основание. В то время как именно изменение прокреативной нормы, сформированной за десятилетия демографического перехода, в значительной степени определило возможности в развитии и удовлетворении биологических, материальных и духовно-нравственных потребностей населения. Увеличение продолжительности жизни, малодетность, рост благосостояния на душу населения, увеличение свободного времени — все эти факторы весьма существенно способствовали удовлетворению духовных потребностей населения. На этой основе возрастают требования к воспитанию, обучению и развитию детей. Социально-экономические факторы объявляются первостепенными, а демографические — следствием этого развития. Однако в соотношении демографических и социально-экономических оснований причина и следствие меняются местами. Доказательством может служить тот факт, что несмотря на рост благосостояния уровень рождаемости остается низким. Значит не социально-экономическое развитие определяет норму рождаемости, а нечто другое, и это другое коренится в прокреативной норме и прокреативной установке, сформированной в процессе демографического перехода.

В конечном итоге нет противоречия между материалистическим методом и демографическим процессом, и влиянием последнего на все стороны жизни человечества. Просто интерпретация материалистического метода обращена к конкретно-историческому периоду, а демографический переход имеет настолько глобальное значение, что не всегда понятно его влияние при объяснении локальных исторических процессов. Таким образом мы получаем матрицу подходов для анализа социальных процессов, в основе которой и глобальный демографический переход, и социально-экономические детерминанты, испытывающие влияние глобального процесса. А потому анализ более точечных вопросов рождаемости на конкретной территории необходимо проводить в органичной совокупности этих методологий.

Демографический переход как фактор, влияющий на формирование прокреативной установки, носит объективный характер, повлиять на него женщина не в состоянии. Особенность этапа демографического перехода, применительно к географии места проживания, создает ту объективную основу — прокреативную норму, которая усваивается в сознании как норма,

которую нужно осуществить и трансформируется в прокреативную установку. Особенности этапа демографического перехода — важнейшее объективное основание для формирования прокреативной установки для поколения и даже нескольких поколений.

В основе демографического перехода, развивающегося в разных странах, лежат единые закономерности, определяемые соотношением потоков рождения и потоков смертей, к относительному равенству которых стремится в своем развитии социальная система. Несоответствие потоков рождения и потоков смертей двигает демографический процесс в соответствующую сторону: увеличения рождаемости, либо снижения рождаемости. Если потоки смертей сокращаются, в связи с ростом продолжительности жизни, сокращаются и потоки рождаемости. И наоборот, увеличение потоков смертей объективно формирует необходимость роста рождаемости.

На современном этапе демографического перехода в большинстве развитых стран происходит снижение рождаемости, что со временем будет характерно и для стран с невысоким уровнем развития. По прогнозам к концу XXI в., когда глобальный рост населения упадет до 0,1 %, мир будет очень близок к концу демографического перехода [9].

Современный этап демографического перехода для России также характеризуется снижением смертности, в связи с увеличением продолжительности жизни. Следствием этого выступает снижение рождаемости, которое на уровне отдельной женщины трансформируется в соответствующую прокреативную норму. Некоторые авторы даже определяют специфику прокреативного поведения в условиях демографического перехода как «новый, современный тип воспроизводства населения с низкими уровнями рождаемости и смертности, низкими темпами общего роста населения из-за сближенных между собой показателей рождаемости и смертности⁴. В России демографический переход (иногда называют вторым этапом демографического перехода) начинается во второй половине XX столетия. Начиная с этого периода идет устойчивое снижение рождаемости.

Прокреативная установка женщины передается ей от матери, либо от окружающих и живущих в это же время граждан. Их прокреативная норма считывается и воспринимается как общепринятая и желательная. В этом смысле кардинальное изменение прокреативной нормы в противовес общепринятой маловероятно и бывает в виде исключения, связанного с какими-то личными обстоятельствами (здоровьем, особенностями вероисповедания, условиями замужества). В общественном сознании господствует определенная прокреативная норма, изменяемая объективно как следствие этапа демографического перехода.

Признавая ведущую роль в формировании прокреативной установки этапа демографического перехода, обратимся к другому фактору, также

⁴ Качагина О.В. Основы демографии: основы теории и практические задания : учебное пособие. Ульяновск : УлГУ, 2016. С. 72.

имеющему значение для формирования прокреативной установки. Как уже отмечалось этот фактор носит преимущественно субъективный характер. Влияние этого фактора менее значимо, чем первого. Если первый фактор, связанный с этапом демографического перехода, имеет абсолютное значение, то второй фактор относителен, именно в силу субъективности и специфичности, и связан с рядом особенностей жизнедеятельности женщины. Тем не менее этот фактор может оказать определенное влияние на коррекцию прокреативной нормы в сторону увеличения или в сторону уменьшения планируемых рождений.

Особенность этого фактора в том, что он многоаспектен и оказывает влияние на формирование прокреативной установки в рамках, сложившейся в данный временной период прокреативной нормы. Этот фактор включает в себя следующие аспекты:

- особенность возрастной группы, к которой относится женщина;
- брачность и уровень стабильности брачных отношений;
- ценности, потребности и предпочтения.

Фундаментальное влияние прокреативной нормы корректируется этими факторами. Некоторые авторы связывают повышение роли субъективного личностного обоснования прокреативного поведения с тем, что изменяется степень контроля за поведением женщины со стороны общественных и государственных институтов «контроль над личностью со стороны государства, церкви или сельской общины постепенно уступает место самоконтролю, тем самым резко расширяется свобода индивидуального выбора человека во всем, что касается его личной жизни» [10].

Влияние возрастной группы на прокреативную установку проявляется в коррекции сроков рождения детей. За последние десятилетия произошло передвижение сроков рождения первого и второго ребенка. Предпосылки этого сдвига определяются рядом причин, связанных с жизнеустройством женщины, необходимостью завершить образование и получить профессию; создать условия для рождения ребенка в виде материальной обеспеченности и обеспеченности жилищными условиями.

Основное число рождений первого ребенка ранее приходилось на возрастную группу 20–24 года. Рождение первого ребенка «переместилось в следующую возрастную группу — 25–29-летних, а рождаемость матерей в возрасте 30–39 лет стала выше, чем два десятилетия назад» [11]. Статистические данные свидетельствуют о том, что в последние два десятилетия наблюдается сдвиг рождения первых детей на возрастную группу 29–39 лет соответственно и рождение второго ребенка также сдвигается [11]. Актуальным для демографической политики становится вопрос о том, может ли падение рождаемости в возрастной группе 20–24 лет компенсироваться ростом рождаемости в старшей возрастной группе 25–39 лет, что предполагают исследователи, считая, что происходит увеличение доли вторых и последующих рождений у женщин относительно более старших возрастов [12].

Обратимся к результатам опроса, проведенного среди молодежи Свердловской области (табл. 1) [13].

Таблица 1

Планы молодых свердловчан завести детей в зависимости от возраста

Варианты ответов	Возрастная группа		
	до 20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Да, уже ждем ребенка	4	3	14
Да, в ближайшее время	2	10	28
Да, через несколько лет	40	46	29
Пока нет, надо пожить без забот	13	6	8
Пока нет, надо стать на ноги, сделать карьеру	36	26	8
Нет, не сможем его обеспечить	1	3	4
Нет, плохие жилищно-бытовые условия	1	2	2
Нет, боимся рождения больного ребенка	1	1	0
Нет, с одним намучились, больше не хотим	0	1	3
Нет, опасаемся за будущее детей	1	1	3
Нет, не планируем совсем	3	3	1

Источник: разработана М.А. Бедулевой на основе [13].

Результаты показывают, что потенциальную готовность иметь детей выражают более 90 % в возрастной группе до 25 лет. Однако реализация этой потенциальной возможности отодвигается по различным причинам. Ведущими выступают два фактора. Первый фактор — «просто не сейчас готовы завести детей, но, когда-то в будущем». Второй фактор, который оказался весомым в стремлении отодвинуть рождение детей, — необходимость «встать на ноги и сделать карьеру». По понятным причинам этот аргумент имеет четкую тенденцию к снижению, так в 26–30 лет он составляет всего 8 %. Близок по смыслу аргумент «Надо пока пожить без забот», который отмечает еще 13 % молодежи до 20 лет и 6 % молодежи до 25 лет.

Таким образом, очевидна сформировавшаяся массовая установка на отсрочку деторождения. Что же касается возрастной группы 26–30 лет, то здесь показатели рождаемости в разы выше. Заявивших, что уже ждут ребенка в 4,5 раза больше, а планирующих рождение ребенка в ближайшее время в 2,8 раз больше, чем в возрастной группе 21–24 года. Можно отметить также существенное сближение в прокреативных установках в возрастных группах до 20 лет и 21–25 лет. По количеству рождений эти группы идентичны. Вместе с тем необходимо отметить, что установка на «рождение детей в ближайшее время» в возрастной группе 21–25 лет в 5 раз выше, чем в группе молодежи до 20 лет. Это подтверждает вывод о том, что понимание ответственности за рождение детей в этом возрасте уже сложилось, нужны лишь

условия, которые необходимо создать, а для этого требуются усилия и время. «Через несколько лет» отмечают 46 % респондентов в возрасте 21–25 лет, они планируют рождение детей.

Сближение двух возрастных групп до 20 лет и 21–25 лет особенно видно из результатов, полученных в ходе исследования приоритетных ценностей этих групп, проведенного в Свердловской области в 2024 г. [14]. Сравнительный анализ рейтингов традиционных ценностей молодежи в зависимости от параметра «возраст» показал следующее: для молодежи в возрасте 14–17 лет и 18–24 года не зафиксировано принципиальных различий по первым четырем рейтингам традиционных ценностей в то время, как молодежь в возрасте 25–35 лет в большей степени ценит семью (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ наивысших рейтингов традиционных ценностей среди молодежи в зависимости от параметра «возраст», % от количества ответивших

Рейтинг	Возрастная группа		
	14–17 лет	18–24 года	25–35 лет
1	Жизнь 83,03	Жизнь 82,96	Жизнь 76,04
2	Права и свободы человека 70,84	Права и свободы человека 72,13	Крепкая семья 63,56
3	Взаимопомощь и взаимоуважение 57,58	Взаимопомощь и взаимоуважение 59,64	Права и свободы человека 55,69
4	Крепкая семья 53,87	Крепкая семья 54,27	Взаимопомощь и взаимоуважение 52,38
5	Достоинства 40,58	Гуманизм 46,03	Достоинства 37,27

Источник: разработана М.А. Бедулевой на основе [14].

Анализ системы ценностей молодежи 14–24 лет убедительно доказывает, что передвижка приоритетов создания семьи из группы 14–17 лет и 18–24 лет не означает отказа от рождаемости. «Семья» как ценность находится на 3 месте и это показатель устойчивой ориентации на создание семьи и рождения детей. Но в то же время статус 1 и 2 места для таких ценностей как «жизнь», «права и свободы» свидетельствует о существенности этих ценностей, которые для этих возрастных групп создают возможности для реализации значимых потребностей. Сдвигка ценности «семья» в возрастную группу 25–35 лет и занятие там почетного 2 места после ценности «жизнь» говорит о безусловной приоритетности формирования семьи. Сохранение «высокой ценности родительства и семьи» отмечают и другие исследователи [15].

Если жизни молодежи ничего не угрожает в возрастной группе 25–35 лет, то в качестве важнейшей задачи начинает выступать создание семьи. В той мере, в какой молодой человек берет тайм аут, отодвигая создание семьи в возрастных группах до 24 лет, переходя в возрастную группу 25–35 лет задача по созданию семьи резко возрастает и усложняется, сроки сжимаются. Получается, что сознательное освобождение себя от создания семьи в более молодом возрасте превращается в сложную задачу, которую нужно решить в ускоренном варианте. Налицо ситуация, когда молодежь, создавая материальные условия для обеспечения будущей семьи и детей, усложняет себе жизнь, так как создание семьи в короткие сроки оказывается затруднительным.

Брачность и уровень комфорта семейно-брачных отношений — другой важнейший аспект, влияющий на формирование прокреативной установки. Необходимо создать семью, которая вызовет у женщины ощущение стабильности. В этих условиях прокреативная установка женщины трансформируется в желание родить ребенка. А в случае удовлетворенности уровнем комфорта в семье речь может идти о повторном рождении. В случае неудовлетворенности брачными отношениями установка на рождение второго ребенка может не появиться, однако повторный брак может ее актуализировать и привести к появлению других детей. Женщина держит в сознании прокреативную норму, что мотивирует ее на активность в создании условий для деторождения. Понимание сжатости сроков ее способности к деторождению активизирует женщину на формирование брачных отношений. «Среди анализируемых причин, по которым рождение ребенка откладывается, факт отсутствия брака у женщин занимает одно из лидирующих мест (3-е), у мужчин носит менее значимый характер — 7-е место» [16].

Создание семьи и рождение детей в браке особенно значимо для женщины. Вместе с тем, в возрасте 25–35 лет трудности в создании семьи возрастают для женщины по следующим причинам:

1. Поиск супруга становится более затруднительным. В среднем возрастная разница между женихом невестой составляет 2 года. Если, например, женщина ищет брачного партнера в 25–30 лет, то жених должен быть в возрасте в среднем от 27–32 лет. В этой возрастной группе женихов оказывается уже меньше.
2. Для женщины важное условие для рождения ребенка — благополучие и стабильность семьи, а практика показывает, что уровень разводимости в последние годы достаточно высок. В 2024 г. на 10 браков зафиксировано 8 разводов [17].
3. С возрастом увеличиваются не только требования к уровню обеспеченности, но, в первую очередь, к уровню социального и эмоционального комфорта. Об этом свидетельствует анализ причин разводов, где неудовлетворенность состоянием духовно-нравственных отношений между супругами, включающими неверность, асоциальное поведение, утрату чувств, конфликты, занимает ведущее место в сравнении с материальными затруднениями, на долю которых приходится до 20 %. [18].

Вместе с тем, общая прокреативная норма рождения детей не изменилась, «по данным опроса определена четкая сформированная модель как двухдетная» [16], но реализация прокреативной нормы происходит в специфических условиях:

- 1) Сдвинулись сроки рождения детей на старшую возрастную группу молодежи.
- 2) Возросли требования к уровню материального и духовно-нравственного комфорта и к условиям содержания и воспитания детей.
4. В условиях повышенных требований к психоэмоциональному комфорту разводы становятся распространенным инструментом для коррекции семьи в случае неудовлетворенности брачными отношениями.

Заключение

Динамика социально-экономических процессов в мире и России проходит на фоне глобальных демографических преобразований. В этих условиях происходит существенная трансформация поведенческих характеристик индивидов, а также социальных институтов, в т.ч. семьи. Важно понимать безусловную зависимость развивающихся форм поведения, в т.ч. в сфере семейно-брачных отношений, и, связанной с этим, прокреационной активности.

Изменение условий жизнедеятельности на основе экономических, политических, социальных и духовных трансформаций объясняет особенности развития института семьи. При этом сформированная в результате демографического перехода прокреативная норма испытывает воздействие еще более динамичных изменений в семейно-брачных отношениях. Очевидно, и далее мы будем наблюдать процесс трансформации института семьи во взаимодействии с изменением прокреативной нормы, формирующейся под влиянием демографического перехода.

В реализации мер социальной политики должны учитываться эти динамические изменения и определяться актуальные точки поддержки средствами нормативно-правового и финансового регулирования.

Восприятие приоритетов личности как наивысшей ценности и понимание развития института семьи как института, обеспечивающего ее комфорт и благополучие, становится все более актуальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Узнадзе Д.Н. Общая психология / пер. с грузин. Е.Ш. Чомахидзе; под. ред. И.В. Имедадзе. М. : Смысл, 2004. 412 с. EDN: QXJEZR
2. Вишневский А.Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида “*homo sapiens*” // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 1. С. 6–33. EDN: TLMUVV
3. Звидриныш П.П., Звидриня М.А. Население и экономика. М. : Мысль, 1987. 126 с.

4. *Van de Kaa D.J.* Europe's second demographic transition // *Population bulletin*. 1987. Vol. 42. № 1. P. 1–59.
5. *Coleman D.* Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition // *Population and development review*. 2006. Vol. 32. № 3. P. 401–446. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2006.00131.x> EDN: YYNFBR
6. *Борисов В.А.* Этюд по истории и философии контрацепции // *Демографическая дезорганизация России : 1897–2007 : избранные демографические труды / под ред. В.А. Борисова. М. : Notabene, 2007. С. 463–500.*
7. *Энгельс Ф.* Предисловие к первому изданию работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М. : Политиздат, 1962. С. V–XV.*
8. *Маркс К.* Феербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений // *Избранные произведения : в 3 томах / К. Маркс, Ф. Энгельс. М. : Политиздат, 1979. Т. 1. С. 22–145.*
9. *Roser M., Ritchie H.* How has world population growth changed over time? *Our World in Data*, 2023. URL: <https://ourworldindata.org/population-growth-over-time> (дата обращения: 10.04.2025).
10. *Захаров С.В.* Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // *Отечественные записки*. 2005. № 3. С. 9–36.
11. *Козлова О.А., Секицки-Павленко О.О.* Модели рождаемости и репродуктивного поведения женского населения России: современные тенденции // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 5. С. 218–231. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.13> EDN: QQAQIY
12. *Архангельский В.Н.* Репродуктивное и брачное поведение // *Социологические исследования*. 2013. № 2 (346). С. 129–136. EDN: PWUQRT
13. *Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: Итоги социологического исследования / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, Д.Ю. Нархова. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016. С. 179.*
14. *Отчет о выполнении научно-исследовательских работ по теме «Положение молодежи Свердловской области в 2024 году: научные основы для доклада Правительству Свердловской области».* Екатеринбург, 2024. URL: <https://molodost.ru/wp-content/uploads/2025/02/otchet-o-vypolnenii-nauchno-issledovatel'skih-rabot.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).
15. *Калачикова О.Н., Шабунова А.А.* Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы. Вологда : ФГБУН ВолНИЦ РАН, 2015. 172 с. EDN: TXDCGL
16. *Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А.* Оценка демографических установок глазами мужчин и женщин в условиях дефицита рождаемости // *Женщина в российском обществе*. 2020. Специальный выпуск. С. 121–135.
17. *Мамикоян О.* В 2024 году в России распались восемь из 10 браков // *Forbes Life*. 2024. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/527483-v-2024-godu-v-rossii-raspadalis-vosem-iz-10-brakov> (дата обращения: 25.02.2025).
18. *Синельников А.Б.* Социальная приемлемость объективных и субъективных причин для развода в современной России // *Социологические исследования*. 2023. № 4. С. 75–83. <https://doi.org/10.31857/S013216250022703-6>

Информация об авторе:

Бедулева Марина Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры организации работы с молодежью, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, 620075, Екатеринбург, ул. Ленина, д. 51 (ORCID: 0009-0008-8963-083X) (SPIN-код: 4053-3825) (e-mail: mar-beduleva@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-3-341-349

EDN: BVSGZY

Научная статья / Research article

Культура бережливого отношения мужчин к своему здоровью в контексте управления демографическими процессами

Д.К. Танатова , И.В. Королев

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

iv_king@mail.ru

Аннотация. Опираясь на статистический материал и социологические исследования, авторы демонстрируют кризисный характер демографических процессов в России в целом и акцентируют внимание на мужчинах как группе риска преждевременной смертности в частности. Анализ демографических показателей подтвердил, что устойчивое превышение смертности над рождаемостью в немалой степени обусловлено сверхсмертностью мужского населения трудоспособного возраста. Отмечено, что несмотря на неодинаковую биологическую резистентность организма мужчины и женщины, причины повышенной смертности мужчин во многом заключаются не только в этом различии, но и в недостаточно сформированной у них культуре бережливого отношения к своему здоровью. На материалах авторского социологического исследования, проведенного среди 6280 респондентов мужского пола, отобранных по репрезентативной выборке, показаны негативные для здоровья практики, присутствующие в жизни российских мужчин, выделены устойчивые паттерны поведения мужчин, негативно влияющие на состояние здоровья. Проанализированы социокультурные детерминанты, создающие существенные барьеры для своевременного обращения за медицинской помощью. Сделаны выводы о том, что российские мужчины уделяют недостаточное внимание двигательной активности, склонны к нездоровому питанию, неохотно проходят медицинские осмотры, нередко нарушают режим лечения, занимают пассивную позицию в вопросах сохранения здоровья. Выделены три доминирующие поведенческие модели отношения мужчин к вопросам здоровья: ориентация на государственную систему здравоохранения, акцент на экологические факторы и психологическую устойчивость, а также фокус на личную ответственность. Полученные данные свидетельствуют о преобладании пассивной установки, при которой ответственность за здоровье делегируется медицинским учреждениям, что существенно снижает эффективность профилактических мероприятий. Обоснована необходимость применения к мужчинам здоровьесформирующих и здоровьескрепляющих технологий управления демографическими процессами. Особое значение придается разработке специализированных коммуникационных стратегий, способствующих преодолению вредных стереотипов и формированию у мужчин устойчивой мотивации к ведению здорового образа жизни.

Ключевые слова: профилактика заболеваний, ответственное поведение, долгосрочная работоспособность, социальное благополучие, воспроизводство населения, трудовые ресурсы, качество жизни, устойчивость численности населения, образ жизни мужчин

© Танатова Д.К., Королев И.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции исследования, сборе, обработке и анализе данных, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 04.04.2025; принята к публикации 27.05.2025.

Для цитирования:

Танатова Д.К., Королёв И.В. Культура бережливого отношения мужчин к своему здоровью в контексте управления демографическими процессами // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 3. С. 341–349. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-341-349>

The culture of men's mindful attitude toward their health in the context of managing demographic processes

Dina K. Tanatova , Ivan V. Korolev

Russian State Social University (RSSU), Moscow, Russian Federation

 iv_king@mail.ru

Abstract. On the basis of statistical material and sociological research, the authors demonstrate the crisis nature of demographic processes in Russia in general and focus in particular on men as a risk group for premature mortality. The analysis of demographic indicators shows that the continuing excess of mortality over the birth rate is due in no small part to the excess mortality of the male population of working age. It is noted that despite the difference in the biological resistance of the male and female organism, the reasons for the increased mortality of men lie not only in this difference, but also in their insufficiently formed culture of careful attitude to their health. The author's sociological research, conducted among 6280 male respondents selected on the basis of a representative sample, reveals negative health practices in the life of Russian men and identifies stable patterns of men's behavior that negatively affect their health. The study pays special attention to the analysis of socio-cultural determinants, which create significant barriers to seeking timely medical help. It concluded that Russian men pay insufficient attention to physical activity, tend to have unhealthy eating habits, are reluctant to undergo medical examinations, often fail to comply with treatment regimes and adopt a passive attitude to health issues. The study identified three dominant patterns of behavior in men's attitudes to health issues: orientation towards the state health care system, emphasis on environmental factors and psychological stability, and emphasis on personal responsibility. The data show the prevalence of a passive attitude in which responsibility for health is delegated to medical institutions, which significantly reduces the effectiveness of preventive measures. The authors argue that it is necessary to apply health-building and health-enhancing technologies of demographic management to men. Special emphasis is placed on the development of specific communication strategies to overcome harmful stereotypes and to motivate men to adopt healthy lifestyles.

Keywords: disease prevention, responsible behavior, long-term work capacity, social well-being, population reproduction, labor resources, quality of life, population stability, men's lifestyle

Contribution. All the authors participated in the development of the concept of this review, data collection, processing and analysis, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 04.04.2025. The article was accepted on 27.05.2025.

For citation:

Tanatova DK, Korolev IV. The culture of men's mindful attitude toward their health in the context of managing demographic processes. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(3):341–349. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-341-349>

Введение

В последние годы Россия столкнулась с острым демографическим кризисом. Его признаком является начавшийся в 2017 г. и продолжающийся в настоящее время тренд на превышение смертности над рождаемостью. По данным Росстата, коэффициент естественного прироста в период 2017–2023 гг. колебался от –1 (в 2017 г.) до –7,1 (в 2021 г.). В 2023 г. значение этого показателя составляет –3,5¹. Ранее убыль населения покрывалась миграционным притоком, в последние несколько лет механизм восполнения населения за счет мигрантов затормозился. Как известно, начиная с 2021 г. в России постоянно снижается общая численность населения². По мнению А.В. Минакова и Н.Д. Эриашвили демографический кризис России «негативно влияет на ее социально-экономическое развитие, и является угрозой экономической безопасности и национальной безопасности в целом» [1. С. 87].

Несмотря на то, что демографические проблемы России не имеют быстрого решения и, как показывает М.Ю. Сидоренко, «согласно прогнозам ООН и Росстата, демографические показатели России будут иметь тенденцию к снижению» [2], в нашей стране предпринимаются значительные управленческие шаги, направленные на их решение. В частности, в 2019–2024 гг. реализовывался национальный проект «Демография»³, в 2025 г. стартовали новые национальные проекты «Семья», «Молодежь и дети», которые ориентированы на улучшение демографической ситуации⁴. Усилия государства позволили повысить значение такого важного демографического показателя, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении. В 2023 г. значение этого показателя было самым высоким за постсоветские годы — 73,41 года (рис. 1). В 2025 г. стартовал новый национальный проект «Продолжительная и активная жизнь», цель которого — увеличить к 2030 г. ожидаемую продолжительность жизни до 78 лет, а к 2036 г. — до 81 года.

Достижение этой цели требует формирования у российских граждан культуры бережливого отношения к своему здоровью. Особенно это

¹ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo21_2023.xlsx (дата обращения: 28.01.2025).

² Численность населения. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Popul_1897+.xlsx (дата обращения: 29.01.2025).

³ Национальные проекты РФ. Демография. URL: <https://национальныепроекты.пф/projects/demografiya/> (дата обращения: 30.01.2025).

⁴ Новые Национальные проекты РФ. URL: <https://национальныепроекты.пф/new-projects/> (дата обращения: 30.01.2025).

относится к такой уязвимой группе населения, как мужчины. По данным ООН практически во всех регионах и странах мира наблюдается преимущество женщин в плане выживания⁵.

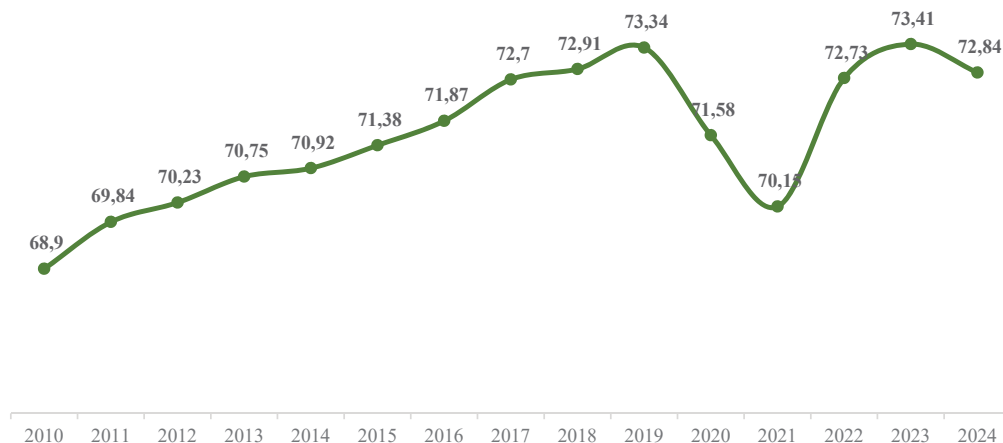

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, годы

Источник: выполнено Д.К. Танатовой, И.В. Королевым по данным Росстат⁶ с помощью MS Excel.

В России ожидаемая продолжительность жизни при рождении у мужчин в 2023 г. составила 68,4 года, у женщин значение аналогичного показателя более чем на десять лет выше — 78,4⁷. В 2022 г. во всех возрастных группах коэффициент смертности среди мужчин выше, чем среди женщин. Но если в возрастных группах до двадцати лет различие смертности среди мужчин и женщин не явное, то после двадцати лет мужчины умирают заметно чаще, чем женщины (рис. 2).

Мужчины чаще женщин умирают от наиболее распространенных причин смерти (болезней системы кровообращения, органов дыхания и новообразований): соответственно 569,2, и 219,2 число умерших на 100 000 мужчин против 564,7 и 167,6 умерших женщин⁸. Как показывают А. Оксужан, М. Школьников и др., «мужчины больше страдают от болезней с высокой летальностью, в то время как больше женщин доживают до пожилого возраста с менее фатальными, но инвалидизирующими состояниями» [3].

⁵ Gerland P., Hertog S., Wheldon M., Kantorova V., Gu D., Gonnella G., et al. World Population Prospects 2022: Summary of Results. United Nations. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/361944109_World_Population_Prospects_2022_Summary_of_results (accessed: 30.01.2025).

⁶ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Росстат. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 30.01.2025).

⁷ Там же.

⁸ Демографический ежегодник России. 2023 : стат. сб // Росстат. М., 2023. С. 108–109. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf (дата обращения: 01.10.2024).

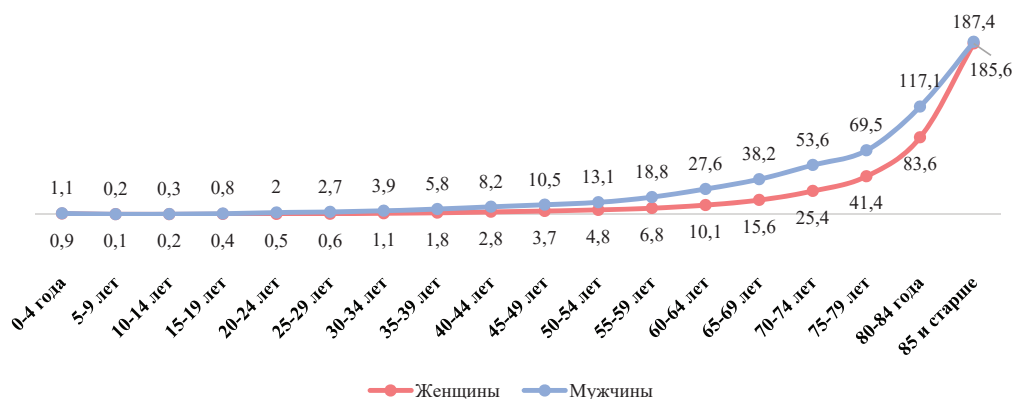

Рис. 2. Возрастные коэффициенты смертности в 2022 г., промилле (0,1 процента)

Источник: выполнено Д.К. Танатовой, И.В. Королевым по данным Росстат⁹ с помощью MS Excel.

Материалы и методы исследования.

Проблема мужской сверхсмертности не является для ученых чем-то новым. На эту проблему указывали российские исследователи О.М. Драпкина, И.В. Самородская [4], а также зарубежные ученые: Х. Бельтран-Санчес, Кейлеб Э. Финч и Эйлин М. Кримминс [5], Констанс Холден [6], Вирджиния Зарулли, Илья Кашницкий, Джеймс В. Вепель [7] и др. В гуманитарных науках уже сформировано несколько подходов к объяснению этой проблемы. Первый — исторический подход объясняет более высокую смертность среди мужчин в возрастании роли женщины в цивилизационном развитии. Второй — биологический — связан с неодинаковой биологической резистентностью организма мужчины и женщины. В основе третьего — социально-экономического подхода лежат поведенческие различия между мужчинами и женщинами [8. С. 82]. Сторонники третьего подхода указывают, что «динамика гендерных различий в смертности свидетельствует о том, что ее детерминанты не могут быть чисто биологическими, но также зависят от изменяемых психосоциальных факторов и образа жизни» [9. С. 48].

Не отрицая исторический и биологический подходы, мы полагаем, что преимущества женщин перед мужчинами в относительно более долгой жизни обусловлено в первую очередь поведенческими различиями и более высоким уровнем культуры бережливого отношения к своему здоровью.

Культура бережливого отношения к здоровью во многом зависит лично от человека, семьи, а также от социального окружения. Это определяет необходимость социологического взгляда на здоровьесберегающие

⁹ Возрастные коэффициенты смертности. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30974> (дата обращения: 30.01.2025).

и здоровьесберегающие практики мужского населения. Социологический подход к теме бережливого отношения мужчин к своему здоровью позволит выявить ключевые барьеры и факторы, влияющие на поведение мужчин по сохранению и укреплению здоровья.

Результаты исследования и обсуждение

В 2024 г. социологи Российского государственного социального университета провели исследование культуры бережливого отношения мужчин к своему здоровью. Метод сбора информации — опрос. Целевая аудитория — российские мужчины от 18 лет и старше. Объем выборки — 6280 респондентов. Ошибка выборки не превышает 1,25 %. Выборка квотная, она репрезентирует мужское население федерального округа по возрасту и по размеру населенных пунктов, в которых оно проживает.

Респонденты указали негативные для здоровья практики, присутствующие в их жизни. У половины мужчин (50 %) в жизни присутствуют частый стресс и тревожность. Примерно такая же доля мужчин проходят медицинское обследование реже, чем один раз в год (49 %), и неправильно питаются (47 %). Около двух мужчин из пяти имеют ненормированный график работы (43 %), мало двигаются (41 %) и имеют вредные привычки (38 %). Таким образом, жизнь значительного числа мужчин наполнена практиками, не способствующими бережливому отношению к здоровью и здоровому образу жизни (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов респондентов о свойственных им жизненных практиках, % от общего числа респондентов, n=6280

Источник: выполнено Д.К. Танатовой, И.В. Королевым по результатам собственного социологического исследования с помощью MS Excel.

Риск развития у мужчин различных заболеваний обусловлен недостаточной двигательной активностью. Восполнить этот недостаток можно ходьбой в умеренном или быстром темпе. Анализ ответов респондентов показал, что примерно каждый третий мужчина (30 %) в день ходит

менее 30 минут. Можно сделать вывод, что значительному числу мужчин для уменьшения риска заболеваемости из-за малой двигательной активности необходимо изыскивать возможность для занятий физической культурой и спортом.

Российские мужчины в большинстве демонстрируют пренебрежительное отношение к соблюдению норм правильного питания. В ежедневном рационе более половины опрошенных (54 %) не хватает необходимого объема овощей и фруктов. Такое отношение мужчин к потреблению овощей и фруктов свидетельствует о недостаточной культуре бережливого отношения к своему здоровью и здоровому образу жизни.

Одним из факторов, препятствующих мужчинам заботиться о своем здоровье, является пренебрежительное отношение к диспансеризации. Такое отношение к медицинскому осмотру демонстрирует каждый третий опрошенный. Т.е. значительная часть мужчин очень невнимательно относится к контролю состояния своего здоровья.

Респонденты высказали свое мнение относительно того, какие условия в первую очередь необходимы, чтобы сохранить и укрепить здоровье человека. Проведенный иерархический кластерный анализ ответов позволил разделить их на три кластера.

Первый кластер — «Доступность дешевой, качественной медицины» образован респондентами, считающими, что необходимыми условиями для сохранения и укрепления здоровья являются институциональные условия, которые создаются государством. Кластер «Доступность дешевой, качественной медицины» самый многочисленный. В него входят 49 % респондентов.

Второй кластер — «Экология и спокойствие» составляют респонденты, считающие, что для здоровья человека необходимо жить в хороших экологических условиях и не испытывать стрессовых перегрузок. Этот кластер относительно небольшой — в него входят 29 % опрошенных мужчин.

Третий кластер «Личные возможности и ответственное поведение» составляют респонденты, высказавшее мнение, что необходимые условия для сохранения и укрепления здоровья человека — это его финансовая обеспеченность и здоровьесберегающее поведение. Третий кластер — самый малочисленный — его составляют 22 % опрошенных.

Можно сделать вывод, что большинство мужчин в вопросах сохранения и укрепления своего здоровья ориентируются на институциональные условия, а не на собственные усилия.

В проведенном исследовании не учтена психологическая особенность мужчин, связанная со стереотипами маскулинности, согласно которым мужчины зачастую воспринимают заботу о здоровье как проявление слабости. Здесь можно обратиться к близкому по тематике исследованию В.В. Лемиш, которая обращает внимание на то, что «поведение мужчин, связанное с поддержанием и сохранением здоровья в значительной степени определяется стереотипами маскулинности» [10. С. 30]. Заметим, что приверженность мужчин маскулинности не означает, что в вопросах здоровья они пристально следят

за состоянием того, что отличает их от женщин, т.е. за состоянием репродуктивной системы. Как показывают Д.Ф. Алиев, Д.К. Танатова и И.В. Королев, мужчины крайне редко проходят осмотры у врача-androлога, но при этом они обычно уверены в том, что у них нет проблем с репродуктивным здоровьем¹⁰.

Сделанные авторами выводы, в первую очередь подчеркивают значимость поведенческого аспекта в вопросе сохранения и сбережения здоровья мужчин, а значит более продолжительной их жизни и укрепления демографического потенциала России. Авторы соглашаются с Вергелес М.О., которая указывает, что различия в преимуществах в смертности женщин перед мужчинами определяется, но не исчерпывается биологической основой. Кроме биологических причин мужчины чаще женщин умирают вследствие поведенческих факторов риска: курение, опасное потребление алкоголя, рискованное поведение, приводящее к смерти от внешних причин, стресс, низкая обращаемость за медицинской помощью, недостаточно сильная приверженность лечению [11. С. 6].

Заключение

Результаты исследования наглядно продемонстрировали, что у российских мужчин не в полной мере сформирована культура бережливого отношения к своему здоровью.

В России предприняты существенные шаги по улучшению здоровья мужчин: развивается система оказания первичной медико-санитарной помощи, проводятся кампании по борьбе с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями, развивается детское здравоохранение, популяризируются занятия физкультурой и т.д. Однако без формирования у мужчин осознанного отношения к своему здоровью сократить разрыв в продолжительности жизни между полами не удастся. В системе управления демографическими процессами необходимо последовательно повышать культуру бережливого отношения к здоровью мужчин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Минаков А.В., Эриашивили Н.Д. Демографические проблемы социально-экономического развития регионов в восточной части России // *Инновационное развитие экономики*. 2024. № 1 (79). С. 87–94. <https://doi.org/10.51832/222379842024187> EDN: АКСЕЙІ
2. Сидоренко М.Ю. Управление демографическими процессами в РФ // *Искусственные общества*. 2023. Т. 18. № 3. <https://doi.org/10.18254/S207751800027230-2> EDN: NFFVHVQ
3. Oksuzyan A., Vaupel J.W., Christensen K., Shkolnikov V.M., Shkolnikova M. Sex differences in health and mortality in Moscow and Denmark // *European Journal of Epidemiology*. 2014. Vol. 29. № 4. P. 243–252. <https://doi.org/10.1007/s10654-014-9893-4> EDN: UGPOIB

¹⁰ Алиев Д.Ф., Танатова Д.К., Королев И.В. Социологический мониторинг семейного благополучия и репродуктивных установок российского населения : учебное пособие. М. : РГСУ, 2024. 116 с.

4. Дранкина О.М., Самородская И.В. Динамика смертности мужчин и женщин от болезней и внешних причин в регионах России за период 2016–2019 гг. по сравнению с 2020 г // Профилактическая медицина. 2022. Т. 25. № 4. С. 29–34. <https://doi.org/10.17116/profmed20222504129> EDN: GUYVCZ
5. Beltrán-Sánchez H., Finch C.E., Crimmins E.M. Twentieth century surge of excess adult male mortality // Proceedings of The National Academy of Sciences of the United States of America. 2015. Vol. 112. № 29. P. 8993–8998. <https://doi.org/10.1073/pnas.1421942112> EDN: UFWWMD
6. Holden C. Why do women live longer than men? // Science. 1987. Vol. 238. № 4824. P. 158–160. <https://doi.org/10.1126/science.365990> EDN: IDXNON
7. Zarulli V., Kashnitskaya I., Vaupela J.W. Death rates at specific life stages mold the sex gap in life expectancy // Proceedings of The National Academy of Sciences of the United States of America. 2021. Vol. 118. № 20. P. e2010588118 <https://doi.org/10.1073/pnas.2010588118> EDN: WADXNQ
8. Горошко Н.В., Пацала С.В. Социальные факторы смертности мужского населения: Россия на мировом фоне // Социально-трудовые исследования. 2023. № 4 (53). С. 81–96. <https://doi.org/10.34022/2658-3712> EDN: XWDBTG
9. Ибрагимова А.А. Гендерные различия в ожидаемой продолжительности жизни населения Татарстана // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 4. С. 47–57. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.4> EDN: AQCTGA
10. Леммиш В.В. Системный анализ социальных представлений о здоровье у мужчин на разных этапах взрослости // Системная психология и социология. 2022. № 1 (41). С. 30–47. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2022.41.1.3> EDN: QTCSIV
11. Вергелес М.О. Разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами в развитых странах: больше общего или различного? // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8. № 4. С. 6–39. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i4.13874> EDN: INAYFA

Информация об авторах:

Танатова Дина Кабдуллиновна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии, этнографии и социометрии, Российский государственный социальный университет, Россия, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4 (ORCID: 0000-0002-7924-2242) (SPIN-код: 7675-8938) (e-mail: dktanatova@mail.ru).

Королев Иван Владимирович — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии, этнографии и социометрии, Российский государственный социальный университет, Россия, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4 (ORCID: 0000-0002-1317-2317) (SPIN-код: 3585-2844) (e-mail: iv_king@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-3-350-358

EDN: BUEILP

Научная статья / Research article

Естественное воспроизводство населения и влияние духовно-нравственного воспитания и традиционных ценностей: междисциплинарный анализ

М.А. Королев

Российский университет медицины Министерства здравоохранения Российской Федерации,
Москва, Россия

 m.korolev10@mail.ru

Аннотация. Выполнен комплексный анализ роли духовно-нравственного воспитания в процессе формирования репродуктивных установок личности и его влияния на современные демографические процессы. В условиях аксиологического кризиса, характеризующего многие современные общества, и сопутствующей ему трансформации традиционных социокультурных моделей, исследование факторов, влияющих на репродуктивное поведение, приобретает особую актуальность. Рассмотрены механизмы взаимосвязи и взаимовлияния ценностных ориентиров индивида, исторически сложившихся семейных традиций и паттернов репродуктивного поведения. Проведен анализ актуальных вызовов, обусловленных эрозией духовных основ и нравственных императивов, которые оказывают непосредственное воздействие на институт семьи и репродуктивные стратегии населения. Предпринята попытка осмысления роли духовно-нравственного воспитания и традиционных ценностей в контексте обеспечения устойчивого естественного воспроизводства населения. Данный феномен рассмотрен через призму его влияния на формирование и трансляцию социальных норм, регулирующих брачно-семейные отношения, а также на становление индивидуальных репродуктивных установок и, как следствие, на конкретные проявления демографического поведения. Исследовано, каким образом усвоение морально-этических принципов и приверженность культурно-историческому наследию способствуют формированию ответственного отношения к созданию семьи, рождению и воспитанию детей, противодействуя тенденциям депопуляции и старения населения. Проанализирован потенциал образовательных и культурных институтов в укреплении духовно-нравственных основ общества как фактора демографической безопасности и устойчивого развития. В качестве конкретных мер рассмотрены разработка и внедрение в образовательные программы модулей, направленных на формирование ценности семьи и ответственного родительства; поддержка государственных и общественных инициатив по популяризации традиционных семейных устоев через средства массовой информации и культурные проекты; а также создание системы психолого-педагогического сопровождения молодых семей, ориентированной на укрепление их духовно-нравственного фундамента. Обоснована необходимость интеграции усилий государства, общественных организаций и семьи в целях возрождения и поддержания ценностной парадигмы, способствующей позитивной демографической динамике, путем реализации вышеуказанных практических шагов.

© Королев М.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: брачно-семейные отношения, демографическая безопасность, демографическое поведение, демографические процессы, институт семьи, репродуктивное поведение, репродуктивные установки

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 02.04.2025; принята к публикации 20.05.2025.

Для цитирования:

Королев М.А. Естественное воспроизводство населения и влияние духовно-нравственного воспитания и традиционных ценностей: междисциплинарный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025;12(3):350–358. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-350-358>

Natural reproduction of the population and the influence of spiritual and moral education and traditional values: an interdisciplinary analysis

Maxim A. Korolev

Russian University of Medicine, Ministry of Health of the Russian Federation, *Moscow, Russian Federation*

 m.korolev10@mail.ru

Abstract. This study is devoted to a comprehensive analysis of the role of spiritual and moral education in the formation of reproductive attitudes of the individual and its impact on modern demographic processes. In the context of the axiological crisis that characterizes many modern societies and the accompanying transformation of traditional socio-cultural models, the study of factors influencing reproductive behavior is becoming particularly relevant. The author considers the mechanisms of interrelation and mutual influence of the individual's value orientations, historically established family traditions and patterns of reproductive behavior. The study analyzes the current challenges caused by the erosion of spiritual foundations and moral imperatives that have a direct impact on the institution of the family and reproductive strategies of the population. An attempt is made to comprehend the role of spiritual and moral education and traditional values in the context of ensuring sustainable natural reproduction of the population. This phenomenon is considered through the prism of its influence on the formation and translation of social norms governing marriage and family relations, as well as on the formation of individual reproductive attitudes and, as a result, on specific manifestations of demographic behavior. The study examines how the assimilation of moral and ethical principles and commitment to cultural and historical heritage contribute to the formation of a responsible attitude towards starting a family, giving birth and raising children, countering the trends of depopulation and population aging. The author analyzed the potential of educational and cultural institutions in strengthening the spiritual and moral foundations of society as a factor of demographic security and sustainable development. The development and implementation of modules in educational programs are considered as specific measures.

Keywords: marriage and family relations, demographic security, demographic behavior, demographic processes, family institution, reproductive behavior, reproductive attitudes

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 02.04.2025. The article was accepted on 20.05.2025.

For citation:

Korolev MA. Natural reproduction of the population and the influence of spiritual and moral education and traditional values: an interdisciplinary analysis. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(3):350–358. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-350-358>

Введение

Процессы естественного воспроизводства населения, характеризующиеся рождаемостью и смертностью, представляют собой сложную динамическую систему, где взаимодействие экономических, социально-культурных и ценностных факторов определяет направление демографических изменений. Современные научные исследования в области демографии, социологии и экономики подчеркивают, что ни один из этих факторов не действует изолированно; вместо этого формируется синергетическая связь между материальными условиями жизни и духовно-нравственными ориентирами общества. Экономические условия оказывают непосредственное влияние на репродуктивное поведение населения через доходы семей, уровень благосостояния, доступность социальных услуг. Однако духовно-нравственные ценности и традиционные установки формируют долгосрочные стратегии поведения, определяя устойчивость или изменчивость демографических паттернов даже при колебаниях экономических параметров.

Демографический кризис представляет собой одну из ключевых угроз для социальной и экономической стабильности Российской Федерации. Согласно данным Росстата, начиная с 2018 г., коэффициент рождаемости в стране демонстрирует устойчивое снижение: если в 2017 г. он составлял 1,62 ребенка на женщину, то в 2024 г. этот показатель снизился до 1,32. Прогноз низкого варианта составит 1,46 ребенка к 2045 г.¹

Исследования в области демографии и социальной психологии подтверждают, что кризис рождаемости связан не только с экономическими факторами, но и с социокультурными изменениями, включая деформацию традиционного подхода к институту семьи [1].

В то время как западные общества сфокусированы на индивидуалистических моделях самоопределения, российская культурная традиция, включающая патриархальные семейные ценности, взаимопомощь и многопоколенный уклад, долгое время являлась залогом устойчивого естественного воспроизводства населения [2].

Особого внимания заслуживают духовно-нравственные ориентиры, поскольку именно такие ценности исторически закрепляли в обществе просоциальное поведение, обеспечивая высокую рождаемость.

¹ Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.03.2025).

Цель исследования — выявить связи между уровнем усвоения духовно-нравственных ценностей и репродуктивными установками. На формирование социальных норм, репродуктивных установок и демографическое поведение оказывают влияние духовное и нравственное воспитание, а также традиционные ценности. Данные факторы выступают ключевыми элементами социокультурной системы, опосредующими взаимодействие между индивидуальными решениями и макродемографическими тенденциями.

Материалы и методы исследования

В качестве материалов исследования были использованы данные Росстата и публикации в научных журналах, затрагивающие тему исследования. Поиск осуществлялся в научных электронных библиотеках Elibrary.ru и КиберЛенинка.

В качестве методов исследования были использованы эмпирические и теоретические методы: анализ, синтез, дедукция, контент-анализ, сопоставительный анализ.

Результаты исследования и обсуждение

Современная педагогика и социология предоставляют широкий инструментальный базис для анализа духовно-нравственного воспитания. Социокультурный подход подтверждает ключевую роль образовательных процессов в интеграции традиционных ценностей в сознание индивидов. Формирование личности во многом зависит от ее взаимодействия с таким инструментарием, как национальная культура, образовательные программы и семейное наследие [3].

Аксиологический аспект исследует влияние ценностей как нравственных ориентиров, определяющих поведение. Так, базовые нравственные категории — добро, истина, красота — служат ориентирами, которые помогают личности осознать свою ответственность перед обществом и принимать решения, включая создание семьи [4].

Духовно-нравственные ценности включают в себя семейные ориентиры (взаимопомощь, многопоколенность), общественные нормы (порядочность, солидарность, уважение к старшим) и гуманистические идеалы (милосердие, стремление к социальной справедливости).

Духовно-нравственное воспитание направлено на формирование у индивида таких качеств, как гуманизм, патриотизм, ответственность за действия, осознание важности конструктивного взаимодействия с другими членами социума, что непосредственно связано с укреплением семейных ценностей, осознанием ответственности перед будущими поколениями и повышением мотивации к рождению и воспитанию детей. Это позволяет рассматривать духовно-нравственные ориентиры как интегральный механизм воздействия на естественный прирост населения [5].

Традиционный уклад обеспечивает трансляцию базовых социальных ценностей через религиозные и культурные институты, укрепляя общественное сознание и одновременно формируя устойчивую репродуктивную мотивацию.

Духовно-нравственное воспитание, а также традиционные ценности в процессах естественного воспроизводства населения непосредственно влияют на формирование социальных норм, репродуктивных установок и демографического поведения. Данные факторы выступают ключевыми элементами социокультурной системы, определяющими взаимозависимость индивидуальных решений и демографических тенденций.

Ценностно-нормативные детерминанты репродуктивного поведения формируются в процессе духовно-нравственного воспитания, которое и определяет систему ценностей, влияющую на установки молодежи на создание семьи, деторождение и межпоколенческую солидарность [6]

Культивирование традиционных семейных ценностей (в религиозных или этнокультурных сообществах) коррелирует с более высокими показателями рождаемости, что подтверждается исследованиями в рамках теории «второго демографического перехода». Нравственные ориентиры, акцентирующие значимость родительства, повышают вероятность реализации репродуктивных установок, тем самым влияя на параметры естественного воспроизводства. В частности, в контексте религиозных доктрин (христианства, ислама, иудаизма) подчеркивается сакральность семьи и деторождения, что формирует установки на среднететное и многотетное репродуктивное поведение. Исследования в области демографии указывают на корреляцию между религиозностью и повышенными показателями рождаемости в традиционных обществах [7].

Стабильность семейных институтов непосредственно зависит от этического воспитания, направленного на развитие эмпатии, ответственности и коммуникативных компетенций, способствует снижению уровня семейных конфликтов и разводов. Стабильные супружеские отношения создают благоприятные условия для многотетности, что является ключевым фактором позитивного демографического баланса [8]. Передача духовных традиций укрепляет межпоколенческие связи, обеспечивая поддержку старших поколений в воспитании детей. Стабильная семья, в свою очередь, создает благоприятные условия для социализации детей и минимизации рисков депопуляции. Социологические исследования подчеркивают роль габитуса и символического капитала в поддержании репродуктивных стратегий [9].

Формирование ценностей семьи и брака происходит в процессе духовно-нравственного воспитания, способствующего возвращению к традиции создания гармоничных семейных отношений, которые ориентированы на многотетность и устойчивый образ жизни. Семейные ценности, основанные на духовных и религиозных принципах, напрямую определяют репродуктивные установки человека. В частности, православные ценности,

заложенные в системе духовно-нравственного воспитания, мотивируют молодых людей к браку и рождению детей как к основным жизненным приоритетам [10].

Социальная солидарность и демографическая устойчивость формируются под влиянием таких нравственных принципов как альтруизм, забота о будущих поколениях и коллективное благо, которые, в свою очередь, формируют установку на просоциальное поведение, включая готовность к родительству даже в условиях экономической неопределенности. Этот феномен прослеживается в работах, анализирующих взаимосвязь между религиозностью и репродуктивными установками, где мировоззренческие парадигмы смягчают влияние макроэкономических факторов на репродуктивные решения [11].

Немаловажную роль в формировании традиционных ценностей играет культурно-историческая специфика. В традиционных обществах с доминированием коллективистских ценностей духовно-нравственные нормы напрямую инкорпорируются в репродуктивные стратегии, тогда как в секулярных индивидуалистических культурах эта связь опосредуется рациональным выбором и личностными приоритетами [12].

Теория демографического перехода связывает снижение рождаемости с ослаблением традиционных ценностей в процессе урбанизации и секуляризации. В обществах, сохраняющих духовно-нравственные ориентиры (например, в ряде стран Африки и Ближнего Востока), фаза демографического перехода замедляется, поддерживая естественный прирост населения².

Напротив, постматериалистические ценности, акцентирующие самореализацию и гедонизм, коррелируют с низкой рождаемостью в развитых странах [13]. В условиях высокой неопределенности в постиндустриальном обществе, для которого характерно снижение числа рождений, именно духовно-нравственное воспитание становится ключевым фактором сохранения репродуктивного потенциала.

Вопросы духовно-нравственного формирования личности закреплены в Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.³, где подчеркивается значимость развития у молодежи высоких нравственных устремлений и ориентации на семейные ценности как двигатель естественного воспроизводства.

Основные принципы духовно-нравственного воспитания предполагают:

- внедрение системы норм морали и поведения, основанных на уважении к семье, обществу и личности;

² Вишневский А.Г., Захаров С.В. Демографический переход // Большая Российская энциклопедия : научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/demograficheskii-pere-khod-a3b9d7/?v=5759901> (дата обращения: 10.03.2025).

³ Российская Федерация. Законы. Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года : [распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.03.2025).

- поощрение альтруизма и солидарности как основ взаимодействия между поколениями;
- стимулирование осознания личной ответственности за будущее общества через создание семьи и рождение детей.

Ключевая роль принадлежит семье, образовательным учреждениям и государству. Семья формирует базовые установки через традиции и эмоциональные связи, тогда как школа и вузы закрепляют их через программы патриотического и этического воспитания.

Введение в высших учебных заведениях дисциплины «Основы российской государственности» фактически закладывает у молодежи понимание значимости традиционных ценностей, стабильной семьи и уважения к детям как первостепенному проявлению ответственности.

Сотрудничество образовательной системы с Русской православной церковью и другими традиционными религиями в России стало важным механизмом реализации программ духовно-нравственного воспитания. Введение курса «Основы духовно-нравственной культуры народов России» в школах способствует формированию у подрастающего поколения уважения к семейным ценностям и репродуктивной ответственности. Примеры успешного сотрудничества образовательных и религиозных организаций, таких как воскресные школы, демонстрируют потенциал общественного альянса в восстановлении традиционного уклада [14].

В рамках государственной семейной политики создан Национальный проект «Семья», включающий пять федеральных проектов: «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение» и «Семейные ценности и инфраструктура культуры»⁴.

Для увеличения в долгосрочной перспективе демографического потенциала России предлагается:

- усиление роли образования в формировании духовно-нравственных ценностей через школы и университеты. Педагогическим учреждениям рекомендуется интегрировать в учебные программы дисциплины, направленные на обучение семейным и родительским навыкам, знания основ демографии и демографической политики государства;
- организация совместных программ государства и религиозных организаций для повышения ценности семьи и родительства;
- акцент на поддержке многодетных семей как носителей традиционных нравственных установок;
- продвижение медийных проектов, популяризирующих многодетность и осознанное родительство, государственная пропаганда семейных ценностей через медиа.

⁴ Национальный проект «Семья» // Официальный сайт Минтруда России. 2025. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/nacproekt_semya (дата обращения: 10.03.2025).

Структурированная и продуманная система воспитания населения на духовно-нравственных принципах может значительно повлиять на демографическое развитие страны, снижая угрозу депопуляции и укрепляя социальную стабильность.

Результаты исследования подтверждают наличие корреляции между духовно-нравственным воспитанием и ориентацией на планирование многодетности. Так, те, кто на ранних этапах жизни усвоил традиционные ценности через воспитание в многопоколенных семьях, чаще выражали готовность заводить более двух детей даже в условиях экономической нестабильности.

Роль семейных традиций, таких как составление родословных или почитание старших членов семьи, оказывается значимой для укрепления института семьи. Интеграция традиционных ценностей в образовательные программы продемонстрировала положительные изменения в отношении подростков к идеям семейного уклада.

Эмпирические данные подтверждают, что усвоение норм взаимопомощи, патриотизма и семейной солидарности повышает мотивацию к рождению детей.

Заключение

Духовно-нравственное воспитание играет центральную роль в преодолении современного демографического кризиса, оживляя традиционные культурные ориентиры общества. Интеграция этих ценностей через образовательные программы и государственную политику способствует укреплению института семьи. В долгосрочной перспективе восстановление просемейного уклада может стать эффективным инструментом стабилизации рождаемости и ключевым фактором преодоления демографического кризиса.

Перспективой исследований может стать региональный анализ в условиях этноконфессионального многообразия России, сравнительный анализ регионов с поликонфессиональным населением и разработка диагностических инструментов для оценки эффективности духовно-нравственного воспитания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елисеева А.А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 3 (136). С. 67–74. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.136.3.067-074> EDN: BYVQPI
2. Тарасова Е.О. Положительные и негативные аспекты проживания в многопоколенных семьях // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 1. С. 64–75. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.1.5> EDN: NGENCZ
3. Минков М., Соколов Б., Ломакин И. Эволюция модели культурных измерений Хофстеде: параллели между объективной и субъективной культурой // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 3. С. 287–317. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-287-317> EDN: OKFJGC

4. *Шемишурина А.И.* Аксиологический подход как основа системы нравственного воспитания детей и молодежи // Нижегородское образование. 2011. № 4. С. 32–38. EDN: ONHZQJ
5. *Чуприна А.А.* Духовно-нравственные установки личности как нормативные принципы брачно-семейных отношений // Вестник Ставропольского государственного университета. 2012. № 1. С. 103–107. EDN: PAETER
6. *Семенова И.Ю.* Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи как стратегия государственной семейной политики в условиях кризиса // *Oeconomia et Jus*. 2017. № 2. С. 59–64. EDN: YSQWXL
7. *Lesthaeghe R.* The second demographic transition, 1986–2020: sub-replacement fertility and rising cohabitation — a global update // *Genus*. 2020. Vol. 76. № 1. P. 10. <https://doi.org/10.1186/s41118-020-00077-4> EDN: DKYYGB
8. *Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Васильева Е.Н.* Многодетная семья в современном российском обществе: демографический аспект // Вопросы управления. 2024. № 3 (88). С. 9–23. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-3-9-23> EDN: JZPLJE
9. *Сокулер З.А.* 2002.01.002. Бурдьё П. Гегемония мужчин. Bourdieu P. La domination masculine. P. : Seuil, 1998. 145 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2002. № 1. С. 9–24. EDN: BBVSMV
10. *Ростовская Т.К., Егорычев А.М., Шаповалова И.А.* Роль Русской Православной Церкви в формировании семейной политики Российской Федерации // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 3 (140). С. 191–199. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-3-191-199> EDN: MQTSYL
11. *Пруцкова Е.В., Павлюткин И.В., Борисова О.Н.* Связь религиозности и рождаемости в России на фоне других европейских стран: эффект социального контекста // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2 (174). С. 103–126. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2359> EDN: BGRMSQ
12. *Dantis Ch., Rizzi E.L., Baudin T.* The association between religiosity and fertility intentions via grandparenting: Evidence from GGS data // *European Journal of Population*. 2023. Vol. 39. № 1. P. 1. <https://doi.org/10.1007/s10680-023-09652-9> EDN: QTRRTD
13. *Манапова А.Б.* Образ жизни и теория постматериалистических ценностей Р. Инглхарта // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 32. С. 2167–2170. EDN: MFPCND
14. *Дивногорцева С.Ю.* Духовно-нравственное воспитание школьников в современной России: опыт взаимодействия семьи, школы и Русской Православной Церкви // Вестник Московского университета МБД России. 2010. № 11. С. 7–11. EDN: NTOASP

Информация об авторе:

Королев Максим Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной медицины и социальной работы, Российский университет медицины Министерства здравоохранения Российской Федерации, Россия, 125993, Москва, ул. Долгоруковская, д. 4 (ORCID: 0000-0002-1107-4588) (SPIN-код: 7984-0660) (e-mail: m.korolev10@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-3-359-365

EDN: BSNUCN

Научное сообщение / Notes

Особенности демографической политики — региональный аспект: опыт Республики Татарстан

А.З. Хурамшина^{1,2} , Ю.Р. Хайруллина^{1,3} , Ф.Т. Талибова¹

¹Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

²Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Казань, Россия

³Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

 aigulsuf@mail.ru

Аннотация. Проанализированы разработанные в рамках социологической науки и демографии теоретические подходы к пониманию сущности репродуктивного поведения, влияющих на его формирование факторов, роли и структуры демографической политики. Рассмотрены специфика демографической политики, эволюция российского опыта управления демографическими процессами, приведены статистические данные. Обращено внимание на расширение спектра социально-психологической и социально-культурной мотивации репродуктивного поведения. Государственная демографическая политика рассмотрена как ответ на вызовы общественного развития страны, показана ключевая роль ряда документов. Подчеркнуто решающее значение национальных проектов «Здравоохранение», «Демография», «Образование», «Культура» в решении кризиса рождаемости в стране в пользу ее повышения. Большинство мер по поддержке семей с детьми и стимулированию рождаемости предусматривались в национальном проекте «Демография». Уделено внимание началу реализации нового национального проекта «Семья», продолжающего лучший опыт проекта «Демография», а также предусматривающего всестороннюю поддержку семей с детьми, сокращение уровня бедности, формирование положительного образа многодетности. Систематизированы меры демографической политики федерального и регионального уровня, выявлена их специфика в Республике Татарстан в условиях изменения моделей репродуктивного поведения. Представлены региональные меры поддержки семей с детьми и многодетных семей в соотнесении с динамикой демографических показателей республики в период с начала XXI в. по 2020-е гг., выделены эффективные меры. Указано на наличие специальных мер, направленных на повышение рождаемости в сельской местности. Отмечено более благополучное, в период реализации мер, демографическое состояние Республики Татарстан в сравнении с регионами Приволжского федерального округа и России в целом по показателям рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни, так в 2022 г. федеральный общий коэффициент рождаемости составлял 8,9 ‰, а республиканский — 9,2 ‰.

Ключевые слова: динамика численности населения, местное управление, управление социальной сферой, репродуктивное поведение, молодая семья, мотивация рождаемости

Вклад авторов. Все авторы участвовали в разработке концепции исследования, сборе, обработке и анализе данных, написании текста рукописи, формулировке выводов.

© Хурамшина А.З., Хайруллина Ю.Р., Талибова Ф.Т., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания и выполнения научных исследований ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» 730000 Р. 16.1. ОН17АА81000 «Анализ влияния экономических, социальных и других факторов на развитие социального института семьи в регионе».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 10.04.2025; принята к публикации 05.06.2025.

Для цитирования:

Хурамишина А.З., Хайруллина Ю.Р., Талибова Ф.Т. Особенности демографической политики — региональный аспект: опыт Республики Татарстан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 3. С. 359–365. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-359-365>

Specifics of demographic policy at the regional level: the case of the Republic of Tatarstan

Aigul Z. Khuramshina^{1,2} , Yulduz R. Khayrullina^{1,3} , Farida T. Talibova¹

¹Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

²Volga Region State University of Physical Culture, Sport and Tourism, Kazan, Russian Federation

³Center of Advanced Economic Research of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

aigulsuf@mail.ru

Abstract. The study analyzes theoretical approaches to understanding the essence of reproductive behavior, factors influencing its formation, the role and structure of demographic policy. The study considers the specifics of demographic policy, the evolution of Russian experience in managing demographic processes, and provides statistical data. Attention is drawn to the expansion of the range of socio-psychological and socio-cultural motivation of reproductive behavior. The state demographic policy is considered as a response to the challenges of the country's social development, and the key role of a number of documents is shown. The author shows crucial importance of the national projects "Healthcare", "Demography", "Education", and "Culture" in solving the fertility crisis in the country. Most of the measures to support families with children and stimulate fertility were provided in the national Demography project. Attention is drawn to the launch of the new national project "Family", which continues the best practices of the Demography project, as well as provides comprehensive support for families with children, reducing poverty, and creating a positive image of having many children. The study systematizes measures of demographic policy at the federal and regional levels, identifies their specifics in the Republic of Tatarstan in the context of changing patterns of reproductive behavior. Regional measures to support families with children and large families are presented in relation to the dynamics of demographic indicators of the republic in the period from the beginning of the 21st century to 2024. During the period of implementation of the measures, a more prosperous demographic state of the Republic of Tatarstan was noted in comparison with the regions of the Volga Federal District and Russia as a whole in terms of fertility and life expectancy. In 2022, the federal total fertility rate was 8.9‰, while the republican birth rate was 9.2‰.

Keywords: population dynamics, local governance, social sector management, reproductive behavior, young family, fertility motivation

Contribution. All the authors participated in the development of the concept of this review, data collection, processing and analysis, drafted the manuscript, and formulated the conclusions.

Funding. The article was prepared within the framework of the state assignment and implementation of scientific research under the GNBu “Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan”, 730000 R.16.1. ON17AA81000 “Analysis of the impact of economic, social and other factors on the development of the social institution of the family in the region”.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 10.04.2025. The article was accepted on 05.06.2025.

For citation:

Khuramshina AZ, Khayrullina YuR, Talibova FT. Specifics of demographic policy at the regional level: The case of the Republic of Tatarstan. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(3):359–365. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-359-365>

Введение

На протяжении двух десятилетий XXI в. в России происходит процесс депопуляции населения, который влечет за собой потребность реализации гармоничного взаимодействия репродуктивных интересов семьи и государства. Для формирования благоприятного сценария демографического будущего России необходимо научное осмысление роли, направлений и методов участия государства в регулировании репродуктивного поведения населения.

Цель исследования — обзор мер государственной демографической политики и анализ ее особенностей в Татарстане.

Сторонниками активной роли государства в демографической политике через стимулирование рождаемости являлись такие российские ученые как В.В. Елизаров, В.Н. Кузнецов, Л.Л. Рыбаковский [1], которые считали возможным через последовательный протекционизм нейтрализовать сложившийся малодетный тип репродуктивного поведения. А.Г. Вишневский [2] в рамках концепции модернизации рождаемости придерживался мнения, что в рамках демографического перехода произошло изменение модели рождаемости в мире, трансформация социокультурных регуляторов прокреативного поведения. В рамках любой модели для выработки адекватной демографической политики важно понимание системы детерминант репродуктивного поведения. Например, в рамках факторной концепции Б.Ц. Урланис [3] выделяет условия, факторы, субфакторы и причины демографических процессов.

В работах А.И. Антонова [4. С. 34] и В.А. Борисова [5. С. 183] историческое сокращение рождаемости, доли многодетных семей обосновано отсутствием экономической необходимости у современных родителей рождения детей как помощников в хозяйстве или материальной опоры в настоящем или будущем. Напротив, каждый ребенок требует все больше расходов и снижает качество жизни семьи.

По мнению В.Н. Архангельского [6], решающую роль в мотивации рождаемости должны играть не экономические факторы, а ценностные, социально-психологические и социокультурные. Чтобы, как подчеркивает А.И. Антонов [7], индивиду, для ощущения себя полноценной личностью, обладающей значимой ролью и статусом, были необходимы дети.

Результаты исследования

Государственная демографическая политика призвана учитывать актуальное положение соотношения экономических и социальных факторов, как способствующих рождению большего числа детей в семьях, так и препятствующих этому. В рамках экономических мер необходимо применять разнообразные сплошные и адресные меры материальной поддержки рождаемости и семей с детьми. В рамках социокультурных мер важно формировать и стимулировать образцы социально одобряемого репродуктивного поведения, норму детности, потребности в детях, а также преобразовывать всю систему ценностных ориентаций, опираясь на потенциал истории, этнокультуры, религиозные традиции народов, социализационные механизмы формирования соответствующего образа жизни [8]. Особенно важно и актуально это в молодежной среде [9].

Российская демографическая политика имеет позитивный опыт последовательного и комплексного применения мер поддержки рождаемости в период 80-х гг. XX в. Сочетание экономических и социальных мер позволило в поздний советский период достигнуть высшего показателя рождения 1,88 ребенка на одну женщину из когорт 1950–1960-х гг. рождения [10].

Следующий этап демографической политики выпал на постсоветской период (90-е гг. XX в). Характерным для этого периода стало откладывание первых рождений в молодых возрастных когортах, смена модели брачного и репродуктивного поведения, падение суммарного коэффициента рождаемости (СКР) до 1,17 [11].

С начала нового тысячелетия в России рождаемость повысилась [12]. Так, с 1999 по 2004 г. число родившихся на тысячу населения увеличилось на 26,5 %. На это повлияли положительные изменения состава населения по полу и возрасту и рост возрастных показателей рождаемости. Итогом стало увеличение СКР к 2004 г. до 1,34...1,35, чего в то же время недостаточно для достижения простого воспроизводства населения. Для роста численности населения СКР должен быть на уровне 2,11, что имело место только в 1988 г. [13].

Ответом на негативные тенденции к депопуляции стал Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»¹. Реализация концепции

¹ Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/191961/> (дата обращения: 20.02.2025).

осуществлялась в два этапа: на первом этапе (2007–2010 гг.) благодаря мерам стимулирования рождаемости и программы предоставления материнского капитала² были достигнуты некоторые положительные результаты. Рождаемость увеличивалась 4 года подряд в среднем на 77 000 рождений ежегодно³.

На втором этапе (2011–2018 гг.) осуществлялось закрепление позитивных результатов и дальнейшее развитие программы. Многодетная семья обозначена важнейшей ценностью, а семья с 2 (с. 2026 г.) — 3 детьми — предпочтительной социальной нормой, подчеркнута необходимость исключения ситуации, когда рождение ребенка ставит семью в трудное материальное положение или на грань бедности.

Первое десятилетие XXI в. в России стало периодом экономического роста, социальной стабильности, что отразилось на росте рождаемости и благополучии семьи. Это обеспечило достижение пика постсоветской рождаемости в 1,943 миллиона детей в 2014 г., но с 2016 г. падение рождаемости возобновилось⁴.

Ответом на очередной демографический вызов стали национальные проекты, направленные на формирование человеческого капитала и реализуемые в 2019–2024 гг.: «Здравоохранение»⁵, «Демография»⁶, «Образование»⁷ и «Культура»⁸.

В целях мобилизации социокультурных резервов стимулирования рождаемости по решению Президента Российской Федерации В.В. Путина 2024 г. был объявлен Годом семьи⁹. С. 2025 г. начал реализовываться новый Национальный проект «Семья»¹⁰.

² Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24820> (дата обращения: 20.02.2025).

³ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b11_13/isswww.exe/stg/d1/04-06.htm (дата обращения: 20.02.2025).

⁴ В России давно не рождалось так мало детей // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/economics/2024-04-18/1_8997_children.html?ysclid=lv6iqoqu30535584068 (дата обращения: 20.02.2025).

⁵ Паспорт национального проекта «Здравоохранение» // Правительство России. URL: <http://government.ru/info/35561/> (дата обращения: 20.02.2025).

⁶ Паспорт национального проекта «Демография» // Правительство России. URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения: 26.01.2025).

⁷ Паспорт национального проекта «Образование» // Правительство России. URL: <http://government.ru/info/35566/> (дата обращения: 26.01.2025).

⁸ Паспорт национального проекта «Культура» // Правительство России. URL: <http://government.ru/info/35562/> (дата обращения: 26.01.2025).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49978> (дата обращения: 26.01.2025).

¹⁰ Национальный проект «Семья» // Национальные проекты РФ. URL: <https://национальные-проекты.рф/new-projects/semya/> (дата обращения: 26.01.2025).

На региональном уровне демографической политики в Республике Татарстан разработаны и применяются дифференцированные меры с учетом местной специфики, уклада семьи, культурных традиций. В ходе реализации приоритетов Концепции демографической политики Татарстан в первом десятилетии XXI в. продемонстрировал неплохие показатели: ежегодный рост рождаемости и населения в целом на 7,1 тыс. человек. Но на рубеже 10-х и 20-х гг. XXI в. в республике восстановился негативный тренд естественной убыли населения, старения, сокращения трудовых ресурсов, как и в целом по России¹¹.

В рамках национального проекта «Демография» в Татарстане федеральные меры демографической политики были дополнены региональными¹²: компенсация оплаты родителями ухода за ребенком в некоммерческих образовательных организациях, обеспечение детскими смесями, специальными молочными продуктами, бесплатными рецептурными лекарствами детей до трех лет; выплата пособия каждый месяц на ребенка до 16 лет, обучающегося в образовательной организации — до 18 лет; выплата ежемесячной транспортной субсидии учащимся учреждений общего и среднего профессионального образования до 18 лет; лекарственная субсидия детям до 6 лет, субсидия на оплату социальной нормы жилья и расходов на коммунальные услуги в пределах республиканской нормы потребления. Определены особые меры поддержки для многодетных семей с тремя и более детьми, для целенаправленной поддержки рождаемости в сельских поселениях.

Специальные региональные меры демографической политики в Татарстане позволили достичь следующих показателей. В 2023 г. суммарный коэффициент рождаемости по стране в целом составлял 1,41, по Приволжскому федеральному округу — 1,36 а в регионе — 1,45¹³. Демографические показатели по Республике Татарстан демонстрируют более благоприятное положение в сравнении с общероссийскими и окружными показателями.

Заключение

Для выработки дальнейших адресных мер стимулирования рождаемости в регионе проводится научный анализ текущей демографической ситуации в режиме мониторинга.

В целом, для нейтрализации тенденции к снижению рождаемости в регионе необходимо не только поддержание текущей благоприятной социально-экономической ситуации, повышение качества жизни семьи, усиление

¹¹ Демографическая яма. Продолжит ли Татарстан падение? // Татцентр. URL: <https://tatcenter.ru/news/demograficheskaya-yama-prodolzhit-li-tatarstan-padenie/> (дата обращения: 12.02.2025).

¹² О реализации мер социальной поддержки семей с детьми в Республике Татарстан // Государственный Совет Республики Татарстан. URL: https://gossov.tatarstan.ru/file/gossov/docs/other_11238.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

¹³ Суммарный коэффициент рождаемости (единица, значение показателя за год) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 20.02.2025).

экономических мер поддержки семей с детьми и материальных мер, направленных на мотивирование к рождению детей, доступности медицинской помощи, но и мобилизация и лоббирование социокультурной составляющей престижа семейного образа жизни, родительства, рождения детей, многодетности, возрождения многоколенной семьи как особого этнокультурного кода народов региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегия демографического развития России / под ред. В.Н. Кузнецова, Л.Л. Рыбаковского. М. : Центр соц. прогнозирования, 2005. 205 с.
2. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Вишневого. М. : Новое изд-во, 2006. 599 с.
3. Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. М. : Статистика, 1978. 310 с.
4. Антонов А.И., Борисов В.А. Кризис семьи и пути его преодоления : науч. докл. М. : ИС, 1990. 36 с.
5. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М. : Статистика, 1976. 246 с.
6. Архангельский В.Н. Сколько нас будет завтра? // Няня: журнал для родителей. 2006. № 12 (136). С. 41–44.
7. Антонов А.И. Проблемы социологического изучения репродуктивного поведения семьи // Вопросы теории и методов социологических исследований. М., 1974. 115 с.
8. Хайруллина Ю.Р., Хураמיшина А.З. Самочувствие детей в российских семьях (на материалах Республики Татарстан) // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2024. № 26. С. 139–146. EDN: DLZOOO
9. Рустамова Г.М. Поддержка общественных молодежных инициатив по вопросам укрепления семейных ценностей на примере Республики Татарстан // Семья и преемственность поколений : материалы Международного симпозиума, Иваново — Плётс, 30 сентября — 01 октября 2022 года. Иваново : Ивановский государственный университет, 2022. С. 47–51. EDN: HCZEGG
10. Демографическое будущее России / под ред. Л.Л. Рыбаковского, Г.Н. Кареловой. М., 2001. 53 с.
11. Фрейка Т., Захаров С.В. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 1. С. 106–143. EDN: TLMUWZ
12. Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: популяционные и геополитические аспекты. М. : Экон-информ, 2003. 55 с.
13. Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социологические исследования. 2005. № 3 (251). С. 71–81. EDN: OOUHJB

Информация об авторах:

Хураמיшина Айгюль Зуфаровна — кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, директор, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Россия, 420111, Казань, ул. Баумана, д. 20; доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Россия, 420010, Казань, Деревня Универсиады, д. 35 (ORCID: 0000-0002-8384-0616) (SPIN-код: 4170-8961) (e-mail: aigulsuf@mail.ru).

Хайруллина Юлдуз Ракибовна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Россия, 420111, Казань, ул. Баумана, д. 20; главный научный сотрудник, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, Россия, 420111, Казань, ул. Баумана, д. 20 (ORCID: 0000-0003-4018-4628) (SPIN-код: 6936-5671) (e-mail: iouldouz@yandex.ru).

Талибова Фариды Тагировна — научный сотрудник, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Россия, 420111, Казань, ул. Баумана, д. 20 (ORCID: 0009-0009-0440-0187) (SPIN-код: 4942-8892) (e-mail: far.galimova@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-3-366-374

EDN: BRCVKY

Научная статья / Research article

Совершенствование процедур государственного управления в сфере демографии и миграции с помощью мультиагентного Deep reinforcement learning на примере алгоритма MADDPG

А.В. Дождиков

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

 antondnn@yandex.ru

Аннотация. Определены основные социальные, политические и экономические риски, связанные с «перепроизводством» элиты, сокращением среднего класса с учетом неконтролируемой миграции. Для нивелирования рисков предложен общий теоретический подход оптимизации «гиперпараметров» процедур государственного управления, «ап-грейда» модели принятия управленческих решений с помощью гибридных систем, основанных на машинном обучении. Проведен эксперимент для 7 регионов с изначально случайными признаками (число регионов может быть любым). В ходе эксперимента с алгоритмом MADDPG показана возможность реализации сбалансированной миграционной, социально-экономической и ресурсной политики для произвольного числа регионов в условиях нестабильности, хаотических, шумовых процессов и межрегиональной миграции на неограниченный период времени при сохранении основных параметров среды. Обученные ИИ-алгоритмы в совместной деятельности показали рост численности населения, экономический рост и развитие территорий, рациональное использование имеющихся ресурсов (без их истощения), сбалансированную межрегиональную миграцию. Дальнейшее направление исследования предполагает подключение фактора внешней миграции и детализацию факторов межрегиональной миграции, экономического роста и потребления ресурсов в разрезе социальной структуры общества. Перспектива применения — гибридные человеко-машинные системы управления и поддержки принятия решений для сферы государственного управления.

Ключевые слова: динамика населения, миграционные потоки, избыток элиты, обучение с подкреплением, глубокое обучение, многоагентные системы, государственная политика

Благодарности. Автор выражает благодарность коллективу преподавателей OTUS курса Reinforcement Learning за полученные знания и навыки.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 10.04.2025; принята к публикации 30.05.2025.

© Дождиков А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Дождиков А.В. Совершенствование процедур государственного управления в сфере демографии и миграции с помощью мультиагентного Deep reinforcement learning на примере алгоритма MADDPG // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 3. С. 366–374. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-366-374>

Enhancing governmental policy-making in demographics and migration through multi-agent Deep reinforcement learning: a case study with the MADDPG algorithm

Anton V. Dozhdikov

Institute of Social and Political Studies, *FNISSC RAS, Moscow, Russian Federation*
 antondnn@yandex.ru

Abstract. The study identifies the main social, political and economic risks associated with the “overproduction” of the elite, the reduction of the middle class, considering uncontrolled migration. To mitigate the risks, a general theoretical approach is proposed to optimize the “hyperparameters” of public administration procedures, “upgrade” the decision-making model using hybrid systems based on machine learning. The experiment was conducted for 7 regions with initially random features (the number of regions can be any). During the experiment with the MADDPG algorithm, the author shows the possibility of implementing a balanced migration, socio-economic and resource policy for an arbitrary number of regions in conditions of instability, chaotic, noise processes and interregional migration for an unlimited period while maintaining the main environmental parameters. Trained AI algorithms in joint activities showed population growth, economic growth and development of territories, rational use of available resources (without their depletion), balanced interregional migration. Further direction of the research involves the inclusion of the external migration factor and detailing the factors of interregional migration, economic growth and resource consumption in the context of the social structure of society. The prospect of application are hybrid human-machine control and decision support systems for the sphere of public political administration.

Keywords: demographic structure, labor mobility patterns, overproduction of skilled professionals, sequential decision-making algorithms, neural function approximation, collaborative autonomous agents, state governance frameworks

Acknowledgments. The author expresses gratitude to the teaching staff of the OTUS course on Reinforcement Learning for the knowledge and skills acquired.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 10.04.2025. The article was accepted on 30.05.2025.

For citation:

Dozhdikov AV. Enhancing governmental policy-making in demographics and migration through multi-agent Deep reinforcement learning: a case study with the MADDPG algorithm. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(3):366–374. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-366-374>

Введение

Демографические и миграционные процессы без учета явлений второго-третьего порядка несут в себе риски нестабильности за счет структурных диспропорций [1]. Классический подход [2] предполагает, что политические потрясения происходят в странах с большим количеством молодежи. Но ошибочно предполагать, что в отсутствии «молодежного бугра» [3], являвшегося причиной революций «арабской весны» [4], и показателе демографического воспроизводства населения в пределах 1,4–1,5 не образуются предпосылки к кризисам: сокращение населения приводит к уменьшению экономического потенциала и «дележу» оставшегося. Аналог «молодежного бугра» имеет место в Северо-Кавказском ФО [5], а также в странах Центральной Азии, являвшихся долгое время донорами миграции [6].

Численность элиты может расти¹ и в условиях экономического спада и сокращения населения. Результат — ее «перепроизводство» [7], кризисы — если не находятся направления для экспансии по аналогии с эпохами Крестовых походов, Великих географических открытий².

Верхний сегмент среднего класса слабо подвержен мерам стимулирования. Средний сегмент среднего класса чувствителен к государственной поддержке до определенных пределов. Нижний сегмент среднего класса — очень чувствителен, меры государственной поддержки способны улучшить ситуацию, равно как и для сегмента ниже среднего класса. В отношении групп хронической бедности, прекариата [8] и маргинальных слоев зависимость требует изучения.

Для реализации демографической политики государство применяет меры как экономические (материнский капитал, льготная семенная ипотека), так и нематериальные — продвижение идей натализма [9] в контексте традиционных ценностей [10], в т.ч. запрет на пропаганду «антинаталистских» идеологий, предполагая, что они оказывают воздействие на матримониальные стратегии молодежи [11].

К настоящему времени меры прямого стимулирования стали малоэффективными: программа льготной ипотеки — причина роста цен на недвижимость, в результате которого средняя площадь новых квартир сократилась в среднем на одну комнату³. Квартира без ипотеки недоступна для среднего и нижнего среднего сегментов. Верхний сегмент общества,

¹ По данным исследования 2022 года число детей у супругов российских губернаторов составляло в среднем 2,27. Цит. по : Елена Колебакина-Усманова. «Минченко консалтинг» о женах губернаторов // Бизнес-газета. 01.07.2022. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/552026> (дата обращения: 08.03.2025).

² См. *Дождиков А.В.* «Космические конкистадоры» Илона Маска // Плас. 07.06.2024. URL: <https://plusworld.ru/journal/2024/plas-5-313-2024/kosmicheskie-konkistadory-ilona-maski/> (дата обращения: 08.03.2025).

³ Средняя площадь квартир в Москве за 20 лет сократилась на четверть // РБК. Недвижимость. 04.10.2022. URL: <https://realty.rbc.ru/news/615ae2589a79477d48835e97> (дата обращения: 08.03.2025).

который может платить ипотеку и получает льготы, покупает инвестиционные квартиры, поддерживая высокие цены. В результате цена на квартиру (на примере Москвы) с февраля 2000 г. (19 743 р.) до февраля 2025 г. (274 856 р.) возросла в 14,66 раз⁴, опережая инфляцию. Увеличение цен (ухудшение доступности жилья) и уменьшение площади отрицательно влияют на деторождение.

Вторая проблема — дорогое «социальное воспроизводство» для среднего класса, не только в плане финансов, но и времени родителей, затрачиваемого на поддержание социального статуса и последующую передачу его детям. Поэтому методы наталистской пропаганды не работают: «Более обеспеченные семейные пары теряют больше по сравнению с менее обеспеченными супругами, поскольку их время ценится дороже»⁵.

Третья проблема — неуправляемые миграционные процессы: «новые граждане» слабо интегрируются в социум, предпочитая анклав (будущие гетто), монополизировав отдельные отрасли экономики. Но вследствие принципа равенства граждан перед законом они используют жилищные сертификаты и иные льготы в большей мере, чем «старые граждане».

В России формируется два «молодежных горба» — в средах элиты и «новых граждан». Средний класс, цементирующий общество, сокращается как в относительных показателях, так и абсолютных, будучи зажатым с нескольких сторон.

В случае сценария «архаизации» вследствие разрастания «экономических анклавов» с одной стороны, и жесткой консервативной, традиционалистской государственной политики, возникает риск конфликтов как на национально-религиозной почве, так и по социально-экономическим основаниям.

Альтернативой сценарию «архаизации» является эффективное управление, динамическое маневрирование социальными льготами, стимулирующими мерами, культурной политикой, миграционными процессами. Данный подход предполагает трансляцию опыта одних территорий для других и гибкую координацию из федерального центра, выступающего в роли «критика».

Внедрение подобной методики связано с теоретическим подходом к политической системе как сложной ансамблевой модели управления и принятия политических решений [12]. Настройка ее гиперпараметров или «апгрейд» существенно улучшает производительность и метрики качества.

Для реализации государственной политики необходимо использование способного к самообучению искусственного интеллекта (ИИ). *Научная*

⁴ Индекс стоимости жилья в Москве. URL: <https://www.irm.ru/gd/s-2000-goda/> (дата обращения: 08.03.2025).

⁵ Эксперты ВШЭ: из-за роста доходов снижается вероятность рождения детей в семье // Коммерсант. Экономика. 22.12.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6414088> (дата обращения: 08.03.2025).

новизна исследования заключается в применении метода Multi-Agent Deep Deterministic Policy Gradient (MADDPG), используемого для киберфизических систем и управления «роем» БПЛА, для нужд государственного управления.

Цель исследования — построить модель взаимодействия агентов-управляющих региональным развитием по набору показателей, проиллюстрировать возможность использования ИИ-инструментов для обеспечения демографического роста, стабилизации затрат ресурсов и миграционных процессов.

Материалы и методы исследования

Сложные процессы требуют применения методов глубокого обучения с подкреплением. Алгоритм используется для многоагентных динамических сред, позволяет агентам учиться взаимодействовать друг с другом: каждый обучается оптимальной стратегии, основываясь на собственных наблюдениях и действиях других, что делает метод адаптивным и гибким.

Основная проблема обучения с подкреплением у моделей типа DQN (Deep Q-Learning, [13]) — «нестатистичность» среды, градиент политики страдает от увеличения дисперсии с ростом числа агентов. Обученный один раз алгоритм трудно масштабировать (в Российской Федерации — 89 регионов). Созданная для отдельных регионов модель или наработанная политика непригодны для остальных.

Алгоритм MADDPG [14] применяется в управлении беспилотными [15] и военными системами [16], эффективен для смешанных кооперативно-конкурентных сред [17], является одним из прообразов перспективного «коллективного искусственного интеллекта» [18; 19]. MADDPG расширяет метод Deep Deterministic Policy Gradients (DDPG) для кооперативной или конкурентной работы в сложных средах. MADDPG⁶ учитывает политику действий других агентов и способен успешно обучаться политикам, требующим сложной координации между ИИ-агентами. Вводится режим тренировки с использованием ансамбля политик для каждого агента для создания устойчивых многоагентных сообществ.

Метод предполагает централизованное планирование и децентрализованное выполнение: у каждого агента есть прямой доступ к локальным наблюдениям, во время обучения все агенты управляются центральным модулем, во время тестирования он деактивируется, а агенты со своими политиками и локальными данными остаются. MADDPG включает минимакс-стратегию, которая регулирует политику каждого агента, чтобы он действовал оптимально даже в самом худшем случае.

⁶ Lowe R. Multi-agent actor-critic for mixed cooperative-competitive environments: arXiv preprint. 2020. 9 p. URL: <https://arxiv.org/abs/1706.02275> (дата обращения: 07.03.2025).

Для управления важна возможность реализации мультиагентного сотрудничества и кооперации, постановки общих целей, обмена информацией, кооперации и синхронизации действий, что гораздо эффективнее обычных методов глубокого обучения с подкреплением в условиях сложных сред [20].

Результаты исследования

Для эксперимента использован фреймворк машинного обучения для языка Python с открытым исходным кодом PyTorch, создана динамическая модель среды без детализации на отдельные социально-экономические показатели: население зависит от привлекательности реализуемых в городах политик; экономический рост связан с населением и текущей политикой; ресурсы истощаются пропорционально экономической активности.

Функция вознаграждения агентов включает: награду за поддержание баланса населения, экономического роста, устойчивости ресурсов, согласованности действий с соседями. Агенты учатся балансировать между привлечением населения и сохранением ресурсов; формируются кластеры регионов с согласованными политиками: система приходит к состоянию динамического равновесия с умеренными колебаниями показателей, обусловленными случайными факторами.

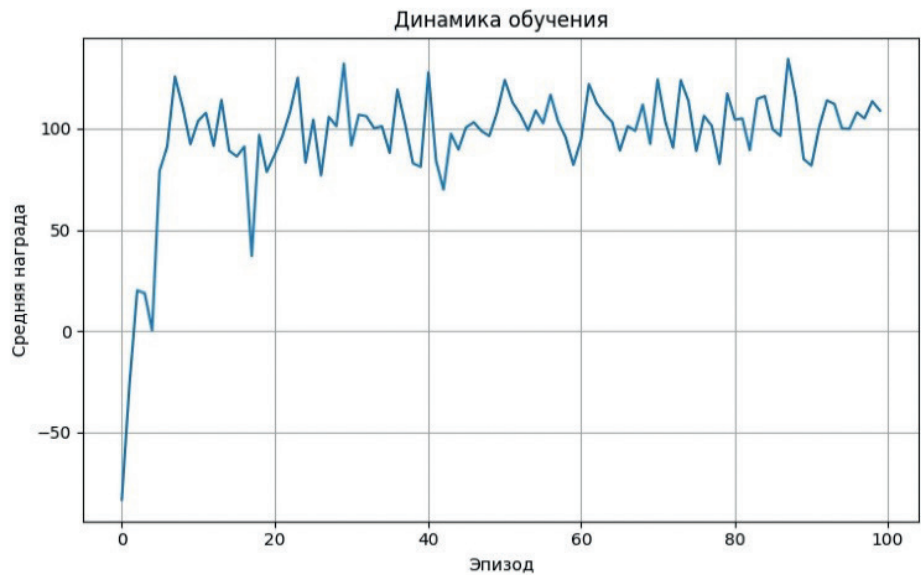
Сгенерировано 7 профилей регионов (число может быть любым). Обучение осуществлялось в течение 100 эпох на 200 шагов в каждой, так как задача требует поддержания баланса в долгосрок. Псевдослучайные показатели на старте зафиксированы, и результаты эксперимента могут быть воспроизведены.

В коде⁷ представлены: модель среды, включающая создание рандомных профилей регионов (с численностью населения от 0,5 до 1,5), механизм расчета миграционных потоков, факторы экономического роста и потребления ресурсов, функция награды. Создана архитектура актор-критик, предполагающая децентрализованную политику для каждого агента, принимающего решения и централизованную функцию ценности для критика. Реализован класс MADDPG, имеющий функцию добавления хаотических эффектов, создание агентов по числу регионов.

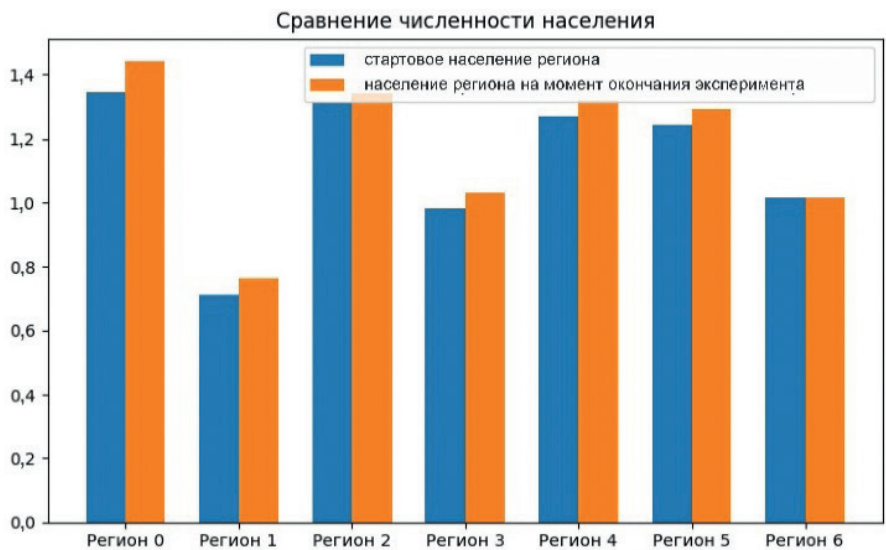
После 20 эпизода ИИ-система обучилась (суммарная награда примерно равна 100) и смогла поддерживать это состояние на протяжении оставшихся эпох. На графике (рис. а) приведена функция награды и относительно стабильное «плато» обучения после 20-го эпизода.

Результаты эксперимента показали общий прирост населения (рис. б), при этом поддерживался устойчивый рост экономики, баланс миграционных процессов и не допускалось истощение ресурсов.

⁷ Код и результаты в открытом доступе. URL: https://github.com/AntonDozhnikov/AntonDozhnikov/blob/main/Demography_MADDPG.ipynb (дата обращения: 07.03.2025).

а

б

Динамика обучения ИИ-агентов (а), состояния регионов по численности населения на начало и окончание эксперимента (б)

Источник: выполнено А.В. Дождиковым в среде Python с помощью фреймворка для работы с нейросетями PyTorch при реализации класса MADDPG.

Заключение

Базовым ограничением эксперимента выступает время обучения и производительность оборудования, включая графические ускорители. Стратегия преодоления ограничений предусматривает распараллеливание обучения, либо изменение архитектуры, например, 2–3-этапное обучение: сначала

обучается несколько «агентов инноваций», далее к ним добавляются необученные, с которыми первые делятся опытом. Второй вариант предполагает разделение регионов на группы подобия по социально-экономическим признакам с помощью стандартных методов кластеризации с обучением представителей и последующим распространением опыта.

ИИ-агент управления регионом, основываясь на собственном опыте и опыте соседей, сможет: предсказать миграционные тренды, разработать инициативы для улучшения демографических показателей; моделировать сценарии, направленные на улучшение условий жизни; адаптировать стратегию миграции; оптимизировать снабжение ресурсами и сектор услуг; гибко реагировать на изменения спроса на услуги и планировать развитие инфраструктуры; организовывать взаимодействие с другими ИИ, обмениваясь данными и опытом.

Метод MADDPG предоставляет инструментарий для управления социальными процессами. Интеграция многоагентных систем в управление позволяет государственным ведомствам более гибко и эффективно реагировать на изменения в демографии и миграции, подобный класс методов может стать ключевым элементом в управлении, создавая устойчивые и адаптивные системы. Реализация модели «актор-критик» в MADDPG соответствует структуре государственного управления в Российской Федерации: «критик» — федеральный центр, «акторы» — агенты управления в округах и регионах, что создает возможность «апгрейда» процедур управления и принятия решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г. Молодежные бугры как фактор социально-политической нестабильности // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2020. № 1. С. 41–52. <https://doi.org/10.56429/2414-4894-2020-31-1-41-52> EDN: DREPPQ
2. Goldstone J.A. Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley : University of California Press, 1991. 608 p.
3. Нефедов С.А. «Молодежный бугор» и первая русская революция // Социологические исследования. 2015. № 7 (375). С. 140–147. EDN: UCFOCB
4. Коротаев А.В., Исаев Л.М. Революция бугров и разломов // Эксперт. 2012. № 30/31 (462). Спецвыпуск. С. 7–10.
5. Муртузалиева Д.Д., Симагин Ю.А., Ванькина И.Н. Динамика численности населения северокавказских регионов России в 2010–2022 годах // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 3. С. 33–45. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.3.3> EDN: BSBPER
6. Акрамов Ш.Ю., Блиничкина Н.Ю. Демографическая безопасность в контексте международной миграции // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3. № 2. С. 28–39. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.2> EDN: CESKQP
7. Turchin P. Political instability may be a contributor in the coming decade // Nature. 2010. Vol. 463. P. 608. <https://doi.org/10.1038/463608a>
8. Попов А.В. От precarious занятости к прекариату // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 155–160. <https://doi.org/10.31857/S013216250009300-3> EDN: YOXAYW

9. Клунт М.А. Проблемы семьи и рождаемости в ценностных конфликтах 2010-х гг. // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 36–46. <https://doi.org/10.31857/S013216250014119-3> EDN: TAKIRG
10. Свадьбина Т.В., Немова О.А. Российская семья как хранитель и транслятор традиционных национальных ценностей // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11. № 4 (45). С. 14. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-4-14> EDN: EHHNCH
11. Благорожева Ж.О., Шаповалова И.С. Влияние альтернативных ценностей и установок на матримониальные стратегии молодежи // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23. № 2 (151). С. 30–39. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39> EDN: HTXQXM
12. Дожди́ков А.В. Политическая система как модель машинного обучения // Технологии социально-гуманитарных исследований. 2024. № 2 (6). С. 9–24. EDN: MTPDDQ
13. Li Sh. Reinforcement learning for sequential decision and optimal control. 1st ed. Singapore : Springer, 2023. 460 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-7784-8>
14. Fu X., Wang H., Xu Z. Cooperative pursuit strategy for multi-UAVs based on DE-MADDPG algorithm // Acta Aeronautica et Astronautica Sinica. 2022. Vol. 43. № 5. P. 325311. <https://doi.org/10.7527/S1000-6893.2021.25311> EDN: XBKXBQ
15. Liu Bo., Wang Sh., Li Q., Zhao X., Pan Yu., Wang Ch. Task assignment of UAV swarms based on deep reinforcement learning // Drones. 2023. Vol. 7. № 5. P. 297. <https://doi.org/10.3390/drones7050297> EDN: STKSJG
16. Li W., Chen X., Yu W., Xie M. Multiple unmanned aerial vehicle coordinated strikes against ground targets based on an improved multi-agent deep deterministic policy gradient algorithm // Proceedings of the Institution of Mechanical Engineers. Part I: Journal of Systems and Control Engineering. 2024. <https://doi.org/10.1177/09596518241291185> EDN: WXEFO
17. Wei X., Huang X., Yang L.F. et al. Hierarchical RNNs-based transformers MADDPG for mixed cooperative-competitive environments // Journal of Intelligent and Fuzzy Systems. 2022. Vol. 43. № 1. P. 1011–1022. <https://doi.org/10.3233/JIFS-212795> EDN: HLEHUN
18. Wang Zh., Guo Ya., Li N., Hu Sh., Wang M. Autonomous collaborative combat strategy of unmanned system group in continuous dynamic environment based on PD-MADDPG // Computer Communications. 2023. Vol. 200. P. 182–204. <https://doi.org/10.1016/j.comcom.2023.01.009> EDN: ROHQW
19. Zhao M., Wang G., Fu Q. et al. MW-MADDPG: A meta-learning based decision-making method for collaborative UAV swarm // Frontiers in Neurorobotics. 2023. Vol. 17. <https://doi.org/10.3389/fnbot.2023.1243174> EDN: NPYWPK
20. Chen Zh. DQN-MADDPG Coordinating the multi-agent cooperation // Highlights in Science, Engineering and Technology. 2023. Vol. 39. P. 1141–1145. <https://doi.org/10.54097/hset.v39i.6720> EDN: XKQISV

Информация об авторе:

Дожди́ков Антон Валентинович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, кафедра ЮНЕСКО, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Россия, 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1 (ORCID: 0000-0002-1069-1648) (SPIN-код: 2208-1891) (e-mail: antondnn@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-3-375-385

EDN: BMRMLM

Научная статья / Research article

Влияние государственной политики агломерирования на долгосрочные тенденции изменения численности населения России

А.М. Ситковский

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

 omnistat@yandex.ru

Аннотация. Проанализировано влияние государственной политики агломерирования на демографические тенденции в России с особым акцентом на взаимосвязь урбанизации и уровня рождаемости. Исследование базируется на данных о численности населения и различиях демографических показателей между городскими и сельскими территориями, а также включает прогноз возможных изменений демографической ситуации до 2100 г. методами сценарного моделирования. Цель исследования — определить ключевые последствия агломерационного подхода для долгосрочного демографического развития в соответствии с новой «Стратегией пространственного развития РФ на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года», а также дать оценку возможных подходов к корректировке государственной политики в условиях депопуляции. В качестве материалов использованы оценочные данные Росстата по численности населения и компонентам его изменения, включая суммарный коэффициент рождаемости для городского и сельского населения. Применены методы прогнозирования компонентов демографической динамики, в частности SARIMA (реализован на языке Python) для прогнозирования рождаемости. Сценарный прогноз численности населения выполнен методом «передвижки возрастов» с помощью программного комплекса Spectrum (модуль DemProj). Рассмотрены три основных сценария: продолжение текущей тенденции урбанизации, сохранение статичной доли городского и сельского населения и сценарий дезурбанизации как возможная альтернатива. Результаты показывают, что при современных низких показателях рождаемости и отсутствии миграционного прироста во всех трех сценариях продолжится сокращение численности населения России. Особенно остро проявляется проблема снижения рождаемости в городах, усугубляемая процессом укрупнения агломераций. Сделан вывод: проводимая политика урбанизации в сочетании с низкой рождаемостью усиливает депопуляцию страны, а политика дезурбанизации не способна радикально изменить демографическую ситуацию.

Ключевые слова: урбанизация, агломерация, рождаемость, демографический кризис, сценарное моделирование, демографическое прогнозирование, стратегия пространственного развития, суммарный коэффициент рождаемости, стратегическое планирование

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ситковский А.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Поступила в редакцию 02.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

Для цитирования:

Ситковский А.М. Влияние государственной политики агломерирования на долгосрочные тенденции изменения численности населения России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 3. С. 375–385. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-375-385>

The impact of state agglomeration policy on long-term trends of population changes in Russia

Arseniy M. Sitkovskiy

Institute for Demographic Research, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (FRC RAS), Moscow, Russian Federation

 omnistat@yandex.ru

Abstract. The study analyzes the impact of state agglomeration policy on demographic trends in Russia, with a special focus on the relationship between urbanization and birth rate. The study is based on data on population size and differences in demographic indicators between urban and rural areas, and includes a forecast of possible changes in the demographic situation up to 2100 using scenario modeling methods. The purpose of the study is to identify the key consequences of the agglomeration approach for long-term demographic development in line with the new “Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036”, as well as to assess possible approaches to adjusting state policy in the context of depopulation. The study materials include Rosstat’s estimated data on population size and components of its change, including total fertility rates for urban and rural populations. Methods of forecasting demographic dynamics components were applied, in particular SARIMA (implemented in Python) for fertility forecasting. The population is projected using the cohort-component method (“age shifting”) with the Spectrum software (DemProj module). Three main scenarios are considered: continuation of the current urbanization trend, maintenance of a static share of urban and rural population, and a “deurbanization” scenario as a possible alternative. The results show that given the current low birth rates and zero migration growth, Russia’s population will continue to decline under all three scenarios. The issue of declining birth rates in cities is particularly acute, exacerbated by the consolidation of agglomerations. It is concluded that the ongoing urbanization policy, combined with low birth rates, intensifies the country’s depopulation, while a deurbanization policy cannot radically change the demographic situation.

Keywords: urbanization, agglomeration, birth rate, demographic crisis, scenario modeling, demographic forecasting, state policy, spatial development strategy, total fertility rate, strategic planning

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 02.05.2025. The article was accepted on 30.05.2025.

For citation:

Sitkovskiy AM. The impact of state agglomeration policy on long-term trends of population changes in Russia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(3):375–385. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-375-385>

Введение

В 2024 г. завершилось действие первой «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»¹. В начале 2025 г. утверждена новая редакция Стратегии², призванная определить направления развития жилищного строительства и системы расселения России до 2030 г. Изменения в системе расселения влекут долгосрочные демографические и экономические последствия, требующие внимательного анализа. Выбранный курс на укрупнение городских агломераций сопряжен с издержками, не меньшими, чем получаемые преимущества.

Любая стратегия начинается с постановки цели. В тексте новой Стратегии заявлена цель — «формирование сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики Российской Федерации, которая будет способствовать достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности». Следует отметить, что такая формулировка не соответствует принципам SMART, принятым в современном стратегическом планировании [1].

Заложенные в Стратегии задачи также не позволяют четко определить планируемое направление пространственного развития. В документе в качестве задач, по сути, перечислены отдельные национальные цели развития России до 2030 г. (с перспективой до 2036 г.)³, а именно: сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, устойчивая и динамичная экономика, комфортная и безопасная среда для жизни.

При детальном рассмотрении концепции Стратегии⁴ становится очевидно, что ее разработчики ориентируются на агломерационный подход, т.е. концентрируют внимание на ограниченном числе приоритетных территорий развития (агломерациях и «опорных» населенных пунктах). Например, новая классификация опорных населенных пунктов

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р. «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал Правительства РФ. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 28.04.2025).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // Официальный интернет-портал Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/53917/> (дата обращения: 28.04.2025).

³ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 28.04.2025).

⁴ Концепция «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // Официальный сайт Минэкономразвития России. 2024. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/85fb48440f79df778539e0b215af5345/konceptsiya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf (дата обращения: 28.04.2025).

включает 187 «точек роста», 212 стратегических населенных пунктов, 76 городских агломераций и 23 административных центра субъектов РФ, а также 1709 населенных пунктов, выполняющих функции опорных. Ожидается, что в 2025 г. будет опубликован «Единый перечень опорных населенных пунктов Российской Федерации» в качестве официального документа.

Предполагается, что около 2319 населенных пунктов России будут отнесены к числу приоритетных в рамках новой Стратегии. По данным Всероссийской переписи населения 2021 г., в стране насчитывалось 155,5 тыс. населенных пунктов⁵. Таким образом, приоритетными признаются лишь приблизительно 1,5 % всех поселений, где проживает примерно 77,6 % населения России (около 114,3 млн человек, если исходить из того, что в первую очередь выделяются крупнейшие по численности населения населенные пункты).

Подход, основанный на поддержке только «опорных» территорий, объясняется ограниченностью ресурсов, но обладает несколькими существенными недостатками, которые требуют особого внимания:

- 1) большинство населенных пунктов, не вошедших в список приоритетных, может оказаться в состоянии упадка и обезлюдения. Концентрация ресурсов в немногих «приоритетных» территориях неизбежно вызовет деградацию остальных, что чревато проблемами с использованием сельскохозяйственных земель и угрозами для национальной безопасности;
- 2) малые поселения обычно расположены вблизи промышленных и сельскохозяйственных центров. Убывание населения в этих локациях усилит дефицит рабочей силы в соответствующих отраслях экономики;
- 3) рост плотности населения в агломерациях повлечет удорожание жилья и уменьшение доступной жилой площади на человека. В итоге, даже в крупнейшей по территории стране мира людям пришлось бы жить в более тесных условиях;
- 4) будет нарастать социальная поляризация: не все жители смогут переселиться в «приоритетные» города, и разрыв в уровне доходов и качестве жизни между территориями увеличится, формируя новые маргинализированные группы по территориальному признаку;
- 5) инфраструктура в крупных городах окажется перегруженной. Повышенная концентрация населения создаст чрезмерную нагрузку на системы водоснабжения, канализации, электросетей и дорожную сеть, требуя огромных затрат на их модернизацию;

⁵ Таблица 3. Число муниципальных образований, внутригородских районов, округов города, межселенных территорий и населенных пунктов по субъектам Российской Федерации // Итоги ВПН-2020. Том 1. Численность и размещение населения: Росстат. 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom1_tab-3_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 28.04.2025).

- 6) усилится экологическая нагрузка. Скопление населения на ограниченной территории затрудняет рассеивание загрязняющих веществ, поэтому без внедрения новых экологических мер будет происходить ухудшение качества среды обитания;
- 7) урбанизированный образ жизни и высокая стоимость жилья негативно сказываются на рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в городах России значительно ниже, чем в сельской местности, причем в наиболее плотнозаселенных городских агломерациях этот показатель минимален.

Наиболее сложной и значимой среди указанных проблем, по мнению автора, является демографическая. Далее в статье детально рассматривается именно последнее из перечисленных ограничений — сокращение численности населения вследствие роста доли городского населения.

Цель исследования заключается в выявлении основных демографических последствий реализации политики агломерирования в рамках новой «Стратегии пространственного развития РФ до 2030 года», а также в оценке возможных направлений корректировки государственной политики в условиях депопуляции.

Материалы и методы исследования

Влияние урбанизации на снижение рождаемости достаточно широко обсуждается в научной литературе [2–11]. Среди российских исследований данного вопроса можно выделить работы А.И. Алексеева и Н.В. Зубаревич [2], В.Н. Архангельского [3], В.А. Безвербного [4], А.Г. Вишневого и др. [5], В.А. Ионцева [6], В.М. Медкова [7], В.В. Пациорковского [8], Ю.Л. Пивоварова [9], Л.Л. Рыбаковского [10] и других авторов [11].

Для оценки влияния государственной политики агломерирования на долгосрочные тенденции численности населения был выполнен сценарный демографический прогноз. В распоряжении исследователей имеется несколько методов прогнозирования основных демографических показателей на среднесрочную перспективу: интерполяционный, аналитический, метод передвижки возрастов, или метод компонент, а также подходы, основанные на теории циклического этногенеза. Кроме того, перспективным, хотя еще малоизученным, считается агент-ориентированный подход к моделированию демографических процессов [12]. На практике наиболее распространен и надежен метод передвижки возрастов, предложенный американским демографом П.К. Уэлптоном в первой половине XX в. [13].

Метод передвижки возрастов представляет собой пошаговую математическую модель, описывающую динамику возрастно-полового состава населения. Исходная информация — численность населения по полу и возрастным группам на последний известный год. Далее для каждого

последующего года численность перерасчитывается с учетом демографических факторов. Иными словами, каждый индивид «стареет» на один год за шаг прогноза, одновременно с заданной вероятностью для каждой возрастной группы учитываются события рождения, смерти или миграции. Математически это можно выразить формулой

$$N_{x+1}(t+1) = N_x(t) \times a_x + M_x(t),$$

где $N_x(t)$ — численность возрастной группы x в году t ; $N_{x+1}(t+1)$ — численность возрастной группы $x+1$ в следующем году; a_x — коэффициент перехода в следующий возраст (вероятность дожить до возраста $x+1$); $M_x(t)$ — миграционное сальдо для данной возрастной группы [14].

Данный метод является многофакторным: точный состав факторов варьируется в зависимости от качества статистической информации. Необходимыми параметрами для расчета выступают, как минимум, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, СКР и общий коэффициент смертности. Увеличение числа учитываемых факторов повышает точность прогноза, однако усложняет вычисления.

Для практической реализации метода передвижки возрастов разработан программный модуль DemProj. Эта модель, впервые созданная Д. Стоувером в 1980 г. [15. Р. 5–6], применяется ООН и исследователями для прогнозирования численности и структуры населения различных стран и регионов. DemProj позволяет получать прогнозы на срок до 150 лет от базового года. Модель входит в бесплатный программный комплекс Spectrum (Avenir Health)⁶; в работе использовалась версия Spectrum 6.4.

Эмпирической базой исследования послужили официальные данные Росстата о численности постоянного населения России и компонентах его изменения, дифференцированные по типу местности (городское или сельское население). Для прогнозирования рождаемости в городской и сельской местности был использован метод SARIMA [16]: прогнозные значения суммарного коэффициента рождаемости ограничивались диапазоном, наблюдавшимся в 1990–2023 гг., т.е. не выходили за пределы исторических минимумов и максимумов. Прогноз численности населения выполняли раздельно для городской и сельской частей населения методом передвижки возрастов, после чего итоговые результаты корректировали в соответствии со сценариями изменения доли городского и сельского населения. Миграционный прирост на всем прогнозном интервале условно принят равным нулю, чтобы сосредоточиться на динамике естественного движения населения.

⁶ Spectrum // Avenir Health: official site. 2025. URL: <https://avenirhealth.org/software-spectrum.php> (дата обращения: 28.04.2025).

Результаты исследования

Статистические данные свидетельствуют, что уровень рождаемости в сельской местности устойчиво превышает городской. За весь период новейшей истории России СКР на уровне простого воспроизводства населения ($> 2,1$) фиксировался только среди сельского населения (рис. 1) — в городах же СКР ни разу не достигал 2,1.

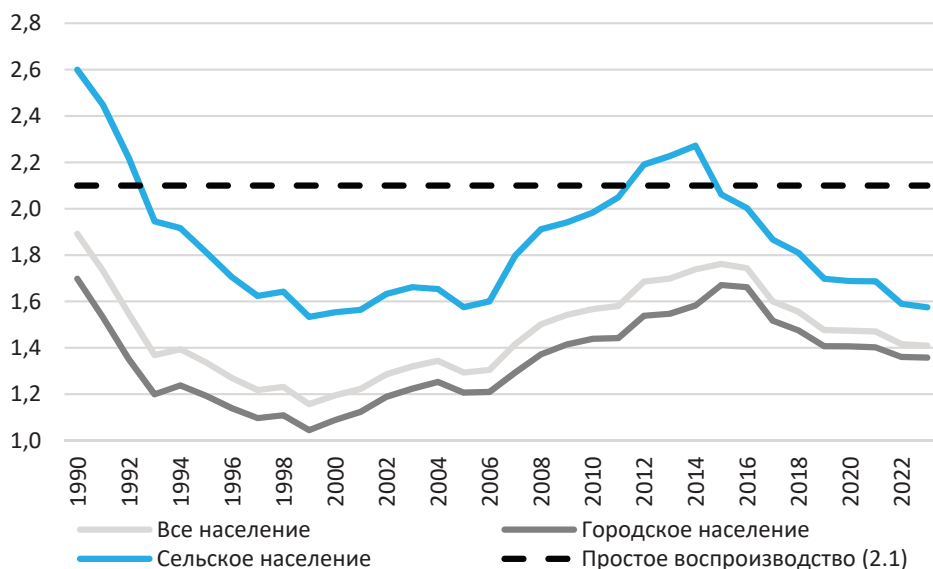

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в России в зависимости от типа населения, 1990–2023 гг.

Источник: выполнено А.М. Ситковским по данным Росстата⁷ с помощью MS Excel.

Как правило, рост доли городского населения сопровождается снижением рождаемости (уменьшением величины СКР). Авторы Стратегии рассматривают укрупнение городов как объективно необратимый процесс. Однако государственная политика в принципе может быть направлена на смягчение подобных тенденций ради достижения стабильного развития. Можно констатировать, что стимулирование роста крупных городов фактически ведет к ускорению депопуляции.

Встает вопрос: как изменение доли городского и сельского населения повлияет на общую численность жителей в долгосрочной перспективе. Ответ можно получить с помощью сценарного прогноза численности населения России до 2100 г., выполненного по описанной методике. На рис. 2 приведена прогнозная динамика суммарного коэффициента рождаемости на период 2024–2100 гг., полученная методом SARIMA (значения ограничены диапазоном 1990–2023 гг.).

⁷ Суммарный коэффициент рождаемости // ЕМИСС. 2024. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 28.04.2025).

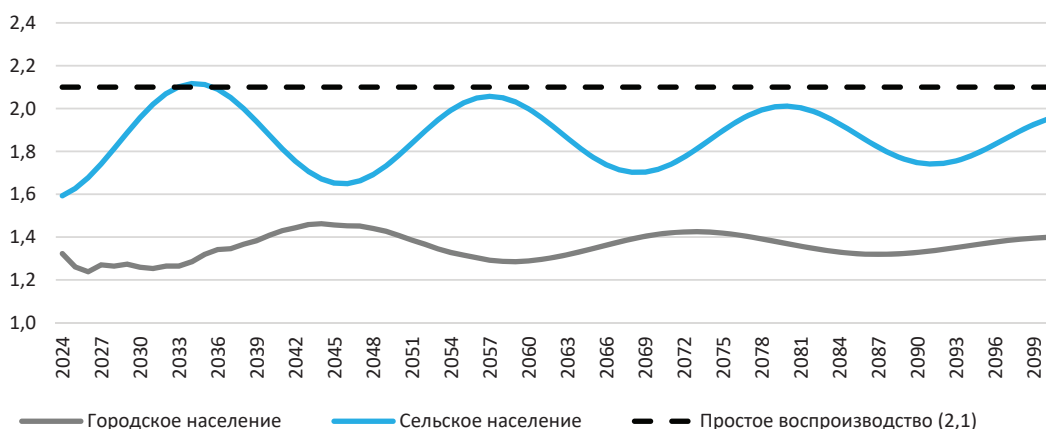

Рис. 2. Прогноз суммарного коэффициента рождаемости методом SARIMA, 2024–2100 гг.

Источник: выполнено А.М. Ситковским с помощью MS Excel по данным, рассчитанным автором с помощью Python по описанной в статье методике.

Анализ данных за 1990–2023 гг. показывает, что доля городского населения в России увеличивалась почти линейно (рис. 3), что свидетельствует о продолжающемся процессе урбанизации, частично стимулированном государственной политикой. В связи с этим в прогнозе были рассмотрены три сценария изменения доли городского/сельского населения:

- *сценарий «урбанизации»* — сохранение текущей тенденции роста доли городских жителей теми же темпами, что и в 1990–2023 гг.;
- *сценарий «фиксации»* — доля городского (74,9 %) и сельского (25,1 %) населения остается постоянной на всем прогнозном интервале (на уровне 2023 г.);
- *сценарий «дезурбанизации»* — доля сельского населения увеличивается (а доля городского сокращается) теми же темпами, с какими шел процесс урбанизации в последние десятилетия.

Сценарный прогноз общей численности населения рассчитывался отдельно для городского и сельского населения по половозрастным группам с последующей корректировкой согласно сценарным траекториям долевого соотношения между ними. Миграционный приток условно принят равным нулю на всем периоде прогноза, чтобы сосредоточиться на внутренней динамике имеющегося населения.

Согласно расчетам, при отсутствии миграционного прироста (рис. 4) во всех трех сценариях ожидается значительное сокращение населения России к концу XXI в. По прогнозу, к 2100 г. численность населения уменьшится примерно до 75,7 млн чел. в сценарии «урбанизации», до 77,9 млн чел. — в сценарии «фиксации» и до 79,9 млн чел. — в сценарии «дезурбанизации» (для сравнения: около 146,5 млн чел. в 2023 г.). Даже максимальное замедление урбанизации (сценарий дезурбанизации) не в состоянии предотвратить депопуляцию, а лишь немного сокращает ее масштабы по сравнению со сценарием дальнейшей урбанизации.

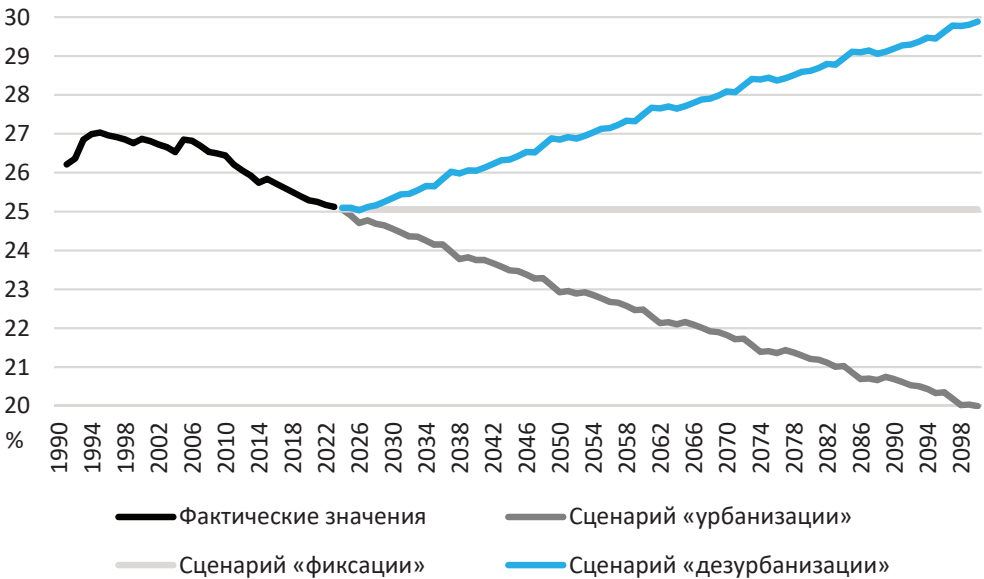

Рис. 3. Доля сельского населения России: фактические значения, 1990–2023 гг. и сценарные прогнозные значения, 2024–2100 гг., %

Источник: выполнено Ситковским А.М. с помощью MS Excel по фактическим данным Росстата в 1990–2023 гг.⁸ и по рассчитанным автором данным методом экстраполяции в 2024–2100 гг.

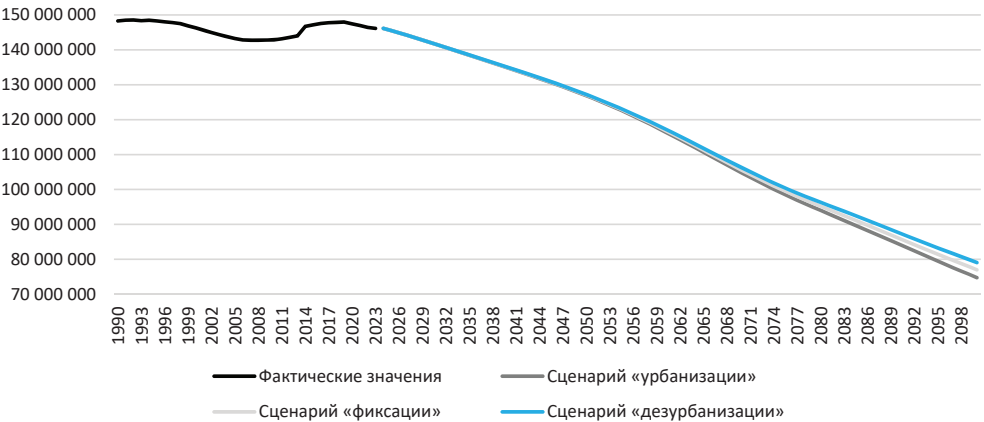

Рис. 4. Численность населения России: фактические значения 1990–2023 гг. и сценарные прогнозные значения без учета миграции 2024–2100 гг., чел

Источник: выполнено Ситковским А.М. с помощью MS Excel по фактическим данным Росстата в 1990–2023 гг.⁹ и по рассчитанным автором значениям в 2024–2100 гг. методом передвижки возрастов с помощью модуля DemProj программного продукта Avenir Health Spectrum.

⁸ Численность постоянного населения на 1 января // Витрина статистических данных : Росстат. 2024. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278928/> (дата обращения: 28.04.2025).

⁹ Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января // Витрина статистических данных: Росстат. 2024. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278938/> (дата обращения: 28.04.2025); Численность постоянного населения — мужчин по возрасту на 1 января // Витрина статистических данных: Росстат. 2024. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278936/> (дата обращения: 28.04.2025).

Заключение

Таким образом, при сохраняющемся низком уровне рождаемости ($СКР < 2,1$) и без учета миграции численность населения России будет неуклонно снижаться при любом варианте распределения населения между городом и селом. Выбор того или иного сценария урбанизации фактически сводится к выбору «меньшего из зол». По модели, к 2100 г. разница между самым «городским» и самым «сельским» сценариями составляет порядка 5 млн чел., при общем сокращении населения почти на 70 млн чел. за период 2024–2100 гг. Следует подчеркнуть, что данный прогноз исходит из продолжения текущих демографических тенденций и не учитывает потенциального роста рождаемости в будущем.

Полученные результаты позволяют заключить, что реализация политики дезурбанизации сама по себе не решит проблему депопуляции, тогда как продолжение политики, нацеленной на укрупнение агломераций, будет лишь усиливать демографический кризис. Для стабилизации численности населения требуются существенное повышение рождаемости и привлечение миграции; при этом оптимизация пространственного распределения населения способна лишь частично замедлить темпы сокращения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьева Е.М. Методика SMART // Экономические исследования. 2023. № 1. С. 34–37. EDN: RGRHUA
2. Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. М. : Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 1999. С. 83–94. EDN: VTOSJN
3. Бондаренко Л.В., Архангельский В.Н. Демографическая ситуация на сельских территориях: оценка и перспективы // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2023. № 10 (104). С. 164–176. <https://doi.org/10.33938/2310-164> EDN: UBFNTS
4. Безвербный В.А., Максимов А.Н. Тенденции депопуляции сельских территорий Российской Федерации по данным Всероссийской переписи населения 2020 // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 4. С. 150–161. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.12> EDN: DDNZQM
5. Вишневский А.Г., Кваша Е.А., Харькова Т.Л., Щербакова Е.М. Российское село в демографическом измерении // Мир России. Социология. Этнология. 2007. Т. 16. № 1. С. 17–58. EDN: HYVXEZ
6. Ионцев В.А., Брага Е.А. Особенности демографических процессов сельского населения в регионе России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2011. № 5. С. 73–81. EDN: ONSYUP
7. Медков В.М. Демография. М. : Инфра-М, 2007. 683 с. EDN: SDPXWX
8. Пациорковский В.В., Пациорковская В.В. Российское село: факторы демографического развития // Россия и современный мир. 2010. № 3(68). С. 59–71. EDN: MWEDFD
9. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: идеалы и реальность // География мирового развития : сборник научных трудов. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2010. С. 228–239. EDN: ZCUNJF
10. Рыбаковский Л.Л. Результативность как основной показатель оценки состояния и тенденций рождаемости // Социологические исследования. 2016. № 4 (384). С. 23–30. EDN: VZSLIL

11. Лаппо Г.М., Лухманов Д.Н., Нефедова Т.Г., Полян П.М., Попов Р.А., Сафронов С.Г. и др. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М. : ОГИ, 2001. 558 с. EDN: TZWHWT
12. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Васенин В.А., Борисов В.А., Роганов В.А. Агент-ориентированные модели: мировой опыт и технические возможности реализации на суперкомпьютерах // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 3. С. 252. <https://doi.org/10.18254/978-5-604-5843-7-8> EDN: TNPHBF
13. Whelpton P.K. Population of the United States, 1925 to 1975 // The American Journal of Sociology. 1928. Vol. 34. № 2. P. 253–270. <https://doi.org/10.1086/214667>
14. Назаров А.А., Носова М.Г. Метод передвижки возрастных групп в демографии и его приложения // Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. 2009. № 3 (8). С. 67–74. EDN: MNHJOT
15. Stover D., Kirmeyer S. DemProj manual: A computer program for making population projections. The Futures Group International, 2007. 106 p.
16. Shimizu S., Shin S. Applicability of SARIMA model in Tokyo population migration forecast // Proceedings of the 14th International Conference on Human System Interaction (HSI). Gdańsk, 2021. P. 1–4. <https://doi.org/10.1109/HSI52170.2021.9538690>

Информация об авторе:

Ситковский Арсений Михайлович — младший научный сотрудник отдела геоурбанистики и пространственной демографии, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия, 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1 (ORCID: 0000-0002-8725-6580) (SPIN-код: 9559-1803) (e-mail: omnistat@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-3-386-403

EDN: BJZWQV

Research article / Научная статья

Gender equality in Jordan: a quantitative analysis of Jordanians' attitudes

Heyam Alhameedyeen

Kennesaw State University, Kennesaw, USA

 heyam.alhameedyeen@gmail.com

Abstract. Achieving gender equality and empowering all women and girls is the fifth goal of the United Nations 2030 Sustainable Development Goals (SDGs). According to UN Women, gender inequality index in Jordan is 47.1%¹, which means that Jordan is still only at less than halfway towards achieving full gender equality. Despite the domestic and international investment to promote gender equality in Jordan and empower women, there are still gender gaps in all spheres at all levels according to the department of general statistics. Such indicators may indicate that Jordanian citizens have reservations about achieving gender equality. The objective of this quantitative research is to: explore Jordanians' attitudes towards gender equality in Jordan, investigate the role of religion, education, and gender in shaping these attitudes. This study assumes that some factors, such as gender, religion, and level of education affect Jordanians' perceptions of gender equality in Jordan. The study utilized the 2021–2022 Arab Barometer dataset based on a poll of public opinion on several topics, including norms and gender-recognized orientations. The study found that Jordanian males were less supportive of gender equality than the females, and that education had a positive role in increasing gender equality attitudes. On the other hand, the results of this quantitative study showed that religiosity had no significant effect on people's attitudes toward gender equality. Based on the findings of this study, it is recommended that efforts to promote gender equality in Jordan focus on increasing education and awareness.

Keywords: social equity, women's rights, equal opportunities, civic perceptions, public opinion, research methodology, faith-based norms, educational access, female empowerment, Middle Eastern context

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 06.04.2025. The article was accepted on 29.05.2025.

For citation:

Alhameedyeen H. Gender equality in Jordan: a quantitative analysis of Jordanians' attitudes. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(3):386–403. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-386-403>

¹ Country Snapshot. UN Women Data Hub. URL: <https://data.unwomen.org/arab-states/country/jordan> (accessed: 16.03.2025).

Гендерное равенство в Иордании: количественный анализ общественного мнения

Х. Аль-Хамидийн

Университет Кеннесоу Стэйт, *Кеннесоу, США*

 heyam.alhameedyeen@gmail.com

Аннотация. Достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин и девочек является пятой Целью устойчивого развития Организации Объединенных Наций на 2030 г. (ЦУР 5). Согласно данным UN Women, индекс гендерного неравенства в Иордании составляет 47,1 %², что указывает на то, что страна пока еще не достигла даже половины пути к полному гендерному равенству. Несмотря на внутренние и международные усилия по продвижению гендерного равенства в Иордании и увеличению роли женщин, согласно данным Департамента общей статистики разрывы между полами остаются во всех сферах и на всех уровнях. Эти показатели могут свидетельствовать о том, что граждане Иордании испытывают определенные сомнения или сопротивление идеям гендерного равенства. Цель данного количественного исследования заключается в следующем: изучить отношение граждан Иордании к вопросам гендерного равенства в стране; выявить роль таких факторов, как религия, образование и пол, в формировании этих установок. Предполагается, что такие факторы, как пол, религиозность и уровень образования, влияют на восприятие жителями Иордании проблемы гендерного равенства. В исследовании использованы данные Arab Barometer за 2021–2022 гг., в т.ч. общественные опросы по различным темам, включая нормы и гендерные ориентации. Исследование показало, что мужчины в Иордании менее склонны поддерживать принципы гендерного равенства по сравнению с женщинами, а также что уровень образования положительно коррелирует с более высоким уровнем принятия гендерного равенства. В то же время результаты исследования показали, что религиозность не оказывает значительного влияния на отношение населения к гендерному равенству. На основании полученных данных выработан рекомендация сосредоточить усилия по продвижению гендерного равенства в Иордании на повышении уровня образования и информированности населения.

Ключевые слова: социальное равенство, права женщин, равные возможности, общественные восприятия, общественное мнение, методология исследования, нормы, основанные на вере, доступ к образованию, расширение прав и возможностей женщин, Ближний Восток

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 06.04.2025; принята к публикации 29.05.2025.

Для цитирования:

Alhameedyeen H. Gender equality in Jordan: a quantitative analysis of Jordanians' attitudes // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 3. С. 386–403. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-386-403>

Introduction

Modernization efforts in Jordan have led to radical changes to the cultural and gender perceptions of Jordanian society. Women's participation has increased at almost all levels in Jordan, and many of the obstacles that previously prevailed to women's empowerment have disappeared. However, USAID's 2013–2017

² Country Snapshot. UN Women Data Hub. URL: <https://data.unwomen.org/arab-states/country/jordan> (accessed: 16.03.2025).

Country Development Cooperation Strategy asserts that “traditional attitudes and inequities continue to limit women’s participation in civil society, political life, and the economy. Women are underrepresented in leadership positions, including in the Cabinet, CSOs, professional unions, and political parties. On a more fundamental level, despite constitutional rights and recent policy and legal reforms, in practice, women lack stature as citizens and most interact with the state through male relatives”³. In addition, the Jordanian nationality law still discriminates based on gender, depriving the Jordanian woman married to a non-Jordanian of her right to pass on her citizenship to her husband and children [1].

Purpose of the Study

This study aims to explore Jordanians’ attitudes towards gender equality and investigate the underlying factors, such as religion, education, and gender that shape these attitudes. The significance of this research lies in its potential to offer valuable insights into the complex socio-cultural dynamics that influence gender perceptions in Jordan, a country where gender equality remains a contentious issue. First, by examining how religion impacts attitudes toward gender equality, the study will contribute to a deeper understanding of the intersection between faith and social norms in a Middle Eastern context. Religion plays a pivotal role in shaping the values and behaviors of individuals in Jordan, and this study will provide crucial insights into whether religious beliefs promote, hinder, or have no impact on progress toward gender equality in the country. Second, the role of education in shaping gender attitudes cannot be underestimated. By investigating how education levels and access to gender-related content influence individuals’ perspectives on gender equality, this study will shed light on the importance of educational reform in advancing societal change. The findings could inform policies aimed at enhancing gender-sensitive curricula and fostering a more inclusive educational environment. Finally, the gender of the participants themselves plays an integral role in how individuals perceive gender equality. By examining both male and female perspectives on gender roles, the research will highlight the nuanced differences in attitudes between genders. Overall, this study will be significant in providing evidence-based data that can guide policymakers, educators, and civil society organizations in their efforts to promote gender equality in Jordan. Moreover, it will contribute to the broader academic discourse on gender, religion, and education in the Arab world, offering comparative insights that could be applicable to other countries in the region.

This quantitative study aims to answer the following questions:

1. What are Jordanians’ attitudes towards gender equality?
2. How do gender, religion, and education affect Jordanians’ attitudes towards gender equality?

³ *Jordan Country Development Cooperation Strategy 2013–2017*. Amman: USAID Jordan; 2012.

This study is grounded in feminism, a major theory of critical peace studies. Feminist research studies are based on critical theory and thus they are emancipatory. “Critical theory is committed to understanding the world in order to try to change it” [2]. Sarantakos states that “feminist research studies the social conditions of women in a sexist, ‘malestream’ and patriarchal society [3], and enlightens people about taken-for-granted sexist practices and the gender-blindness of government and community practices (including publications) that displaced, ignored and silenced women, led to an unequal and discriminating social order and held them captive for millennia”. Feminists believe that “gender analysis” must be included to be able to fully understand “the differential impact of the state system on the lives of women and men” [2]. They argue “women’s equality can be achieved by removing legal and other obstacles that have denied them the same rights and opportunities as men” [2].

Literature Review

Research on attitudes towards gender equality reveals complex and varied perspectives across different populations. Studies have found that women generally hold more favorable attitudes towards gender equality compared to men [4; 5]. A study has explored determinants of attitudes toward gender inequality in China, finding that education is the most crucial factor, with higher education being positively correlated with more egalitarian attitudes, and that traditional patrilineal values conflict with attitudes toward gender equality [6]. Another study examines the relationship between the level of democracy in a society and the egalitarian gender attitudes of its citizens, finding that more democratic countries have more egalitarian gender attitudes in various domains [7].

Shteivi’s study has examined sociodemographic cohorts encompassing sex, age, education, work status, urban/rural residency, and level of support for democracy and their relation to attitudes towards gender roles in Jordan [8]. His findings showed that attitudes of female respondents exhibited more support for women’s participation in the public and economic spheres than males. However, his study showed that there is a negative relationship between education and attitudes towards gender roles, and that “urban resident respondents exhibited more egalitarian views towards gender equality in comparison with rural resident respondents and those who hold attitudes supportive of democracy were found to be more supportive of gender equality” [8].

Ponarin and Kostenko used the 2008 “Arab Barometer” data set to test the hypothesis that age has a positive relationship on holding more traditional attitudes towards gender equality [9]. They hypothesized that older respondents would tend to hold more traditional attitudes, while younger cohorts will express more egalitarian attitudes. They also examined the relationship between Islam and gender role perceptions in the Middle East. Their findings were the opposite regarding age. They found that older participants were less conservative than the youth despite their lower education. Moreover, they found that “less religious people demonstrate

a strong tendency to support equality and gender equality in particular. Moreover, females are more egalitarian in their set of values than males” [9].

Brajdic-Vukovic, Birkelund, and Stulhofer have analyzed gender attitudes in Croatia [10]. They have investigated how variables such as education, gender, religion and age affect the respondents’ attitudes towards women’s employment. They found that “In general, respondent’s gender, education, and age, together with attendance at religious services, type of residence at age fourteen, and mother’s employment were found to be important predictors of gender role attitudes. As was assumed, men, older, and less educated respondents are less likely to hold nontraditional (or more egalitarian) views on gender roles. Religious beliefs remain an important predictor of traditionalism. Religion plays a significant role in Croatian society, particularly, it seems, in the context of gender and sexuality” [10]. The study “Attitudes towards gender equality and perception of democracy in the Arab world” by Kostenko, Kuzmichev and Ponarin have used the first wave of the Arab Barometer project and analyzed the relationship between support of democracy and attitudes that support gender equality [11]. They have found that: “correlation between support of democracy and gender equality is very low in the Arab countries ... Yet, controlling for age, education does have a positive effect on gender equality attitudes” [11].

After reviewing the previous literature, it was found that there is a severe scarcity of research that seeks to understand the factors influencing the formation of Jordanians’ attitudes towards gender equality. Therefore, my paper supports previous research and reveals the role of factors such as participants’ gender, education, and level of religiosity in shaping such attitudes.

Materials and Methods of Research

The study is based on the descriptive correlational approach. It aimed to explore Jordanians’ attitudes towards gender equality in Jordan. In addition, it correlated the role of religion, education, and gender in shaping these attitudes. Quantitatively, the study analyzed the 2021–2022 Arab Barometer survey dataset⁴.

Hypotheses

Hypothesis 1: Jordanian females support gender equality more than Jordanian males.

Hypothesis 2: There is a positive relationship between educational level and the attitudes that support gender equality. The higher the participant’s educational level, the more supportive his/her attitudes toward gender equality are.

Hypothesis 3: There is an inverse relationship between religiosity and the attitudes that support gender equality. The more religious a person is, the less he/she supports gender equality.

⁴ Arab Barometer. *Arab Barometer Wave VII, 2021–2022*. Princeton, NJ: Arab Barometer; 2021–2022. URL: <http://www.erfdportal.com/index.php/catalog/297> (accessed: 16.03.2025).

Respondents

The survey included 2,399 interviews with randomly selected citizens from different governorates in Jordan. The survey was conducted between February 13 and April 4, 2022, using the multi-stage pooled sampling method. The margin of error in reporting the results is 2 percentage points. The surveys mentioned are part of the seventh wave of the Arab Barometer, the largest publicly available survey of citizen opinions across the Middle East and North Africa since the spread of the Corona pandemic.

Data Sources

The author has used the Arab Barometer Wave VII Questionnaire as the main data source⁵. The seventh wave of the Arab Barometer is the most extensive publicly available survey of Jordanian citizens' views and attitudes on a broad array of topics. These include, but are not limited to, the COVID-19 pandemic, the economy, trust in government and its performance, gender norms and the status of women, identity and discrimination, the environment, and international relations. The survey was conducted through 45-minute, tablet-based interviews, carried out in person with randomly selected individuals to ensure a fair representation of their communities. Most of the questions were multiple choice, with some allowing respondents to provide more detailed answers in follow-up questions. The study will analyze the 2021–2022 Arab Barometer survey dataset to explore Jordanians' attitudes towards gender equality in Jordan and examine the relationship of several independent factors, namely gender, religiosity, and education, to the dependent variable gender-equality's attitudes among Jordanians.

Data analysis

This study will examine the relationship of several factors to gender-equality's attitudes among Jordanians in the years 2021–2022.

- First, I have filtered the cases from Jordan only, using “If condition is satisfied”, COUNTRY=8.
- Second, I have set the “don't know” & “refused” answers as missing values for all the variables.
- The outcome –dependent, effect– variables in the study are the attitudes towards gender equality, an ordinal variable (strongly agree, agree, disagree, strongly disagree) measured according to the sample's answers to opinion questions [Q601_3, Q601_4, Q601_20A, Q601_18].
- I have recoded these ordinal variables into dummy variables:
 - a. Q601_3: “In general, men are better at political leadership than women” was recoded as (**political**: agree=0, disagree=1).

⁵ Arab Barometer. *Arab Barometer Wave VII, 2021–2022*. Princeton, NJ: Arab Barometer; 2021–2022. URL: <http://www.erfdataportal.com/index.php/catalog/297> (accessed: 16.03.2025).

- b. Q601_4: “University education for males is more important than university education for females” was recoded as (**equaledu**: agree=0, disagree=1).
- c. Q601_20A: “A woman who marries a foreigner should be able to pass on her citizenship to her children” was recoded as (**citizenship**: agree=0, disagree=1).
- d. Q601_18: “A man should have final say in all decisions concerning the family” was recoded as (**famdecisions**: agree=0, disagree=1).
- I have three predictors –independent, cause–variables: Q1002 (binary: Male=1, Female=2), Q609 (ordinal: Religious, Somewhat religious, Not religious) and Q1003 (ordinal: No formal education, Elementary, Preparatory/Basic, Secondary, Mid-level diploma/professional or technical, BA, MA and above).
 - a. I have recoded Q1002 variable into the dummy variable “female”: (male=0, female=1).
 - b. I have recoded Q1003 variable into the ordinal variable “education”: (No formal education=0, Elementary=1, Preparatory/Basic=2, Secondary=3, Mid-level diploma/professional or technical=4, BA=5, MA and above=6).
 - c. I have recoded Q609 variable into the dummy variable “**religiosity**”: (Religious=0, non-religious=1).

Results

- a. Fig. 1. shows respondents’ opinions about four agree/disagree statements related to gender equality. The mean in table 1 indicates whether they are more likely to disagree (closer to .00) or more likely to agree (closer to 1). The majority of Jordanians in the sample (about 52%) agree that a man should have final say in all decisions concerning the family, compared to 48% who do not (figure 2).

Statistics					
		Men are better at political leadership than women	University education for males is more important than university education for females	A woman who marries a foreigner should be able to pass on her citizenship to her children	A man should have final say in all decisions concerning the family
N	Valid	2370	2369	1226	1241
	Missing	29	30	1173	1158
Mean		.3384	.8569	.2390	.4803
Std. Error of Mean		.00972	.00720	.01218	.01419

Fig. 1. Descriptive statistics of Jordanians’ attitudes towards gender equality

Source: made by H. Alhameedyeen, 2024, according to Arab Barometer Wave VII data⁶ using SPSS.

⁶ Arab Barometer. *Arab Barometer Wave VII, 2021–2022*. Princeton, NJ: Arab Barometer; 2021–2022. URL: <http://www.erfdataportal.com/index.php/catalog/297> (accessed: 16.03.2025).

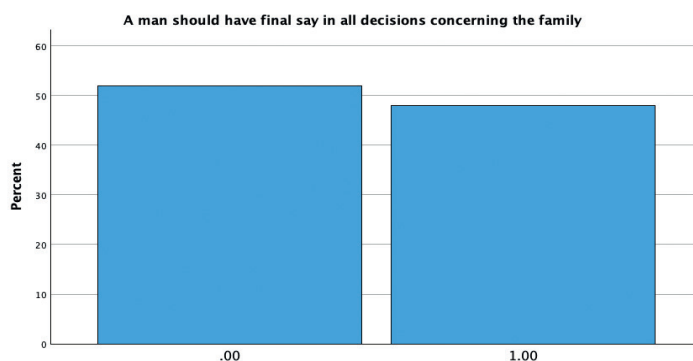

Fig. 2. Jordanians' attitudes concerning family decisions: 0: agree, 1: disagree

Source: made by H. Alhameedyeen, 2024, according to Arab Barometer Wave VII data⁷ using SPSS.

With a 95% confidence interval, the study found that between 45 to 51% of Jordanians disagree to the statement which states that a man should have final say in all decisions concerning the family.

- b. Most Jordanians in the sample (about 76%) agree that a woman who marries a foreigner should be able to pass on her citizenship to her children, compared to only 24% who do not (figure 3).

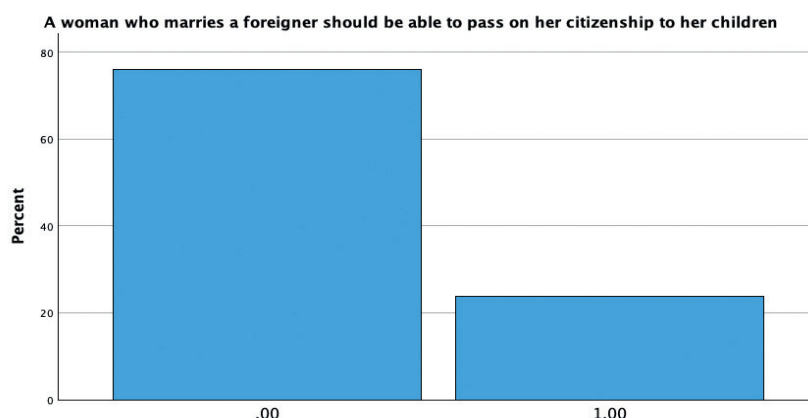

Fig. 3. Jordanians' attitudes concerning citizenship: 0: agree, 1: disagree

Source: made by H. Alhameedyeen, 2024, according to Arab Barometer Wave VII data⁸ using SPSS.

With a 95% confidence interval, the study found that only between 21 to 26% of Jordanians disagree to the statement, which states that a woman who marries a foreigner should be able to pass on her citizenship to her children.

- c. The majority of Jordanians in the sample (about 66%) believe that men are better at political leadership than women compared to only 34% who do not believe so (figure 4).

⁷ Arab Barometer. *Arab Barometer Wave VII, 2021–2022*. Princeton, NJ: Arab Barometer; 2021–2022. URL: <http://www.erfdataportal.com/index.php/catalog/297> (accessed: 16.03.2025).

⁸ Ibid.

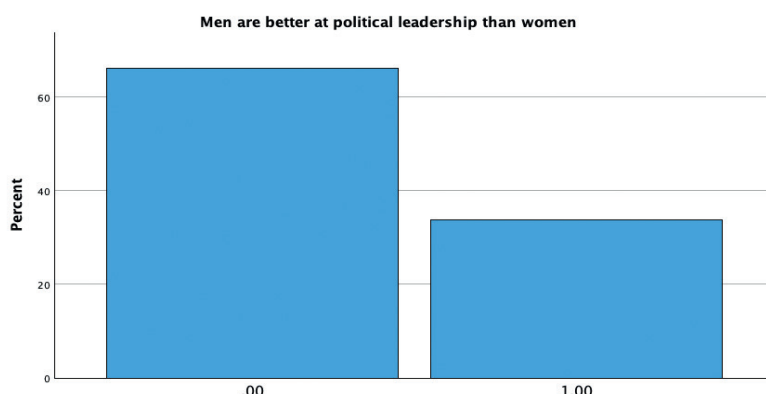

Fig. 4. Jordanians' attitudes concerning political leadership: 0: agree, 1: disagree

Source: made by H. Alhameedyeen, 2024, according to Arab Barometer Wave VII data⁹ using SPSS.

With a 95% confidence interval, the study found that only between 32 and 36% of Jordanians do not agree that men are better at political leadership than women.

- d. Most Jordanians in the sample (about 86%) disagree to the statement that states that university education for males is more important than university education for females, compared to only 14% who agree to this statement (figure 5).

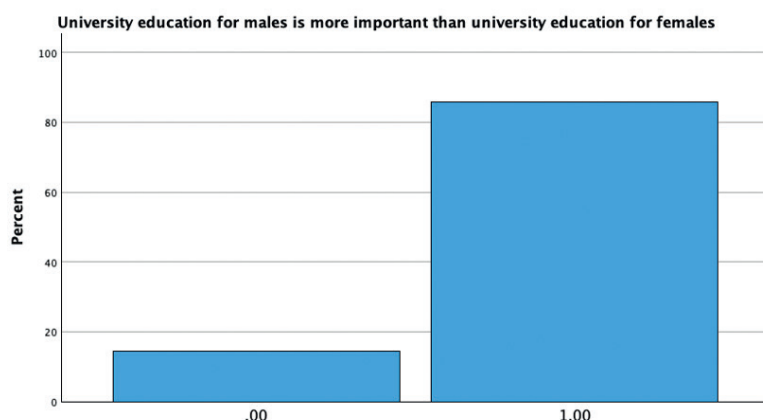

Fig. 5. Jordanians' attitudes concerning university education for males and females: 0: agree, 1: disagree

Source: made by H. Alhameedyeen, 2024, according to Arab Barometer Wave VII data¹⁰ using SPSS.

With a 95% confidence interval, the study found that between 84 to 87% of Jordanians disagree to the statement that states that “university education for males is more important than university education for females”.

The results indicate that Jordanians generally support the attitudes that call for giving equal education and equal right to women to pass on their Jordanian

⁹ Arab Barometer. *Arab Barometer Wave VII, 2021–2022*. Princeton, NJ: Arab Barometer; 2021–2022. URL: <http://www.erfdataportal.com/index.php/catalog/297> (accessed: 16.03.2025).

¹⁰ Ibid.

nationality to her children and non-Jordanian spouses. However, the results also indicate that Jordanian attitudes do not support women’s political empowerment. We cannot determine whether most Jordanians support gender equality in terms of family decisions or not since between 45 to 51% of Jordanians disagree that a man should have final say in all decisions concerning the family.

1. The Role of Gender

Regressions of dependent dummy variables were run: (political leadership, education, citizenship, family decisions) and the independent dummy variable: (female).

- a. The regression coefficient indicates that females tend to agree less to the statement “Men are better at political leadership than women” than males in the sample (Figure 6). The relationship between gender and holding attitudes that support women’s political empowerment is statistically significant ($t=6.520$). Therefore, females support women’s political empowerment more than males in the population.

Coefficients ^a							
Model	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.	95.0% Confidence Interval for B	
	B	Std. Error	Beta			Lower Bound	Upper Bound
1	(Constant)	.277	.014	20.491	<.001	.250	.303
	Female	.126	.019	.133	6.520	<.001	.088 .163

a. Dependent Variable: Men are better at political leadership than women

Fig. 6. Correlation between female and political leadership

Source: made by H. Alhameedyeen, 2024, according to Arab Barometer Wave VII data¹¹ using SPSS.

- b. The regression coefficient indicates that females in the sample tend to disagree more to the statement that states that university education for males is more important than university education for females (Figure 7). The relationship between gender and holding attitudes that support women’s education is statistically significant ($t = 6.458$). Therefore, females support women’s education more than males in the population.

Coefficients ^a							
Model	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.	95.0% Confidence Interval for B	
	B	Std. Error	Beta			Lower Bound	Upper Bound
1	(Constant)	.812	.010	81.128	<.001	.792	.831
	Female	.092	.014	.132	6.458	<.001	.064 .120

a. Dependent Variable: University education for males is more important than university education for females

Fig. 7. Correlation between female and university education

Source: made by H. Alhameedyeen, 2024, according to Arab Barometer Wave VII data¹² using SPSS.

- c. The regression coefficient indicates that females in the sample tend to agree more to the statement that states that “a woman who marries a foreigner

¹¹ Arab Barometer. *Arab Barometer Wave VII, 2021–2022*. Princeton, NJ: Arab Barometer; 2021–2022. URL: <http://www.erfdataportal.com/index.php/catalog/297> (accessed: 16.03.2025).

¹² Ibid.

should be able to pass on her citizenship to her children” than males (Figure 8). The relationship between gender and holding attitudes that support women’s right to pass on their citizenship is statistically significant ($t=-3.804$). Therefore, females support women’s right to pass on their citizenship to their children more than males in the population.

Coefficients ^a							
Model	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.	95.0% Confidence Interval for B	
	B	Std. Error	Beta			Lower Bound	Upper Bound
1	(Constant)	.285	.017	16.644	<.001	.251	.319
	Female	-.092	.024	-.108	<.001	-.140	-.045

a. Dependent Variable: A woman who marries a foreigner should be able to pass on her citizenship to her children

Fig. 8. Correlation between female and citizenship

Source: made by H. Alhameedyeen, 2024, according to Arab Barometer Wave VII data¹³ using SPSS.

The regression coefficient indicates that females in the sample tend to agree less to the statement that states that “a man should have final say in all decisions concerning the family” than males in the sample (Figure 9). The relationship between sex and holding attitudes that support women’s right to make decisions in the family is statistically significant ($t=8.002$). Therefore, females support women’s right to make decisions in the family more than males in the population.

Coefficients ^a							
Model	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.	95.0% Confidence Interval for B	
	B	Std. Error	Beta			Lower Bound	Upper Bound
1	(Constant)	.370	.020	18.914	<.001	.331	.408
	Female	.222	.028	.222	8.002	.167	.276

a. Dependent Variable: A man should have final say in all decisions concerning the family

Fig. 9. Correlation between female and family decisions

Source: made by H. Alhameedyeen, 2024, according to Arab Barometer Wave VII data¹⁴ using SPSS.

Expectedly, data results confirmed Hypothesis 1 in showing a significant relationship between gender and supporting gender equality. Indeed, Jordanian female respondents supported gender equality more than Jordanian males.

2. The Role of Education

Regressions of dependent dummy variables were run: (political leadership, education, citizenship, family decisions) and the independent ordinal variable: (education).

- a. The Y-intercept indicates that participants with no education tend to agree that men are better at political leadership than women. The regression coefficient indicates that as education level increases by one, participants

¹³ Arab Barometer. *Arab Barometer Wave VII, 2021–2022*. Princeton, NJ: Arab Barometer; 2021–2022. URL: <http://www.erfdataportal.com/index.php/catalog/297> (accessed: 16.03.2025).

¹⁴ Ibid.

tend to agree a little bit more to the previous statement (Figure 10). However, there may be no relationship between education and attitudes that support women’s political empowerment in the population ($t=-.103$).

Coefficients ^a								
Model		Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.	95.0% Confidence Interval for B	
		B	Std. Error	Beta			Lower Bound	Upper Bound
1	(Constant)	.342	.032		10.574	<.001	.278	.405
	Q1003. What is your highest level of education?	-.001	.007	-.002	-.103	.918	-.015	.014

a. Dependent Variable: Men are better at political leadership than women

Fig. 10. Correlation between education and political leadership

Source: made by H. Alhameedyeen, 2024, according to Arab Barometer Wave VII data¹⁵ using SPSS.

- b. The Y-intercept indicates that participants with no education tend to disagree that university education for males is more important than university education for females. The regression coefficient indicates that as education level increases by one, participants tend to disagree a little bit more to the previous statement (Figure 11). The relationship between education and supporting women’s education is statistically significant ($t=2.676$). Therefore, there is a positive relationship between education and supporting women’s education in the population. We are 95% confident that as education level increases by one level, participants will tend to disagree between .004 to .025 more to the previous statement.

Coefficients ^a								
Model		Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.	95.0% Confidence Interval for B	
		B	Std. Error	Beta			Lower Bound	Upper Bound
1	(Constant)	.796	.024		33.288	<.001	.749	.843
	Q1003. What is your highest level of education?	.015	.005	.055	2.676	.008	.004	.025

a. Dependent Variable: University education for males is more important than university education for females

Fig. 11. Correlation between education and university education

Source: made by H. Alhameedyeen, 2024, according to Arab Barometer Wave VII data¹⁶ using SPSS.

- c. The Y-intercept indicates that participants with no education tend to agree that a woman who marries a foreigner should be able to pass on her citizenship to her children. The regression coefficient indicates that as education level increases by one, participants tend to agree a little bit more to the previous statement (Figure 12). However, there

¹⁵ Arab Barometer. *Arab Barometer Wave VII, 2021–2022*. Princeton, NJ: Arab Barometer; 2021–2022. URL: <http://www.erfdataportal.com/index.php/catalog/297> (accessed: 16.03.2025).

¹⁶ Ibid.

may be no relationship between education and attitudes that support women’s right to pass on her citizenship in the population ($t=-.696$).

Coefficients ^a								
Model		Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.	95.0% Confidence Interval for B	
		B	Std. Error	Beta			Lower Bound	Upper Bound
1	(Constant)	.265	.040		6.667	<.001	.187	.343
	Q1003. What is your highest level of education?	-.006	.009	-.020	-.696	.486	-.024	.012

a. Dependent Variable: A woman who marries a foreigner should be able to pass on her citizenship to her children

Fig. 12. Correlation between education and citizenship

Source: made by H. Alhameedyeen, 2024, according to Arab Barometer Wave VII data¹⁷ using SPSS.

- d. The Y-intercept indicates that participants with no education tend to agree that a man should have final say in all decisions concerning the family. The regression coefficient indicates that as education level increases, participants tend to agree less to the previous statement (Figure 13). The relationship between education and holding attitudes that support gender equality in terms of family decisions is statistically significant ($t=3.900$). Therefore, there is a positive relationship between education and supporting gender equality in terms of equal decisions in the family in the population.

Coefficients ^a								
Model		Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.	95.0% Confidence Interval for B	
		B	Std. Error	Beta			Lower Bound	Upper Bound
1	(Constant)	.309	.046		6.708	<.001	.219	.400
	Q1003. What is your highest level of education?	.041	.011	.110	3.900	<.001	.021	.062

a. Dependent Variable: A man should have final say in all decisions concerning the family

Fig. 13. Correlation between education and family decisions

Source: made by H. Alhameedyeen, 2024, according to Arab Barometer Wave VII data¹⁸ using SPSS.

Data results confirmed Hypothesis 2 in showing a significant relationship between education and some attitudes that support gender equality. Higher educated participants expressed more support for attitudes that call for equal education and equal decisions in the family. However, there may be no relationship between education and attitudes that support women’s political empowerment and right to pass on their citizenship.

3. The Role of Religion

Regressions of dependent dummy variables were run: (political leadership, education, citizenship, family decisions) and the independent dummy variable: (Religiosity).

¹⁷ Arab Barometer. *Arab Barometer Wave VII, 2021–2022*. Princeton, NJ: Arab Barometer; 2021–2022. URL: <http://www.erfdataportal.com/index.php/catalog/297> (accessed: 16.03.2025).

¹⁸ Ibid.

- a. The Y-intercept below indicates that religious participants tend to agree that men are better at political leadership than women. The regression coefficient indicates that non-religious participants tend to agree a little bit less to the previous statement than religious participants (Figure 14). However, there may be no relationship between religiosity and attitudes that support women’s political empowerment in the population ($t = .985$).

Coefficients ^a								
Model		Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.	95.0% Confidence Interval for B	
		B	Std. Error	Beta			Lower Bound	Upper Bound
1	(Constant)	.337	.010		34.149	<.001	.318	.357
	Religiosity	.060	.060	.020	.985	.325	-.059	.178

a. Dependent Variable: Men are better at political leadership than women

Fig. 14. Correlation between religiosity and political leadership

Source: made by H. Alhameedyeen, 2024, according to Arab Barometer Wave VII data¹⁹ using SPSS.

- b. The Y-intercept indicates that religious participants tend to disagree that university education for males is more important than university education for females. The regression coefficient indicates that non-religious participants tend to disagree a little bit less to the previous statement than religious people (Figure 15). However, there may be no relationship between religiosity and attitudes that support equal education opportunity in the population ($t = -0.653$).

Coefficients ^a								
Model		Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.	95.0% Confidence Interval for B	
		B	Std. Error	Beta			Lower Bound	Upper Bound
1	(Constant)	.857	.007		117.064	<.001	.843	.872
	Religiosity	-.029	.044	-.013	-.653	.514	-.116	.058

a. Dependent Variable: University education for males is more important than university education for females

Fig. 15. Correlation between religiosity and university education

Source: made by H. Alhameedyeen, 2024, according to Arab Barometer Wave VII data²⁰ using SPSS.

- c. The Y-intercept indicates that religious participants tend to agree that a woman who marries a foreigner should be able to pass on her citizenship to her children. The regression coefficient indicates that non-religious participants tend to agree a little bit more to the previous statement than the non-religious participants (Figure 16). However, there may be no relationship between religiosity and attitudes that support giving equal right to women to pass on their citizenship to their children in the population ($t = -.157$).

¹⁹ Arab Barometer. *Arab Barometer Wave VII, 2021–2022*. Princeton, NJ: Arab Barometer; 2021–2022. URL: <http://www.erfdataportal.com/index.php/catalog/297> (accessed: 16.03.2025).

²⁰ Ibid.

Coefficients ^a							
Model		Unstandardized Coefficients B	Std. Error	Standardized Coefficients Beta	t	Sig.	95.0% Confidence Interval for B Lower Bound Upper Bound
1	(Constant)	.240	.012		19.360	<.001	.216 .264
	Religiosity	-.012	.073	-.005	-.157	.875	-.155 .132

a. Dependent Variable: A woman who marries a foreigner should be able to pass on her citizenship to her children

Fig. 16. Correlation between religiosity and citizenship

Source: made by H. Alhameedyeen, 2024, according to Arab Barometer Wave VII data²¹ using SPSS.

- d. The Y-intercept indicates that religious participants tend to agree that a man should have final say in all decisions concerning the family. The regression coefficient indicates that non-religious participants tend to agree a little bit less to the previous statement than the religious participants (Figure 17). However, there may be no relationship between religiosity and attitudes that support giving equal right to women to make decisions in the family in the population ($t=.399$).

Coefficients ^a							
Model		Unstandardized Coefficients B	Std. Error	Standardized Coefficients Beta	t	Sig.	95.0% Confidence Interval for B Lower Bound Upper Bound
1	(Constant)	.480	.014		33.285	<.001	.452 .508
	Religiosity	.034	.086	.011	.399	.690	-.134 .202

a. Dependent Variable: A man should have final say in all decisions concerning the family

Fig. 17. Correlation between religiosity and family decisions

Source: made by H. Alhameedyeen, 2024, according to Arab Barometer Wave VII data²² using SPSS.

Data results contradicted Hypothesis 3 in showing that there may be no relationship between religiosity and attitudes towards gender equality.

Discussion

The results show that Jordanians generally favor granting women equal access to university education and the right to pass on their Jordanian nationality to their children and non-Jordanian spouses. Supporting female education in Jordan can be attributed to several key factors. Women have become more aware of the importance of university education in shaping their futures. Additionally, the Hashemite leadership has consistently supported educational opportunities, enacting laws and regulations that promote equal education and tackle illiteracy. Over the previous decades, these policies and

²¹ Arab Barometer. *Arab Barometer Wave VII, 2021–2022*. Princeton, NJ: Arab Barometer; 2021–2022. URL: <http://www.erfdataportal.com/index.php/catalog/297> (accessed: 16.03.2025).

²² Ibid.

efforts have contributed to the growing awareness for the importance of female education in Jordan [12]. Jordanians' support for the right of Jordanian women to pass on their nationality to their children and non-Jordanian husbands, which is not stipulated yet in Jordanian law, reflects the Jordanians' awareness that this is a basic civil right for Jordanian women on an equal footing with Jordanian men. Many Jordanians now believe that granting women more rights, including access to university education and the right to pass on nationality, aligns with principles of justice and fairness that are valued in both Islam and the broader cultural context of the country. This awareness is attributed as well to the significant advocacy from women's rights groups and civil society organizations in Jordan. These movements have helped shift public opinion, with many Jordanians recognizing the importance of empowering women to ensure a more equitable society.

However, the findings also reveal that there is limited support for women's political empowerment. The limited support for women's political empowerment in Jordan can stem from a combination of cultural, social, and structural factors, such as traditional gender roles and limited role models. Many Jordanians hold traditional views on gender, expecting men to lead in political and public spheres while women are often assigned domestic roles. These perceptions can affect how people view the idea of women in political positions. Moreover, the absence of female role models in high political positions can affect how women's participation is perceived. Without visible examples of women successfully engaging in politics in Jordan, both men and women may be less likely to support such efforts. It remains unclear whether the majority of Jordanians support gender equality in family decision-making, as between 45 and 51% of respondents disagree with the notion that a man should have the final say in all family matters.

The findings of this study reveal that male respondents displayed less support for gender equality, a trend that aligns with the results of Shteivi [8] and Brajdic-Vukovic, Birkelund, and Stulhofer [10]. This can be attributed to the fact that progress in gender equality is sometimes seen as a threat to men's privileged position, causing some men to pull back their support for gender equality efforts [13]. However, while Shteivi's study showed a negative relationship between education and attitudes towards gender roles, this study has showed a positive relationship between education and supporting some attitudes towards gender equality, such as supporting equal education and equal decisions in the family. These results are in line with Kostenko, Kuzmichev and Ponarin's findings [11].

Finally, this study showed that there may be no relation between religiosity and attitudes towards gender equality. The results of the current study indicate that one of the most important tools for achieving gender equality in Jordan is education, as educated Jordanians showed greater support for gender equality than the uneducated. This means that education can positively change Jordanians' attitudes towards achieving gender equality.

Conclusion

This study aimed to examine Jordanians' attitudes towards gender equality and identify the factors, such as religion, education, and gender that influence these views. The findings revealed that, overall, Jordanians favor equal access for women to education and the right to pass on their nationality to their children and non-Jordanian spouses. However, the study also showed limited support for women's political empowerment. It was unclear whether most Jordanians support gender equality in family decision-making. Additionally, the study found that male respondents were less supportive of gender equality, that education positively influenced support for certain gender equality attitudes, and that religiosity did not appear to significantly affect attitudes towards gender equality.

Based on the findings of this study, it is recommended that efforts to promote gender equality in Jordan focus on increasing education and awareness. Given the positive relationship between education and support for gender equality, integrating gender-focused curricula at various educational levels and launching public awareness campaigns could be key strategies. Additionally, it is important to address the limited support for women's political empowerment by advocating for greater female participation in leadership roles through targeted initiatives and media campaigns. Engaging both men and women in discussions about shared family responsibilities and decision-making is also crucial, as mixed attitudes were observed in this area.

Future research could explore the long-term effects of educational and awareness programs on shifting attitudes toward gender equality. Furthermore, investigating the role of religiosity in shaping gender equality attitudes could provide more nuanced insights, as this study found little to no significant correlation. Future studies might also explore how socio-economic factors or regional differences within Jordan influence attitudes toward gender equality. Lastly, research focusing on the impact of policy changes, such as laws promoting women's rights, could further inform strategies for advancing gender equality in both the public and private spheres.

REFERENCES

4. Khasawneh MY, Almustraihi AW. Acquisition of nationality through the mother in Jordanian law: A critical analytical study. *Journal of Southwest Jiaotong University*. 2023;58(6). <https://doi.org/10.35741/issn.0258-2724.58.6.41>
5. Dunne T, Milja Kurki, Smith S. *Theories of international relations: Discipline and diversity*. Oxford University Press; 2006.
6. Sarantakos S. *Social Research*. 3rd ed. New York: Palgrave Mac–Millan; 2005. <https://doi.org/10.1007/978-0-230-20901-5>
7. Ramos-Galarza C, Apolo D, Peña-García S, Jadán-Guerrero J. Gender differences towards gender equality: Attitudes and perceptions of college students. *Review of European Studies*. 2018;10(1):61. <https://doi.org/10.5539/res.v10n1p61>
8. Okonkwo EA. Attitude towards gender equality in south-eastern Nigerian culture: Impact of gender and level of education. *Gender and Behaviour*. [Published online]. 2025. <https://doi.org/10.10520/EJC144846>

9. Wang Q, Chiang TsF, Xiao JJ. Attitude toward gender inequality in China. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024;11(1):353. <https://doi.org/10.1057/s41599-024-02857-1> EDN: BLLKOL
10. Zagrebina A. Attitudes towards Gender Equality. *Comparative Sociology*. 2020;19(3):305–334. <https://doi.org/10.1163/15691330-bja10008> EDN: COETEH
11. Shteivi M. Attitudes towards gender roles in Jordan. *British Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015;12(2):15–27.
12. Ponarin ED, Kostenko VV. Attitude to gender equality in the Arab East. *Humanities & Social Sciences*. 2013;12(6):1838–1846.
13. Brajdić-Vuković M, Birkelund GE, Štulhofer A. Between tradition and modernization: attitudes toward women's employment and gender roles in Croatia. *International Journal of Sociology*. 2007;37(3):32–53. <https://doi.org/10.2753/ij0020-76593703002>
14. Kostenko V, Kuzmichev P, Ponarin E. Attitudes towards gender equality and perception of democracy in the Arab world. *SSRN Electronic Journal*. 2014. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2486567>
15. Al-Saleem B, Al-Ahmad N, Al-Ali Y, Al-Dibs M. Jordanian women and education. *Journal of Social Sciences*. 2009;5(1):67–75. <https://doi.org/10.3844/jssp.2009.67.75>
16. Van Laar C, Van Rossum A, Kosakowska-Berezecka N, Bongiorno R, Block K. Mandatory — why men need (and are needed for) gender equality progress. *Front Psychol*. 2024;15. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1263313>

Information about the author:

Heyam Alhameedyeen — PhD candidate of International Conflict Management, Kennesaw State University, 1000 Chastain Road NW, Kennesaw, GA 30144, USA (ORCID: 0009-0008-8303-0673) (e-mail: heyam.alhameedyeen@gmail.com).

Информация об авторе:

Аль-Хамидийн Хейам — аспирант по специальности «Международное управление конфликтами», Университет Кеннесоу Стэйт, США, 30144, штат Джорджия, Кеннесоу, НВ, Честейн Роуд, 1000 (ORCID: 0009-0008-8303-0673) (e-mail: heyam.alhameedyeen@gmail.com).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-3-404-416

EDN: BJZDNT

Научная статья / Research article

Искусственный интеллект в системе государственного управления России и стран Европейского союза: сравнительно-правовой анализ. Часть I

Б.Д. Нуриев

Государственный университет управления, Москва, Россия

 nurievbd@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности применения искусственного интеллекта (ИИ) в сфере государственного управления в Российской Федерации и Европейском союзе. При этом акцент смещен в область правового регламентирования данного процесса. Представлен аналитический разбор ключевых нормативно-правовых актов, которые содержат основные положения использования рассматриваемого вида сквозных цифровых технологий в сфере публичного администрирования. Отмечено, что формирование нормативно-правовой базы России и стран ЕС началось примерно в одно и то же время и независимо друг от друга. При этом нормотворческий процесс в обеих правовых системах имеет как общие черты, так и существенные различия. Выявлена слабая изученность обозначенной темы как в России, так и за рубежом, несмотря на схожесть тех вызовов, которые несут с собой цифровые трансформации для национальной безопасности. Автором предложен собственный взгляд на методы исследования обозначенной проблемы. В исследовании констатируется, что наличие различий в сфере правового регламентирования применения сквозных цифровых технологий, в т.ч. ИИ, вызвано, прежде всего разницей в трактовании их сущности органами публичной власти, а также сложившимися нормотворческими традициями. Отмечена оформившаяся в странах Европы традиция уделять первостепенное внимание защите негативных свобод граждан, наложившая свой отпечаток на специфику законодательства Европейского союза. Подчеркнуто, что российский подход к нормотворчеству отличается большее внимание к проблемам безопасности государства. Предложено учитывать мировой опыт в нормотворческом процессе, несмотря на расхождение в национальных акцентах в формирующемся глобальном цифровом праве. Особенностью проведенного исследования можно обозначить тот факт, что дан подробный анализ положений основных документов, которые регламентируют использование искусственного интеллекта в обеих пра-

© Нуриев Б.Д., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

новых системах. При этом констатируется отсутствие в каждой юрисдикции ключевого нормативно-правового акта, регулирующего применение искусственного интеллекта в сфере государственного управления.

Ключевые слова: цифровые технологии, законодательство Российской Федерации, законодательство Европейского союза, нормативно-правовой акт, национальная безопасность, права и свободы граждан

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 30.03.2025; принята к публикации 30.05.2025.

Для цитирования:

Нуриев Б.Д. Искусственный интеллект в системе государственного управления России и стран Европейского союза: сравнительно-правовой анализ. Часть I // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 3. С. 404–416. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-404-416>

Artificial intelligence in the public administration system of Russia and the European Union: comparative legal analysis. Part I

Bulat D. Nuriev

State University of Management, Moscow, Russian Federation

 nurievb@mail.ru

Abstract. The study analyzes the features of the use of artificial intelligence in the field of public administration in the Russian Federation and the European Union. At the same time, the focus has shifted to the area of legal regulation of this process. The study presents an analysis of key regulatory legal acts that contain the main provisions for the use of this type of end-to-end digital technologies in the field of public administration. The author emphasizes that the formation of the regulatory framework of Russia and the EU countries began at about the same time and independently of each other. At the same time, the rule-making process in both legal systems has both common features and significant differences. The author offers his own view on the research methods of the indicated problem. The author also highlights the lack of knowledge of the designated topic, both in Russia and abroad, despite the similarity of the challenges that digital transformations bring with them for national security. The study states that there are differences in the field of legal regulation of the use of end-to-end digital technologies, including artificial intelligence, primarily since public authorities interpret them differently. The established rule-making tradition is also considered as an important factor. The author emphasizes the tradition that has taken shape in European countries to give priority attention to the protection of negative freedoms of citizens, which has also left its mark on the specifics of the legislation of the European Union. The study concludes that the Russian approach to rulemaking is characterized by greater attention to the problems of state security. The study suggests considering international experience in the legislative process, despite the divergence in national accents in the emerging global digital law. A special feature of the conducted research is the fact that the study provides a detailed analysis of the provisions of the main documents that regulate the use of artificial intelligence in both legal systems. At the same time, it is noted that in each jurisdiction there is no key law act regulating the use of artificial intelligence in the field of public administration.

Keywords: digital technologies, legislation of the Russian Federation, legislation of the European Union, regulatory legal act, national security, rights and freedoms of citizens

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 30.03.2025. The article was accepted on 30.05.2025.

For citation:

Nuriev BD. Artificial intelligence in the public administration system of Russia and the European Union: comparative legal analysis. Part I. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(3):404–416. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-404-416>

Введение

Индустрия 4.0 развивается во всем мире неравномерно. Для так называемой Четвертой промышленной революции свойственна территориальная обособленность, несмотря на тот факт, что цифровые трансформации существенно снижают значимость административных барьеров. В современном мире оформляются несколько центров опережающего развития в деле внедрения цифровых инноваций, к числу которых помимо России можно отнести США, КНР, Японию, Республику Корея, Индию, Великобританию и, безусловно, Европейский союз (ЕС). При этом каждому из перечисленных центров присущи свои особенности. Так, например, считается, что американские компании доминируют на рынках решений для интернета вещей (GE, Intel), его безопасности (Symantec, IBM, Intel), систем дополненной и виртуальной реальности (AMD, Google, Microsoft). Японские компании занимают ведущие позиции на рынках промышленных роботов и станков с числовым программным управлением. Считается, что Китай лидирует по количеству патентов в области искусственного интеллекта (ИИ) [1]. Несмотря на прослеживаемое разделение труда между ведущими цифровыми державами, конкуренция на мировом рынке цифровых технологий (ЦТ) из года в год возрастает. Например, российские производители новейших инновационных разработок, точно так же, как и их зарубежные коллеги, заинтересованы в увеличении экспорта собственной продукции [2]. Более того, актуализировался вопрос обеспечения национальной цифровой безопасности. Это вызвано тем, что в условиях цифровизации административные барьеры могут утратить свою значимость. Безусловно, в сложившихся условиях, зарубежный опыт, в т.ч. современные правовые инновации в странах ЕС, могут представлять для российского академического сообщества немалый интерес.

Итак, основной причиной, сподвигнувшей нас к проведению исследования, является понимание того, что четкое представление об особенностях цифровых трансформаций в ЕС, включая и сферу применения ИИ в государственном управлении, крайне необходимо для российского бизнеса и российского государства в целом.

Искусственный интеллект — один из наиболее важных и неоднозначно оцениваемых видов сквозных цифровых технологий (СЦТ). Правовое регулирование его применения только начинает оформляться в системах права наиболее продвинутых с точки зрения развития ИТ-индустрии стран. Необходимо заметить, что в данной сфере складывается парадоксальная ситуация: нет ясности в понимании не только ИИ как правовой категории, но и ЦТ как объекта научного исследования. Цифровизация демонстрирует настолько широкое и стремительное распространение, что человеческий или, говоря другими словами, естественный интеллект не успевает дать взвешенный, научно обоснованный анализ происходящим изменениям. Условно говоря, мы действительно становимся заложниками наших же достижений. ЦТ, стремительно проникая практически во все сферы деятельности человека, формируют ту самую новую реальность, о которой уже немало сказано как в российской, так и в зарубежной научной литературе [3].

Действительно, понимание ИИ неоднозначно. Нередко специалисты отождествляют его с иным видом СЦТ — так называемым *интернетом вещей*, что характерно, прежде всего, для наших европейских коллег, о чем более детально будет сказано ниже. Заметим, что между этими видами СЦТ есть, по нашему мнению, существенная разница: искусственный интеллект подразумевает некую автономию ЦТ от воли человека, что, впрочем, тоже ставится под сомнение. Тем не менее, в интернете вещей как в системе передачи цифровой информации от одного субъекта к другому есть некая программа или алгоритм действий, заранее предусмотренный человеком.

Затронув проблему концептуальной схожести ИИ и интернета вещей, как нам видится, необходимо подчеркнуть еще один важный аспект, касающийся всех видов СЦТ. Анализ научной литературы демонстрирует, что в научном сообществе нет четкого понимания и того, по какому ключевому принципу все многочисленные СЦТ классифицируются на виды, которые уже стали общепризнанными. Например, ответ на вопрос о том, в чем заключается принципиальное отличие между мессенджером и блокчейном ясен: для второго вида СЦТ характерно обязательное одновременное присутствие нескольких субъектов, транслирующих информацию. В концептуальной основе ИИ и интернета вещей заложена иная магистральная идея — полная или ограниченная автономность виртуальной среды от человека. Действительно, и в первом, и во втором случае мы наблюдаем сам процесс транслирования цифровой информации, что является самой сутью любой ЦТ. Тем не менее, как нам видится, пока еще не выстроена некая четкая и крайне необходимая для понимания система классификации ЦТ и соотносимых с ними терминов.

Цель исследования — внести некую ясность в объяснение тех или иных терминов и понятий, которые активно применяются как в России, так и в ЕС, в контексте с возможностью регламентирования их применения. Уверены, что формирование единого категориального аппарата будет только способствовать взаимопониманию между учеными всего мира, укреплению

духа справедливой конкуренции, более однозначному пониманию того, по каким принципам и какими методами может быть более надежно обеспечена цифровая безопасность.

Материалы и методы исследования

В исследовании мы использовали так называемые общетеоретические, или общенаучные, методы, которые применяются во всех сферах научного познания, а также методы, свойственные преимущественно правовым наукам. Из методов первой группы выделим такие, как абстракция и индукция, которые во многом, исходя из объекта нашего исследования, пересекаются. Выбирая эти методы, мы исходили из того, что общее представление о правовом регулировании применения ИИ дают отдельные нормативно-правовые акты, которые имеют и собственный предмет регламентирования, преследуют собственные цели, опираясь на принципы, присущие каждой правовой системе. Таким образом, собирая воедино, образно говоря, мозаику из различных правовых норм, мы преследовали цель дать общую картину двух конкурирующих правовых систем.

Из методов второй группы, которые именуются специально-юридическими, особое внимание заслуживает сравнительно-правовой метод, с помощью которого мы не только сравнили два подхода к вопросу регламентирования применения ИИ, но и выявили особенности каждого из них. Более того, мы применяли сравнительный метод с учетом актуализации того или иного вопроса во времени, что позволило сопоставить российский опыт и опыт наших европейских партнеров в историческом измерении. Нашу методологическую базу дополнил метод государственно-правового моделирования, практическая значимость которого также оказалась достаточно высокой. Так, например, исходя из принятых на сегодня нормативно-правовых актов мы обозначили не только сильные, но и слабые стороны российской законодательной базы в сфере обеспечения информационной безопасности и предложили способы нивелирования последних.

Обзор литературы

Российские исследователи достаточно плотно изучают правовую природу ИИ, возможности его полноценного вовлечения в правовое поле, особенности регулирования его применения как в сфере бизнеса, так и на государственном уровне. Активно исследуются также проблемы, связанные с защитой различных видов прав граждан, юридических лиц и государства в виртуальном пространстве. Совокупность проведенных и опубликованных исследований условно можно разделить на три группы: монографические публикации; исследования, результаты которых были изложены в формате статей в российских и зарубежных рецензируемых научных журналах; исследования, представленные в форме диссертации на соискание ученой степени.

В целом, исходя из того, что объектом данного исследования является достаточно узкое и новое направление, находящееся на стыке юриспруденции, истории, теории международных отношений и теории информационных технологий, было крайне сложно вывить работы по заявленной нами теме. Тем не менее, российским академическим сообществом на сегодняшний день опубликован широкий пласт трудов по проблемам, которые прямо или косвенно касаются объекта нашего исследования. Среди монографических работ необходимо выделить труды А.В. Кульназаровой [4] и И.А. Умновой-Конюховой [5], отличающиеся своими крайне интересными выводами. Что касается статей в периодических научных изданиях, то их перечень существенно шире. В число публикаций подобного рода мы бы включили изыскания Ю.А. Савинова и Е.В. Тарановской [6], И.В. Понкина и А.И. Редькиной [7], З.И. Хисамовой, И.Р. Бегишева и Р.Р. Гайфутдинова [8]. Из диссертационных исследований выделим труды, которые имеют не только большую практическую значимость, но и послужили для нас достойным источником информации. К числу таких исследований стоит отнести работу П.М. Морхата [9], которая была позднее доработана и переиздана в виде монографии, а также более объемный и содержательный труд А.А. Карцхии [10], в котором помимо ИИ рассматриваются и иные виды цифровых технологии в правовом контексте. В целом, исходя из итогов анализа российской научной литературы по обозначенной нами проблеме, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день проблема применения ИИ и его правовое регламентирование в странах ЕС не является приоритетной для российского специалиста.

ИИ активно исследуется и за рубежом. Анализ цитируемости иностранной литературы российскими специалистами показал, что достаточно сложно выделить наиболее популярные зарубежные монографические исследования. Однако можно констатировать, что уже оформился перечень публикаций в периодических изданиях, на которые российские ученые достаточно часто ссылаются. С 1970 г. издается старейший тематический журнал «Artificial intelligence journal», который, будучи междисциплинарным научным изданием, популяризирует современные достижения в сфере цифровизации и с точки зрения ее правового регулирования. Помимо этого, высоким индексом цитируемости обладают такие североамериканские издания, как «Journal of Artificial Intelligence Research» и «The International Journal of Systems & Cybernetics», индийский «Indian Journal of Artificial Intelligence and Law», китайский «Artificial intelligence in Agriculture» и др. Из числа периодических изданий, имеющих сугубо правовую направленность, стоит выделить «International journal of digital law», издаваемый в Бразилии.

Результаты исследования

В первую очередь рассмотрим ключевые, наиболее важные положения нормативно-правовых актов, принятых в России. Далее проанализируем документы, одобренные в странах ЕС. И, наконец, попытаемся сравнить

отдельные нормы права, а также ключевые положения, регулирующие применение искусственного интеллекта в двух правовых системах.

Опыт Российской Федерации

РФ считается одним из общепризнанных мировых лидеров в сфере применения цифровых инноваций в государственном управлении. Как следствие, российский опыт развития сектора цифровых технологий и его правового регламентирования интересен и поучителен для специалистов многих стран.

Ряд исследователей полагает, что формирование российского цифрового права началось в первой половине 2019 г. [11]. Однако, заметим, что первые шаги в данном направлении были предприняты еще в июле 2017 г., когда Правительством РФ была утверждена Федеральная Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹. В разделе I этого документа ИИ (наряду с нейротехнологиями) обозначен как один из видов СЦТ, что, конечно же, не ушло от внимания многих российских исследователей [7. С. 92].

С точки зрения органов власти РФ, «под искусственным интеллектом в России понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»². Заметим, что данное определение можно назвать достаточно смелым и, действительно, передовым. В частности, акцентирование внимание на возможности искусственного интеллекта самообучаться, а также искать решения без учета заложенной в него программы, свидетельствует о том, что российский законодатель нацелен на решение непосредственно тех задач и проблем, которые выдвигает нам та самая новая реальность. Примерно такая же трактовка данного вида СЦТ была дана и в других наиболее значимых нормативно-правовых актах, речь о которых пойдет ниже.

Среди основных правовых документов, регламентирующих применение ИИ в России, важное место занимает изданный в октябре 2019 г. Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»³, положения которого утвердили «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 г».

¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 29.04.2025).

² Развитие искусственного интеллекта // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/razvitie_iskusstvennogo_intellekta/ (дата обращения: 29.04.2025).

³ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 29.04.2025).

(далее — Стратегия). Указ также включил в себя поручение исполнительной ветви власти России «разработать и утвердить федеральный проект «Искусственный интеллект».

Стратегия по своей важности и актуальности, безусловно, выходит за рамки иных принятых документов в сфере планирования и прогнозирования развития тех или иных отраслей экономики, что только подтверждает большую значимость искусственного интеллекта для российского законодателя. В документе излагается видение перспективы развития искусственного интеллекта в нашей стране и в мире в целом, а ее положения позднее были подхвачены и развиты многими российскими учеными и экспертами.

Стратегия представляет собой достаточно объемный документ, в котором детально расписаны ключевые положения по таким вопросам как концептуализация самого понятия *искусственный интеллект*, разработка технологий применения ИИ, определение важнейших направлений использования ИИ и принципов правового регламентирования его применения. Исходя из того, что цель нашего исследования — сравнение законодательства в России и странах Европейского Союза в сфере применения ИИ, мы акцентируем внимание только на тех направлениях, которые позволяют наиболее полно и наглядно выявить общие черты или различия в этих двух правовых системах.

Итак, среди основных положений Стратегии наиболее важны, на наш взгляд, следующие.

- Стратегия не только признает общий, т.е. сквозной характер ИИ, но и отводит ему центральное место в ряду всех видов СЦТ. Данное положение аргументируется тем, что именно влияние технологических решений, разработанных на основе ИИ, в перспективе будет определять «результативность деятельности организаций и человека, в т.ч. связанной с принятием управленческих решений». Помимо этого, в документе подчеркивается, что ИИ обладает свойством крайне высокого уровня доступности, возможностью его самого широкого применения в различных сферах жизни человека и общества. Констатируется также и тот факт, что благодаря ИИ становится возможной обработка большого объема данных, что также важно для обеспечения экономического роста и национальной безопасности.
- В Стратегии РФ признается одним из ключевых игроков на мировом рынке новейших разработок ЦТ, в т.ч. ИИ. Так, например, в ст. 13 говорится о том, что Россия «обладает существенным потенциалом для того, чтобы стать одним из международных лидеров в развитии и использовании технологий искусственного интеллекта». Подчеркивается, что данный потенциал обеспечен сложившимися традициями подготовки высококвалифицированных специалистов, высоким уровнем образования в сфере программирования и смежных научных направлений. Однако, авторы констатируют и тот факт, что в современном мире складывается ситуация возрастающей конкуренции за доступ к современным цифровым инно-

вациям, что в перспективе чревато рисками вытеснения России с международных рынков ЦТ. В документе говорится, что «согласно прогнозам долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации в случае недостаточного развития и использования конкурентоспособных технологий искусственного интеллекта реализация приоритетных направлений научно-технологического развития страны замедлится, впоследствии повлечет за собой ее экономическое и технологическое отставание».

- Впервые даются трактовки многих ключевых понятий, которые имеют самое прямое отношение к применению искусственного интеллекта в практической плоскости. Так, например, благодаря данному документу законодательно закрепились толкования таких неоднозначно оцениваемых понятий, как *набор данных, разметка данных, вычислительная система, архитектура вычислительной системы* и др. Безусловно, центральное место в данном перечне отведено ИИ и технологиям применения ИИ. Последние, рассматриваются, как «технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и иные перспективные методы искусственного интеллекта».
- Четко определены те задачи, которые являются сегодня приоритетными для органов власти РФ. В контексте объекта нашего исследования к таким задачам можно причислить разработку и развитие программного обеспечения, в котором используются технологии ИИ; повышение доступности и качества данных, необходимых для развития технологий ИИ; повышение доступности аппаратного обеспечения, необходимого для решения задач в области ИИ; повышение уровня обеспечения российского рынка технологий ИИ квалифицированными кадрами и уровня информированности населения о возможных сферах использования данного вида СЦТ; а также создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий ИИ.
- Большое внимание уделено поддержке научных исследований в сфере применения технологий ИИ. В документе говорится о том, что «осуществление непрерывной государственной поддержки фундаментальных научных исследований в области искусственного интеллекта, прежде всего с использованием существующих механизмов оказания такой поддержки, должно быть направлено на обеспечение лидерства Российской Федерации в создании и использовании перспективных методов искусственного интеллекта». Научные изыскания, которые, как предполагается, найдут финансовую поддержку со стороны органов власти России, разделены на два вида — фундаментальные и прикладные. При этом подчеркивается, что основной целью фундаментальных научных разработок должно стать создание универсального или сильного ИИ. В документе отраже-

ны и те показатели, на основании которых к 2024 г. станет возможным подведение предварительных итогов эффективности Стратегии в области поддержки научных изысканий. Заметим, что в число данных показателей входят не только общетеоретические достижения, измеряемые показателем цитируемости российских специалистов в авторитетных международных изданиях, но и количество сугубо «прикладных решений, уже внедренных в практическую сферу».

Примечательно, что российский законодатель не обходит вниманием и региональный уровень. Учитывая тот факт, что сфера регулирования применения ИИ представляет собой новое и стратегически важное направление в нормотворчестве, принятие федеральных законов, регламентирующих использование ЦТ на региональном уровне, нам видится правильным и своевременным. Так, важным шагом стало принятие в апреле 2020 г. Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». Ключевым в документе является понятие *экспериментальный правовой режим*, суть которого заключается в создании в Москве площадки для введения цифровых инноваций на пятилетний срок до 30 июня 2025 г. С точки зрения практической значимости данного нормативно-правового акта, как полагают специалисты, прослеживаются два направления⁴. Во-первых, закон предусматривает создание благоприятных условий для организаций, которые будут вести деятельность по разработке и созданию технологий, использующих ИИ. Во-вторых, предполагается предоставление таких же комфортных условий для участников программы, которые будут внедрять собственные разработки непосредственно в сферу производства товаров и услуг. Участниками эксперимента могут стать юридические лица и индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в Москве, с условием, что и их деятельность связана с теми направлениями, которые указаны в Законе. В целом, данный нормативно-правовой акт имеет четкую адресность и целевую установку — обеспечение в Москве максимально благоприятных условий для производства товаров и услуг с применением новейших цифровых инноваций в виде ИИ.

В августе 2020 г. Правительство Российской Федерации утвердило «Концепцию развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.» (далее — Концепция), разработанную Минэкономразвития России, которая «стала первым документом в Российской Федерации, формирующим основы нормативного

⁴ Обзор Федерального закона о проведении в Москве эксперимента в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта. Часть 1 [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/06/10/obzor_federalnogo_zakona_o_provedenii_v_moskve_eksperimenta_v_celyah_sozdaniya_neobhodimyh_uslovij_d (дата обращения: 29.04.2025).

регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники»⁵. Данный документ следует рассматривать неким продолжением Стратегии, о чем и говорится в первом разделе Концепции «Общие положения». Примечательно, что там же подчеркивается: «в целом ряде стран уже существует первичное правовое регулирование применения искусственного интеллекта и робототехники», и в качестве одной из целей ставится включение России в число этих стран.

Основная особенность Концепции заключается в ее более выраженной практической направленности. Третья глава, именуемая «Отраслевые направления совершенствования регулирования применения технологий искусственного интеллекта и робототехники», четче и конкретнее определяет те направления, в рамках которых правовое регулирование видится более актуальным. В число приоритетных сфер вошли такие, как охрана здоровья граждан, государственное и муниципальное управление, транспорт, градостроительная деятельность, реализация программы «Умный город», финансовая сфера, космическая деятельность и промышленность. В качестве второй особенности Концепции, думается, будет уместно подчеркнуть ее сугубо правовую направленность, что подразумевается исходя из названия документа. Идея необходимости введения в правовое поле тех или иных сфер применения ИИ проходит красной нитью от первой до заключительной главы Концепции. Если в Стратегии были четко оговорены значения основных правовых категорий, таких, как *искусственный интеллект*, *технологии применения искусственного интеллекта* и др., то в Концепции конкретизируются механизмы применения этих категорий в практической плоскости. Например, разработчики документа затронули крайне актуальные сегодня проблемы определения юридической ответственности и совершенствования оборота больших данных. Пожалуй, впервые рассмотрен вопрос страхования ответственности за вред, причиненный либо искусственным интеллектом, либо его пользователями, либо собственниками. Особо подчеркнем, что зарубежной законодательной практике проблема страхования пока не затрагивается.

В августе 2020 г. во исполнение рассмотренной выше Стратегии Президиум Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности утвердил Федеральный проект «Искусственный интеллект» (далее — Проект)⁶.

⁵ Робототехника и искусственный интеллект // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/robototekhnika_i_iskusstvennyy_intellekt/ (дата обращения: 29.04.2025).

⁶ Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/law/pasport-federalnogo-proekta-iskusstvennyi-intellekt-natsionalnoi-programmy/> (дата обращения: 29.04.2025).

Отличительна черта Проекта — конкретизация тех мер, которые обозначены в Стратегии. Например, в рамках внедрения ИИ в систему образования Проект предусматривает ежегодное проведение всероссийской школьной олимпиады, дающей преференции при поступлении в учреждения высшего образования, а в целях реализации программы развития российского здравоохранения — организацию так называемой вертикально-интегрированной медицинской системы «на основе больших данных, распознавания и оцифровки медицинских данных» по профилям онкология, сердечно-сосудистые заболевания, профилактика, акушерство и гинекология. В Паспорте Проекта также обозначены и некоторые финансовые показатели, в частности наименования конкретных задач и источники финансирования. Также в документе были указаны размеры ежегодного финансового обеспечения на период до 2024 г. Добавим, что Федеральный проект «Искусственный интеллект» на период 2021–2024 гг. включал в себя показатели результатов, «обеспеченных бюджетным финансированием в размере 24,3 млрд руб. и 6,9 млрд руб. из внебюджетных источников»⁷.

Выводы

Итак, на сегодняшний день в российской системе права единый нормативно-правовой акт, регламентирующий применение ИИ, не принят. Мы рассмотрели пять ключевых документов, которые дают общее и, как нам видится, полное представление о формировании в стране административно-правового механизма регулирования тех общественных отношений, которые складываются в сфере применения ИИ, а именно:

- Федеральная Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»;
- Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»;
- закреплённая данным Указом «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.»;
- Федеральный проект «Искусственный интеллект»;
- «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.».

Помимо этого, в качестве показателя того, что и уровень субъектов РФ, пусть и опосредованно, но также включен в законотворческий процесс, мы проанализировали Федеральный Закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения

⁷ Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/law/pasport-federalnogo-proekta-iskusstvennyi-intellekt-natsionalnoi-programmy/> (дата обращения: 29.04.2025).

Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“».

В контексте нашего исследования среди рассмотренных документов центральное место занимает «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.», так как именно в ней отражены те основные направления, по которым, как видится законодателю, должна быть продолжена работа по внедрению ИИ и правовому регламентированию этого процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гнездова Ю.В. Мировые тенденции развития цифровых технологий // Экономический журнал. 2018. № 2. С. 95–102. EDN: VMURRK
2. Смирнов Е.Н., Поспелов С.В., Нуриев Б.Д. Институт цифровых атташе в системе поддержки экспорта цифровых технологий на примере больших данных и законодательства Европейского союза // E-Management. 2022. Т. 5. № 1. С. 43–51. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-1-43-51> EDN: BXTQCJ
3. Смирнов Е.Н., Поспелов С.В., Нуриев Б.Д. К вопросу о влиянии цифровых трансформаций на регулирование международной электронной коммерции // Дискуссия. 2021. Т. 107. № 4. С. 21–28. EDN: SGAAUV
4. Кульназарова А.В. Цифровая трансформация публичных коммуникаций. Российский и европейский опыт. СПб. : СПбГУТ, 2021. 135 с.
5. Умнова-Конюхова И.А. Цифровое развитие и права человека. М. : ИНИОН, 2021. 173 с.
6. Савинов Ю.А., Тарановская Е.В. Искусственный интеллект в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 4. С. 58–71. <https://doi.org/10.24412.2072-8042-2020-00037> EDN: SBRYHC
7. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109> EDN: YVXKVA
8. Khisamova Z.I., Begishev I.R., Gaifutdinov R.R. On methods to legal regulation of artificial intelligence in the world // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering (IJITEE). 2019. Vol. 9. P. 5159–5162.
9. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дисс. ... д-ра юр. наук. М. : Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности, 2018. 420 с.
10. Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : дис. ... д-ра юр. наук. М. : Российская государственная академия интеллектуальной собственности, 2019. 384 с.
11. Хисамова З.И., Бегиев И.Р. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10. № 2. С. 19. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10\(2\).19](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10(2).19) EDN: PECVMS

Информация об авторе:

Нуриев Булат Дамирович — кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Государственный университет управления, Россия, 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99 (ORCID: 0000-0001-8434-2419) (SPIN-код: 5615-0500) (e-mail: nurievbd@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-3-417-425

EDN: BJSTQD

Обзорная статья / Review article

Либерализм и фашизм в оценках политологов: проблема генезиса неофашизма

К.В. Блохин

Центр исследования проблем безопасности РАН, Москва, Россия

 Constantinos1@rambler.ru

Аннотация. Проанализированы концепции современных политологов и экономистов о феномене генезиса современного неофашизма. Один из аспектов — проблема либерального транзита. Современный глобализм и либерализм порождают новые формы неофашизма, выступающие в качестве этапа развития либерализма. Неофашизм и либерализм органически обусловлены и семантически близки в идее антропологического (расового) и, следовательно, странового неравенства. Прослежены два контура становления и осуществления неофашизма на современном западе. Внутренний — это кризисные процессы либеральной демократии, которая все более трансформируется в неприкрытое манипулирование обществом. Внешний аспект неофашистских тенденций проявляется в практике неоколониализма, навязывании воли западных стран незападному миру. Рассмотрены исторические предпосылки фашизма, сложившиеся в 1930-е гг. в США. Обозначены ключевые факторы генезиса неофашизма: прогрессирующий рост социального неравенства, деградация институтов политической демократии.

Ключевые слова: капитализм, неолиберализм, глобализм, постмодернизм, антропологическое неравенство

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Государственного задания ЦИПБ РАН.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 30.03.2025; принята к публикации 29.05.2025.

Для цитирования:

Блохин К.В. Либерализм и фашизм в оценках политологов: проблема генезиса неофашизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 3. С. 417–425. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-417-425>

© Блохин К.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Liberalism and fascism in political scientists' assessments: the problem of the genesis of neo-fascism

Konstantin V. Blokhin

Center of Security Problems of Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation
 constantinosl@rambler.ru

Abstract. The study analyzes the concepts of modern political scientists and economists about the phenomenon of the genesis of modern neo-fascism. One of the aspects of considering the genesis of modern fascism is the problem of liberal transit. Modern globalism and liberalism give rise to new forms of neo-fascism, which acts as a moment and stage of development of liberalism. Neo-fascism and liberalism are organically conditioned and semantically close in the idea of anthropological (racial), and therefore, country inequality. The study traces two contours of the formation and implementation of neo-fascism in the modern West. Internal — these are the crisis processes of liberal democracy, which is increasingly transformed into blatant manipulation of society. The external aspect of neo-fascist tendencies is manifested in the practice of neo-colonialism, the imposition of the will of Western countries on the non-Western world. The author identifies the key factors in the genesis of neo-fascism: the progressive growth of social inequality, the degradation of institutions of political democracy. The study examines the historical prerequisites for fascism that developed in the 1930s in the United States.

Keywords: Keywords: capitalism, neoliberalism, globalism, postmodernism, anthropological inequality

Acknowledgements. The research was supported by the state assignment of The Center of Security Problems of Russian Academy of Science.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 30.03.2025. The article was accepted on 29.05.2025.

For citation:

Blokhin KV. Liberalism and fascism in political scientists' assessments: the problem of the genesis of neo-fascism. RUDN Journal of Public Administration. 2025;12(3):417–425. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-417-425>

Введение

Первая четверть XXI в. ознаменовалась усилением конфронтации между Россией и странами Запада. Американские политологи преподносят эту напряженность как борьбу западных либеральных демократий против реваншистских авторитарных режимов, мечтающих переформатировать мировой порядок «под себя». Это противостояние «либеральной демократии» авторитаризму, впрочем, имеет отчетливый пропагандистский характер, отличается заведомым упрощением проблемы. Современная политическая реальность Запада намного сложнее — очевидны тенденции трансформации западной демократии, которая все отчетливее становится своей противоположностью. Само понятие «политический», сами механизмы политической жизни как

борьбы за социальные интересы уступают место искусному манипулированию масс, а элиты настолько оторваны от базовых социальных групп, что вопрос о политической репрезентации их интересов вообще не стоит. В условиях информационного общества политический и идеологический контроль становится все более изощренными. Не случайно, что теме генезиса неофашизма сегодня обращаются известные политологи. Так, Иммануил Валлерстайн предрекает появление «демократического фашизма», новой модификации фашизма, кастоподобного мира, «верхний слой которого включал бы, возможно, пятую часть мирового населения» [1. С. 297].

Результаты

Современный французский социолог Эрик Фассин констатирует наступление неофашизма. «Сегодня мы сталкиваемся со знакомыми чертами исторического фашизма — такими как расизм и ксенофобия, конечно, но также и со стиранием границ между правыми и левыми, увлеченностью харизматичными лидерами и прославлением нации, неприятием элит и прославлением масс, презрением к верховенству закона и тягой к насилию, если назвать лишь некоторые из них... Я утверждаю, что имеет смысл говорить о «неофашистском моменте» неолиберализма» [2].

По этой причине обсуждение темы либерального транзита от демократии к фашизму имеет принципиальное значение для определения тех тенденций, которые мы наблюдаем на Западе. Довольно долго в российской политологии считалось, что фашизм является некой тупиковой линией развития, отклонением от общественного прогресса, проявлением социальной патологии. Беспристрастный анализ этого социально-политического и культурного феномена свидетельствует об ошибочности такого воззрения. «Фашизм — вовсе не тупиковая ветвь развития современного общества. В XX веке он был одной из ведущих политических доктрин всемирно-исторического значения... Фашизм — это отличительная черта современности» [3. С. 11], — констатирует М. Манн.

Предложенная им классификация признаков, в сущности, следует традиционным советским формулировкам о фашизме, имея лишь небольшие отличия. Для Манна базовыми чертами являются национализм, состоящий в «преданности идеи целостной нации»; этатизм, проявлявшийся в поклонении государственной власти; трансцендентность, основанная на идее преображения общества вне левых или правых идеологий; чистки, основанные на уничтожении политических противников; парамилитаризм, выступающий в качестве универсального инструмента политики, устрашения врагов и объединения нации [3. С. 28–33].

Такая характеристика Манном фашизма во много оправдана и охватывает типичное в фашистских режимах, однако оказывается ограниченно применимой к современности. Мы сегодня наблюдаем за феноменами мирового глобализма, семантически близкого фашизму. Здесь та же самая идея

исключительности нации, расизм, милитаризм проявляются совершенно в других масштабах и опираются на другие инструменты контроля над личностью. Нет сомнения, что сегодня многие параметры фашистских режимом трансформировались, прикрывшись либеральными идеологемами. В этой связи понятно стремление политологов дать расширенное толкование фашизма, дополнить параметры, описывающие фашизм.

С этой точки зрения показательна обстоятельная работа В.Э. Багдасаряна в которой предпринята расширенная систематизация разновидностей современного фашизма. Автор выделяет три идеологические модификации фашизма. «Первый фашизм — постмодернистский. Идеологически экстремизируясь, либерализм трансформировался в неолиберализм. Неолиберальная идеология — это уже идеология не столько либеральная, сколько фашистская. Она утверждает жесткую власть меньшинства. Второй фашизм — религиозно-фундаменталистский. Он в значительной мере вызван к жизни постмодернистским фашизмом и является реакцией на него со стороны традиционного общества. Эта реакция, как видно из последних событий, целевым образом провоцируется. Поток беженцев и мигрантов, направляемых с Ближнего Востока в Европу, делает конфликт практически неизбежным. Третий фашизм — классический нацистский. Как постмодернистский фашизм программирует реакцию джихадистского фашизма, так тот, в свою очередь, провоцирует реакцию фашизма нацистского. Исламизация Европы и теракты становятся катализатором неонацизма. Он объединяется идеей отстоять Европу от чужаков и возрастающими настроениями мигрантофобии среди населения европейских стран. Но неонацизм конфликтен и в отношении постмодернистского фашизма. Ему ставится в вину подрыв национальных традиций и неспособность и нежелание противостоять миграционным вызовам» [4. С. 101].

По мнению В. Багдасаряна, системный признак современного постмодернистского фашизма — антропологическое неравенство, свойственное как либерализму, так и неофашизму. Эта системная характеристика не только воспроизводится исторически, но и объясняет в значительной мере транзит от либерализма к фашизму.

В связи с нашей темой исследования интересен дискурс о постмодернистском фашизме, поскольку он, инициируемый современными США как авангардом Запада, в нынешних условиях является политически мейнстримным. Без глобализма и его политических последствий едва ли могли проявиться авторитарные, расово-ориентированные в отношении русского населения, полуфашистские режимы в Прибалтике, на Украине, реанимации фашизма в Западной Европе.

В мировоззренческой основе глобализма и формирующегося «нового дивного мира» лежит постмодернистское мировоззрение и практика. Постмодернизм уже в значительной мере обесценивает демократию и ее институты. «Современная эпоха, с одной стороны, открывает новые перспективы для развития, но с другой, — создаются предпосылки для

элитарно-информационного и корпоративистского отчуждения человека от политики. В условиях сохранения нищеты, роста неравенства и нестабильности мировых рынков и финансовых потоков многие сомневаются в том, что „радужные возможности“ глобализации будут реализованы. Другие же озабочены тем, что открытые рынки поставят под угрозу как целостность культур, так и суверенитет государств» [5. С. 154], отмечает Ю.В. Ирхин.

Современная демократия все более напоминает синтез демократических процедур, власти олигархии и авторитаризма [5. С. 154].

Как и всякое общественное явление, фашизм — это следствие накапливаемых общественных деформаций и противоречий, порождаемых меняющейся реальностью. Капитализм XXI в., несмотря на убежденность многих в гармоничности и созидательности прогресса, не только не избежал имманентного ему неравенства, но скорее обострил его до пределов. «Либерализация и глобализация обогатили очень немногих, а остальным принесли стагнацию, незащищенность и нестабильность — появился скептицизм в отношении элит и институтов знаний, из которых они, как считалось, черпали информацию» [6. С. 51].

Особенная глубина падения социального уровня жизни характерна для США, всегда выступавших своеобразным авангардом современного капитализма. «Америка не добилась успехов в росте экономики, зато она преуспела в росте неравенства» [6. С. 68]. Стиглиц, опираясь на статистику, подчеркивает глубину неравенства в США. «С точки зрения неравенства возможностей мы тоже находимся почти у самого дна», — отмечает экономист [6. С. 68]. Количественные параметры различия уровня жизни впечатляют. «В Америке неравенство в имущественном положении еще больше, чем неравенство доходов, — верхний 1 % населения владеет более чем 40 % богатства США, почти в два раза выше доли получаемого дохода» [6. С. 74]. Экономический элитизм, при котором все блага достаются правящему меньшинству, таким образом, является предпосылкой социального неравенства. Сам образ справедливого общества меркнет в современной реальности, разрушая миф о всеобщем достатке.

Показательно, что эта деградация социальной системы — не национальный признак США, а характерная черта всей глобальной экономики. Один из идеологов глобализма, Клаус Шваб вынужден констатировать, что «сегодня медленный рост является нормой, поскольку не увеличивается производительность труда, что служит двигателем экономического подъема. Многие на Западе заняты на низкооплачиваемой работе без каких-либо гарантий и перспектив» [7. С. 36].

«Хотя в теории свободный рынок должен гарантировать максимальную эффективность, на практике он лишь усилил вопиющее неравенство и ускорил распад социальных структур, приведя к широкому распространению нестабильности, обнищанию, массовой миграции и этническим распрям», — отмечает Ли Мартин [8. С. 36].

Капиталистическое процветание для всех, обернутое в либеральную оболочку, без сомнения иллюзорно. Современный капитализм в этом смысле является фактором порождения современного фашизма и праворадикальных движений. «Праворадикальный популизм — результат разложения демократии. Его современный фашистский облик, принимающий неодинаковые формы в различных странах, может существовать только в ситуациях доминирования социальной несправедливости [8. С. 38].

К несомненным факторам генезиса фашизма относится и «органический национализм», сохраненный в культурно-психологической памяти европейских народов. «Некоторые предпосылки возрождения фашизма живы и по сей день. Органический национализм и парамилитарные движения, приверженность этническим и политическим чисткам и сейчас привлекают тысячи людей во всем мире, толкая их к якобы «идеалистическим», а на деле кровавым и бесчеловечным действиям против соседей и политических оппонентов, именуемых «врагами» [3. С. 15]. Вместе с тем принципиальный методологический вопрос для нас — проблема взаимосвязи либерализма и фашизма, рассматриваемая в современной политологии как весьма реальная. Либерализм предшествует фашизму и генетически, и семантически. «Либерализм является старейшей и наиболее распространенной сегодня версией евроцентристского расизма... Либерализм именно в своих идейных корнях, в своей теоретической матрице, в своей базовой теории является расистским политическим течением уже потому, что берет за аксиому тезис о том, что (европейская = универсальная) цивилизация лучше, чем варварство, а варварство лучше, чем дикость, и дальше применяет расистскую схему к анализу различных социально-политических систем и построению исторического нарратива [9. С. 282]».

Идеал бесконечного прогрессизма объединят как фашизм, так и либерализм. «Современный либерализм, отчасти благодаря своей догматической интеллектуальной амнезии, сохраняет близость к фашистским идеям благодаря значительной роли прогрессивизма в его формировании [10. С. 436]».

С этой точки зрения нет ничего удивительного в том, что базовые смыслы фашизма родились в самой развитой либерально-демократической стране капитализма. Факты заимствований нацистами американских моделей очевидны, особенно в расовом вопросе. «Нацисты проявляли постоянный, значительный и порой даже излишний интерес к американскому примеру расового законодательства. Они определенно были заинтересованы в том, чтобы учиться у Америки... Как это ни парадоксально, нацисты порой отвергали американский пример потому, что считали американскую практику слишком жестокой; для нацистов начала 1930-х годов, даже самых радикальных, американский расовый закон иногда выглядел чересчур расистским» [11. С. 17–18].

Прямые «переключки» расовой теории германских нацистов и американских либералов проявляются в концепции «жизненного пространства». «Нацисты были поглощены стремлением расширить «жизненное пространство» для Германии за счет захвата территорий на Востоке, и «для

поколений германских империалистов, как и для самого Гитлера, примером для подражания являлись Соединенные Штаты Америки». С точки зрения нацистов, Соединенные Штаты стояли в одном ряду с Британией как «представители белой расы и строители великой империи»: и те и другие были «нордическими» государствами, «предпринявшими эпическую программу завоеваний» [11. С. 22].

Расовый взгляд на народы в США — это практика не только прошлого, но и современности. «Соединенные Штаты также находились на переднем крае создания разновидностей де-юре и де-факто гражданства второго сорта для чернокожих, филиппинцев, китайцев и других, что тоже представляло немалый интерес для нацистов, занимавшихся созданием разновидностей гражданства второго сорта для евреев Германии» [11. С. 26].

Примеров взаимных симпатий американских либералов и фашистов достаточно. США для гитлеровцев были образцом социального устройства, рассматривались как «могущественное, богатое и созидательное общество». «Особенно трудно стало противостоять очарованию Америки в течение столетия, начавшегося с 1918 года. Как отмечали немецкие расисты межвоенного периода, Соединенные Штаты вышли из Первой мировой войны «главной мировой державой» [11. С. 19], — отмечает Д. Уитмен.

Гитлеровских нацистов привлекали американские достижения в евгенике, в стремлении улучшить человеческую природу. «В своей книге 1994 года „Нацистская общность: евгеника, американский расизм и немецкий национал-социализм“ историк Стефан Кюль сенсационным образом продемонстрировал наличие активного общения между американскими и нацистскими евгениками до конца 1930-х гг., причем нацисты даже рассматривали Соединенные Штаты как „пример“» [11. С. 23].

Привлекательным для германских нацистов был и расизм, возведенный в США на уровень государственной политики. «Еще в 1928 году Гитлер с восхищением разглагольствовал о том, как американцы „перестреляли миллионы краснокожих, сократив их численность до нескольких сотен тысяч, и теперь держат эти скромные остатки под наблюдением в клетке“» [11. С. 23].

«Именно основанное на расе американское иммиграционное законодательство восхвалял Гитлер в своих трудах, что, как ни странно, отрицается американскими правоведами [11. С. 26]».

«Вирт в своей книге „Народы в мировой истории“ (1934 г.) так описывал Америку для своих читателей на первых страницах: „Наиболее важным событием в мировой истории государств второго тысячелетия — вплоть до войны — стало основание Соединенных Штатов Америки, давшее сильнейшей толчок к борьбе арийцев за мировое господство“» [11. С. 41].

«Афроамериканцы подвергаются систематической дискриминации, получают неадекватное образование и жилье, а также полностью лишены экономических возможностей — американская мечта им недоступна. В основе этого лежит „расовое отношение белых американцев к чернокожим американцам“, — отмечает Стиглиц [6. С. 71].

Показательно, что феномен «черного расизма», или расизма наоборот, лишний раз доказывает распространенность и универсальность расистской духовной матрицы, делает ее универсальным языком политической коммуникации.

Расизм порождается глобализмом, мировой экономической системой капитализма. «Современный мир представляет собой единую систему, где есть центр и своя периферия. Диспаритеты качества жизни в соотношении центра и периферии колоссальные и имеют тенденцию к возрастанию. Центр системно проводит военные операции в странах периферии, вследствие которых, как показывает опыт последних лет, качество жизни в периферийной части мира падает до критического состояния. В мировом масштабе эта модель фашистская», — отмечает В. Багдасарян [4. С. 327].

Реинкарнации фашизма способствует и геополитический контекст противостояния Запада и Востока, Запада и России. В условиях геополитического противоборства фашизм оказался крайне востребованным.

«Выживание фашизма обеспечивалось жесткими требованиями противостояния Востока и Запада. Такая ситуация стала спасательным плотом для десятков тысяч нацистских преступников, получивших шанс избежать наказания, позволив сделать себя полезными инструментами в борьбе с коммунизмом. По иронии судьбы некоторые бывшие фашисты, поступившие на службу ЦРУ, позднее играли ведущую роль в неофашистских организациях, ненавидевших Соединенные Штаты. Одним из последствий мерзкого союза ЦРУ с ветеранами шпионской службы нацистов стало возрождение в Европе движения ультраправых экстремистов, свидетелями которого мы сегодня являемся. Его идеи уходят корнями в Третий рейх, а его передаточным звеном стали фашистские коллаборационисты, работавшие на американскую разведку» [8. С. 27].

«Сочетание невежества, беспамятства, а в некоторых случаях и политической симпатии позволило американским и европейским пособникам Третьего рейха занять видное и почетное место в Республиканской партии. Во многих случаях эти фашисты не раскаиваются в своем прошлом как враги Соединенных Штатов и сторонники нацистского геноцида. Ирония судьба заключается в том, что именно наша победа над Германией заставила связанные с СС группы бежать из своих восточноевропейских стран в некоторых случаях в США, и в последствии позволила бывшим врагам Соединенных Штатов влиять на американскую политику на самом высоком уровне» [12. С. 185].

Заключение

Подводя итоги обзора исследований по теме, можно констатировать, что современный фашизм — порождение глобализма и либеральной цивилизации, фаза ее существования. Смыслообразующим признаком неофашизма (или либерального фашизма) является идея антропологического неравенства,

проявляющаяся как в социальном аспекте, так и международных отношениях, определяемых по оси центр — периферия. Либеральный (демократический) фашизм — это следствие трансформации капиталистической системы, стимулируемой геополитическим противоборством Запада с «не западом», в частности с Россией. Внутренний контур либерального фашизма порождается «родимыми пятнами» капитализма: растущим социальным неравенством, усилением олигархических структур, обесцениванием демократических процедур и девальвацией самой природы феномена политического. Манипулирование сознанием со стороны властной элиты, а не реальная политическая конкуренция становится определяющим трендом в развитии политических систем. Насколько фашизация станет устойчивой тенденцией, судить пока сложно. Ближайшие годы будут определяющими в политической эволюции западного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М. : УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
2. Fassin E. The neo-fascist moment of neoliberalism // Brave New Europe. 09.08.2018. URL: <https://braveneweuropa.com/eric-fassin-the-neo-fascist-moment-of-neoliberalism> (дата обращения: 13.05.2025).
3. Манн М. Фашисты. Социология фашистских движений. М. : Пятый Рим, Фонд «Историческая память», 2019. 592 с.
4. Багдасарян В. Фашизм и нацизм: вторая попытка. М. : Изд. дом «Тион», 2025. 672 с.
5. Ирхин Ю.В. Социум и политика в постмодернистском Зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // Полития. 2005. № 4. С. 136–160.
6. Стиглиц Дж. Люди, власть и прибыль: прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М. : Альпина Паблишер, 2020. 430 с.
7. Шваб К. Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики. М. : Эксмо, 2022. 352 с.
8. Ли М. Фашизм: реинкарнация. От генералов Гитлера до современных неонацистов и правых экстремистов. М. : Кучково поле, 2017. 512 с.
9. Дугин А.Г. Четвертый путь. Введение в Четвертую политическую теорию. М. : Академический проект, 2015. 683 с.
10. Голдберг Дж. Либеральный фашизм. М. : Рид Групп, 2012. 512 с.
11. Уитмен Д. Американская модель Гитлера. СПб. : Питер, 2024. 272 с.
12. Беллант Р. Старые нацисты, новые правые и Республиканская партия. М. : Кучково поле, 2024. 240 с.

Информация об авторе:

Блохин Константин Владимирович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр исследования проблем безопасности РАН, Россия, 117335, Москва, ул. Гарибальди, д. 216 (ORCID: 0000-0002-1777-434X) (SPIN-код: 7642-5351) (e-mail: constantinos1@rambler.ru).